
сорок поэтов
КИТАЙСКАЯ
ЛИРИКА
20-40 годов

СОРОК ПОЭТОВ

КИТАЙСКАЯ ЛИРИКА 20-40 ГОДОВ

Перевод с китайского

Л.Е. Черкасского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ГЛАВНАЯ
РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Ответственный редактор
Л. З. Эйдлин

Предисловие
и статьи об авторах
Л. Е. Черкасского

С $\frac{70404\text{-}068}{013(02)\text{-}78}$ 195-77

О КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ 20—40-х ГОДОВ

Читатели хорошо знакомы с новой китайской поэзией по издававшимся в нашей стране сборникам переводов, журнальным публикациям, научным статьям, монографиям *.

Книга «Сорок поэтов» продолжает эту традицию. В этом поэтическом сборнике читатели найдут произведения поэтов «4 мая» 1919 г. и тех, кто шел вслед за ними, развивая их успехи, а также тех, кто начинал в период движения «4 мая» и продолжал творить в иное время и при иных обстоятельствах. Представлены здесь и образцы поэтического творчества памятного десятилетия, в котором определяющим фактором жизни страны была война Сопротивления против японского империализма (1937—1945).

Цель сборника — показать китайскую лирику (гражданскую, философскую, пейзажную, любовную) во всем многообразии ее жанров, стилей, направлений, а также познакомить с тем новым, что пришло в китайскую поэзию под влиянием мировой литературы, в обстановке все усиливавшихся литературных связей Китая с зарубежными странами.

На страницах сборника звучат стихи поэтов — реалистов, романтиков, символистов, трактующих — каждый по-своему — проблему становления новых моральных и нравственных принципов, шедших на смену конфуцианскому домострою, проблему взаимоотношений человека и общества, тему войны. Особое место в книге занимают произведения революционных, проле-

* См., например: В. В. Петров, Ай Цин, М., 1951; С. Д. Маркова, Китайская поэзия в период национально-освободительной войны 1937—1945 гг., М., 1958; В. Т. Сухоруков, Вэнь И-до. Жизнь и творчество, М., 1968; Л. Е. Черкасский, Новая китайская поэзия, М., 1972, и др.; Поэзия освобожденного Китая, Л., 1951; Антология китайской поэзии, т. 4, М., 1958; Новая поэзия Китая, М., 1959; сборники стихов в переводах Г. Ярославцева: Инь Фу, Слова, омытые кровью, М., 1964, Красные бобы, Алма-Ата, 1972, Вэнь И-до, Думы о хризантеме, М., 1973, и др.

тарских поэтов, утверждавших гуманистические идеалы коммунизма, провозглашенные Великой Октябрьской социалистической революцией.

Книга «Сорок поэтов» является завершающей в задуманной мною более десяти лет назад серии сборников, посвященных китайской лирике новейшего времени (1919—1949); ранее вышли в свет «Красный прибой» (М., 1964), «Дождливая аллея» (М., 1969), «Пятая стража» (М., 1975). Книга «Сорок поэтов» вбирает в себя все наиболее существенное из трех предыдущих сборников, а также представляет читателям новые переводы еще десяти поэтов.

Новая поэзия — или, терминологически, поэзия новейшего времени — берет свое начало в бурных волнах антиимпериалистического движения «4 мая» 1919 г., возникшего под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Его бойцы совершили исторический подвиг. Они пробудили сознание широких слоев китайского общества, наглядно и убедительно продемонстрировали анахронизм и противоестественность старого правопорядка, основанного на абсолютной покорности и общественной апатии человека, на его нравственном и физическом подавлении. Движение «4 мая» не было завершающим этапом борьбы; напротив, оно знаменовало собой ее начало: после «4 мая» Китай по-прежнему оставался под властью иноземных колонизаторов и местных феодалов. «Современная жизнь все равно что жизнь в тюрьме! — писал в июне 1919 г. один из основателей Коммунистической партии Китая — Ли Да-чжао.— Мир, государство, общество, семья — все для нас тюрьма, мы нигде не свободны от оков!» Вместе со всеми прогрессивными силами нации деятели новой китайской литературы, рожденной в ходе движения «4 мая», включились в борьбу за выполнение исторической задачи национального и социального возрождения Китая.

После провозглашения в 1917 г. «литературной революции» первыми произведениями новой литературы были стихи на разговорном языке байхуа, который заменил сложный и без специальной подготовки трудно доступный вэньянь — язык классической поэзии Китая. Новая поэзия, будучи тесно связанной с политическими и идеологическими устремлениями века, стала авангардом «литературной революции». Причина такого непосредственного взаимодействия и связи политики и литературы

была заложена в самом характере движения «4 мая», что не могло не оказать на поэзию решающего влияния. Кроме того, литература в Китае, поэзия в особенности, издревле занимала исключительное положение, являясь признанным орудием познания, отображения, воспевания и осуждения действительности. Еще в древних трактатах, разумеется с позиций конфуцианства, говорилось о выдающейся роли литературы «в управлении государством».

Поэзия «4 мая» утверждала идеи демократии и гуманизма; впервые с близкого расстояния она взглянула на затравленного и униженного человека, живущего по закону предков и слову Конфуция, по указу государственного чиновника, милостью помещика, существование которого казалось такой же неотвратимостью, как поочередная смена дня и ночи. Поэты «4 мая» во весь голос заговорили о самом главном: вечен ли старый мир, всегда ли женщина будет нема и безгласна, а рикша, забывая, что он человек, всегда ли будет мчаться, как лошадь, по пекинским переулкам, мимо лавок и харчевен с заманчивыми поэтическими названиями? В поэзии рождались образы нового мировосприятия — Мотыги и Молота, Красного Нового года, Сада будущего. Новая поэзия выступила против конфуцианского домостроя, за свободную любовь, отвергавшую феодальную мораль. Поэтические строки отражали реальный бунт молодежи против непререкаемого «авторитета старшего в семье» — отца, брата. Разлад «отцов и детей» разросся до острого конфликта между приверженцами старой системы общественных и семейных отношений и людьми, устремившимися к иным идеалам. Все эти проблемы стали главной темой в творчестве Лю Бань-нуна и Лю Да-бая, Ван Цзин-чжи, Сюй Юй-но, Шэнь Инь-мо.

По-своему решали их такие поэты, как Юй Пин-бо, Се Бин-синь, Кан Бай-цин, произведения которых были искренни и человечны, но камерность заменяла в них широкий взгляд на действительность, присущий поэзии Лю Бань-нуна и Ван Цзин-чжи, желание скрыться от жизненных невзгод оказалось сильнее желания открытого вмешательства в жизнь ради ее улучшения.

В начале 20-х годов рядом с поэтами, тяготевшими к реалистическому отображению действительности (к ним можно отнести большинство из названных выше), свой творческий путь начинали поэты-романтики, однако наиболее известные свои произведения они создали несколько позднее, когда движение

«4 мая» уже лишилось прежней активности и силы, так и не принеся желанной свободы. Го Мо-жо, Вэнь И-до, Чжу Цзы-цин, Сюй Чжи-мо (в первой своей книге) обратились к будущему, но теперь оно не казалось столь близким и легко досягаемым. Поэты-романтики прославляли грядущее Солнце, рассеивающее мрак жизни и устремленное к людям, воспевали великие и до конца не осознанные идеалы, утверждали смелого героя, сверхчеловека, гордящегося иллюзорной своей независимостью.

В эти же годы появились первые строки пролетарской поэзии, сочетавшей реалистическое отображение действительности с романтикой борьбы, с яркой мечтой о будущем содружестве людей, где «тебе не скажет ни один: тот лакей, а этот — господин». Большой резонанс в 20-е годы получил сборник стихов поэта-коммуниста Цзян Гуан-цы «Новые мечты», который, по словам критика Цянь Син-цуня, принес «вести о мировой революции». Пролетарская революционная поэзия развивалась в условиях сложной и длительной борьбы с эстетическими платформами и теориями декадентов, храня традиции героико-романтической поэзии «4 мая» и открывая новые пути в искусстве.

Новая поэзия создавалась не на пустом месте. За ней стояла многовековая традиция прекрасных образцов классической литературы, но ее отягощал и груз феодального мировоззрения, старых обычаев, привычек, эстетических категорий. Вредное отрицалось строителями новой культуры, лучшее из старого продолжало служить народу. В Китай пришла поэзия Запада; поддерживая тех, кто поднялся на штурм мракобесия и невежества, она становилась фактом идеологической и культурной жизни страны. Зарубежная литература оказывала серьезное влияние на новую литературу Китая. Воспринимались общественные идеи, заложенные в литературах Запада, эстетические принципы, приемы и способы художественного изображения и форм стиха. За десять лет (1917—1927) в Китае было издано свыше 200 книг зарубежных авторов, из них около 70 русских, прежде всего произведения Л. Толстого, Тургенева и Чехова, а уже к 1938 г. список русских и советских книг на китайском языке составил 135 названий. В 20-е годы переводились произведения французских писателей XIX в. (Мопассан, Доде, Флобер, Золя), поэзия Байрона, Шелли, Гейне, Китса, Пушкина.

Западная культура пришла в Китай и в произведениях самих китайских поэтов. Новая поэзия выполняла весьма важные

в условиях китайской действительности просветительские функции. Китайские литераторы воспевали скульптуру Родена «Рука» и мудрость Льва Толстого, посвящали свои стихи Томасу Гарди, Данте, Рабле, Бернарду Шоу. Они подражали Гёте, Гейне, Тагору, Байрону, переводили близких им по духу иностранных авторов, за которыми следовали и которым поклонялись. Так становились известными читателям Бодлер и Верлен, Блок и Есенин.

Многие китайские поэты учились за границей и, подобно своим сверстникам, изучавшим на Западе естественные и технические науки, мечтали о возрождении нации. Они привозили в Китай новые идеи, а главное — знания, столь необходимые их стране. Традиционное воспитание, сталкиваясь с западной культурой, нередко рождало в умах философский эклектизм, политическую всеядность, путаницу и хаос. Они были разными людьми, писатели и поэты, с разными идеалами и убеждениями. Но их сближало страстное желание покончить с феодальными порядками в стране и освободиться от империалистического гнета. С годами, по мере обострения классовых противоречий, в рядах литераторов произойдет четкое размежевание, но на первых порах китайская поэзия выступала, так сказать, нерасчлененно, хотя в однородном — в известном смысле — лагере поэзии «4 мая» с самого начала обозначались противоречивые и даже противоположные тенденции.

Перед новой китайской поэзией встала проблема формы и языка. Проза на байхуа периода «4 мая» имела свои традиции, восходящие прежде всего к средневековой городской повести и классическому роману; новая поэзия устремилась в «неизнаемое». Она должна была утолить духовный голод современников и попытаться ответить на вопросы, на которые уже нельзя было не отвечать; новая поэзия должна была не только объяснить происходящее, но и приоткрыть завесу будущего; ей предстояло создать новые поэтические формы, соответствующие новому содержанию и разговорному языку, который отныне становился языком поэзии.

Отживали свой век классические формы. Утверждался свободный стих (верлибр), гибкий и раскованный, способный передать ритмы нового века, новые образы, новую лексику. Позднее по образцу английского силлабо-тонического стиха возник так называемый «новый регулярный стих» Вэнь И-до, отличающийся, по наблюдениям В. Т. Сухорукова, как от классического, так и от свободного стиха, приспособленный к осо-

бенностям байхуа и подчиняющийся определенным законам, которые придают ему ритмичность, музыкальность и строгие графические контуры. Впрочем, большого распространения «новый регулярный стих» не получил.

Поэзия обогащалась новыми жанрами. В 20-е годы весьма популярны были «короткие стихи» — сяоши (Лян Цзун-дай, Цзун Бай-хуа, Лю Да-бай, Се Бин-синь), появившиеся под влиянием японских хокку и танка и некоторых стихотворений Тагора; в 30-е годы получает развитие жанр эпической поэмы. Интересны были опыты создания сонетов по образцу западноевропейских (Фэн Чжи, Чжу Сян, Вэнь И-до). Плодотворным оказалось также использование мотивов, ритмов и образов народных песен (Лю Бань-нун, Пу Фэн, Ван Я-пин, Кэ Чжун-пин).

Новая поэзия была чуткой ко всяким колебаниям общественной атмосферы, тем более к событиям общекитайского значения. Символизм, появившийся в 20-е годы, выразил чувства и умонастроения той части китайской интеллигенции, которая после драматических событий 30 мая 1925 г. (расстрел демонстрации рабочих и студентов Шанхая) вдруг обрела трезвый взгляд на вещи — она была потрясена открывшейся перед ней картиной безысходности. Романтическая устремленность к неосознанным и абстрактным идеалам привела поэзию к отрыву от действительности, к релятивистскому неверию в разум, в объективное познание жизни. Возникновение в новой поэзии течения символистов не было случайным. Не случайно оно оказалось и слабым, а потому довольно быстро было сметено поэзией романтико-героической и реалистической.

Для китайских символистов 20—30-х годов близким и понятным оказалось свойственное П. Верлену и А. Рембо трагическое ощущение разрыва между мечтой и действительностью. Поэзия символистов (Ли Цзинь-фа, Фэн Най-чао, Му Му-тянь, Дай Ван-шу) с ее культом скорби и печалью о прошлых днях стала убежищем смятенного духа.

В начале 30-х годов поэты-символисты объединились и создали общество «Современность» с одноименным журналом. «Поэзия в „Современности",— писал редактор нового журнала Ши Чжэ-цунь,— есть поэзия. Поэзия чисто современная. Она выражает современные настроения, возникающие у современного человека в современной жизни». И действительно, поэты «Современности», и прежде всего Дай Ван-шу, были голосом тех молодых интеллигентов 30-х годов, которым импонировали

присущие китайским символистам мотивы отчаяния, тоски, одиночества, страха за мятущегося в этом непонятном мире человека, наконец, стремление «выразить невыразимое».

Влияние поэзии «Современности» на молодежь было довольно сильным. Ее своеобразное очарование уводило читателя в мир причудливых образов и звуков. Однако время, как писали тогда китайские критики, требовало литературы, пробуждающей самосознание народа, воспитывающей в нем гражданина и борца.

Именно такой была революционная, пролетарская поэзия, которая продолжала развиваться и набирать силы даже в условиях жесточайшего гоминьдановского террора после подавления революции 1925—1927 гг.

Прогрессивные гуманистические и демократические тенденции находили свое воплощение в творчестве пролетарских поэтов и были подхвачены Китайским поэтическим обществом, созданным в 1932 г. революционной Лигой левых писателей Китая (основана в марте 1930 г.).

Созданию Общества предшествовали борьба с литераторами из группы «Новолуние» и серьезная дискуссия о революционной литературе.

Предыстория «Новолуния» началась с образования в 1926 г. журнала «Поэзия», который выходил как приложение к пекинской газете «Бэйцзин чэньбао» в течение нескольких месяцев. Журнал редактировали Сюй Чжи-мо, Чжу Сян, Жао Мэн-кань. Европейски образованные люди, активные авторы «Поэзии» считали важнейшей задачей нового журнала изучение теоретических проблем стихосложения и пропаганду лучших образцов западной, главным образом англо-американской, поэзии. Переводы произведений английских романтиков, французских символистов, Уитмена, Тагора, японской классической поэзии во многом были заслугой литераторов из журнала «Поэзия». Но с самого начала основатели журнала провозгласили старый принцип «искусство для искусства», тщетно пытаясь согласовать его с принципом служения народу посредством искусства. В статье, посвященной выходу журнала и по времени совпавшей с событиями 18 марта 1926 г. (расстрел студенческой демонстрации в Пекине), Вэнь И-до, имевший к «Поэзии» самое непосредственное отношение, с искренней убежденностью писал: «Мы надеемся, что журнал „Поэзия" будет тесно связан с патриотическим движением. Горячая кровь людей, любящих свободу и справедливость и стремящихся к идеалам, пролива-

ется на площади Тяньаньмэнь и в переулке Тешицзы. Так пусть она стекает и с кончика пера на бумагу».

Вэнь И-до думал, что группа, где сотрудничали его друг Сюй Чжи-мо и поэт Чжу Сян, человек справедливый и честный, будет связана с патриотическим движением. Сам он так и поступил. Но с группой произошла резкая метаморфоза. Не до конца последовательным оказался и Чжу Сян.

В 1928 г. из ядра бывшего журнала «Поэзия» возникла эстетская группировка «Новолуние» со своим журналом и издательством. В ту пору активную деятельность в новом журнале развернули и буржуазные деятели Ху Ши и Лян Ши-цю. В начале 30-х годов, после гибели в авиационной катастрофе Сюй Чжи-мо и самоубийства Чжу Сяна, «Новолуние» распалось на группки — «Благовонные цветы» (Шао Сюнь-мэй) и «Регулярный стих» (Чэнь Мэн-цзя).

Члены «Новолуния» проповедовали индивидуализм, прочили «великое будущее» буржуазной культуре, призывали творцов поэтических строк уходить от борьбы в царство красоты поэтических форм. Лян Ши-цю опубликовал в журнале «Новолуние» программную статью «Литература и революция», где выступил против самого термина «революционная литература», пытаясь доказать надклассовый характер литературы, ее творческую автономию и нейтрализм.

Прогрессивные деятели литературы выступили против теоретических концепций и художественной практики «Новолуния». Резкую отповедь Лян Ши-цю дал, например, поэт Фэн Най-чао в статье «Критика работы Лян Ши-цю „Литература и революция"». Он, в частности, писал: «Для нас несомненно, что пролетариат — это Прометей, который может освободить человечество от неразумной системы, труд — от оков рабства, искусство — от пут денег. Политики, мыслители, литераторы и другие деятели науки и искусства являются бойцами-единомышленниками под знаменем этой веры».

Самое примечательное было не в словах Фэн Най-чао: под ними могли подписаться тысячи, и тысячи могли их написать, а в том, что эти слова принадлежали вчерашнему символисту, автору мрачнейшей в китайской поэзии 20-х годов книги стихов «Фонарик из красного крепа», поражающей кладбищенскими настроениями и предчувствием неминуемой и скорой гибели!

Фэн Най-чао удалось преодолеть свой пессимизм и выйти на дорогу реальной жизни и борьбы. В мире происходили та-

кие социальные потрясения, которые изменяли не только поэтические судьбы, но и облик целой страны.

Не было ничего удивительного в том, что, например, Му Му-тянь, теоретик и практик китайского символизма, требовавший от поэзии сокрытия где-то в глубинах подтекста истинного смысла произведения, спустя два-три года становится одним из основателей Китайского поэтического общества, на знамени которого было написано: реализм, массовая поэзия для народа, а Цзан Кэ-цзя, будучи близок к эстетскому «Новолунию», стал одним из тех, кто способствовал гибели этого Общества; именно он, как сказал китайский литературовед Ван Яо, «повел „Новолуние" на эшафот».

Резкие превращения вовсе не свидетельствовали о всеядности, напротив, они говорили о гражданской и художнической совести поэта или писателя и о его тревоге за судьбу отечественной культуры. Такой тревогой за ее дальнейшее развитие и желанием парализовать активность «Новолуния» была продиктована необходимость дискуссии о революционной литературе, инициаторами которой в 1928 г. выступили прогрессивные объединения «Творчество» и «Солнце». Эта дисскусия помогла многим из ее участников понять важность соединения теории литературы и искусства с революционной практикой, первостепенную значимость художественного мастерства и жизненного опыта для создания полнокровных произведений, опасность забвения той бесспорной истины, что пропагандистская сила литературы находится в прямой зависимости от ее художественных достоинств.

Между тем в мире происходили серьезные события. Усиление японской агрессии, вторжение японских войск в Маньчжурию (1931), интервенция в Шанхае (1932) грозили перерасти в общенациональную катастрофу. Необходима была консолидация сил народа, укрепление его воли, воспитание сознания. Борьба на идеологическом фронте не прекращалась. Литераторы из Китайского поэтического общества (Пу Фэн, Ван Я-пин, Жэнь Цзюнь, Цзян Юэ-лан и др.) противопоставили свое творчество «чистому искусству»; они выдвинули лозунг: «Придадим поэзии массовый характер!»; они писали: «Мы должны создавать песни по типу народных, песни под барабан, детские песенки, мы должны сделать наши песни и стихи мелодией масс, и сами станем частицей масс».

Члены Общества видели свою задачу в создании массовой поэзии, понятной и доступной широкому читателю, отвечаю-

щей его духовным запросам. При этом подчеркивали, что термин «массовая поэзия» не тождествен термину «упрощенческая поэзия». Теоретики Общества предостерегали от «механического», недифференцированного подхода к массам, культурный уровень которых неодинаков. Поэт — педагог, говорили они, он обязан помнить: его произведения должны быть доступны народу, однако добиваться цели следует не нарочитым упрощением содержания и формы, а путем отбора понятных и доходчивых художественных средств; необходимо способствовать повышению читательского уровня. Борьба Лиги левых писателей и Цюй Цю-бо за массовую литературу в Китае означала в те годы борьбу за народность искусства, и в этом смысле Общество стояло на верном пути.

Естественные интонации, реалистические образы, приближенные к песням ритмы, разговорный язык способствовали возникновению в Китае движения за декламацию стихов, ибо, по мнению теоретиков Общества, поэзия есть искусство не только «чисто зрительное», но и декламационное. Это движение оказалось возможным в результате эволюции китайской поэзии (после «4 мая») на языке, приближенном к нормам разговорной речи; оно отвечало задачам пропаганды и агитации с помощью художественного слова: Китайское поэтическое общество утилитарную функцию искусства ценило чрезвычайно высоко. В годы войны Сопротивления движение за декламацию, начатое Обществом, что было особенно важно в стране с высоким процентом неграмотности, приняло еще больший размах и добилось определенных успехов в распространении революционных идей.

Поэтов Общества объединяла жажда перемен в сознании и жизни людей, в облике страны. Они пробуждали в соотечественниках национальное достоинство во имя уничтожения рабской психологии и унизительного страха перед грубой силой. Их поэзия в целом достовернее изображала деревню, нежели город, который, как правило, наделяли враждебной и темной силой. Социальные сдвиги, классовые столкновения далеко не всегда распознавались и находили правильную оценку. В годы войны тяготение к изображению деревни станет в китайской поэзии еще сильнее (Цзан Кэ-цзя, Цзоу Ди-фань, Ша Оу и др.). Героями лирических стихов и поэм часто будут выступать крестьяне и солдаты и редко — китайские рабочие, горожане. Неизменным лирическим героем множества произведений останется интеллигент, с которым, однако, в условиях войны, втя-

нувшей в свою орбиту все слои китайского общества, произойдут решительные перемены: он станет солдатом, революционером,— даже тот, кто долгие годы тешил себя несбыточными иллюзиями и, пытаясь сохранить автономию личности, пребывал в выдуманном мирке ветра и цветов, снега и луны, уединения и безмолвия!

В 1935 г., в условиях подъема национального самосознания и патриотизма китайского народа, был выдвинут лозунг «Литература национальной обороны». Поэзия подняла знамя «Поэзии национальной обороны», в авангарде ее стояло Китайское поэтическое общество, члены которого до начала войны Сопротивления выпустили несколько патриотических сборников — «Боевую песню» Жэнь Цзюня, «Стальные песни» Пу Фэна, «Песни сердца» Ян Сао, «Мою песню» Лю Цяня, «Песни беженца» Му Му-тяня и др.

Характеризуя «стремительный поток поэзии национальной обороны», поэт Ян Сао писал о «стихах гнева и протеста». Ушли в небытие мотивы печали и скорби, на смену молитвам пришел боевой зов трубы. К сожалению, вместе с молитвами из поэзии почти исчезла любовная лирика. В поэзии появились оптимизм, бодрость, не всегда обоснованные, и призывность, которая часто оборачивалась лозунговостью, хотя, как справедливо заметил Ян Сао, доходчивые стихи-лозунги все же были лучше произведений поэтов, выдававших неясность, туманность мысли и непонятное бормотание за новейшие достижения отечественной поэзии (Ян Сао, Клич истории, 1936).

Необходимо подчеркнуть, что «поэзия национальной обороны» и стихи, созданные в разгар войны Сопротивления, не ограничивались антияпонской тематикой. Поэзия выступала против всех и всяческих форм насилия и тирании, против японского и мирового империализма, против внутренней реакции.

Жэнь Цзюнь, вспоминая много лет спустя деятельность Китайского поэтического общества, писал, что оно, продолжая реалистические традиции революционного объединения «Солнце», преградило путь декадентской литературе, заложило основы теории и практики реалистической массовой поэзии; Общество, писал он, «своими усилиями и отвагой подготовило бойцов и оружие, что позволило, когда грянул час, мобилизоваться и вступить в войну».

В середине 30-х годов вместе с литераторами из Китайского поэтического общества свой творческий путь начинали

Цзан Кэ-цзя, Ай Цин, Тянь Цзянь, но лучшие свои произведения и поэмы они создали позднее, в годы войны Сопротивления.

Середина 30-х годов, как уже отмечалось, знаменует собой появление жанра эпической поэмы. Поэзия 20-х годов знала лирическую поэму (Вэнь И-до, Сюй Чжи-мо, Чжу Сян); тенденция перехода от лирики к эпосу была закономерна и естественна. Общественные движения, освободительная война, которая в той или иной степени затронула миллионы людей, классовые столкновения в городе и деревне требовали образов и картин сложных, многоплановых, логически взаимосвязанных, эпически протяженных. Пу Фэн писал: «Наступила эпоха поэзии эпической. Нам нужны великие эпические поэмы». Наиболее примечательными из вышедших накануне войны были поэмы Пу Фэна «Засуха», «Автопортрет» Цзан Кэ-цзя и «Китай. Деревенская история» Тянь Цзяня.

С началом войны организационной формой объединения писателей-патриотов стала Всекитайская ассоциация деятелей литературы и искусства по отпору врагу, созданная в марте 1938 г. в г. Ухани.

В первые годы войны поэзия, подобно очерковой литературе, достигла небывалого расцвета. За 1937—1941 гг. вышло в свет около ста сборников, не считая многочисленных публикаций в газетах и журналах. В разных городах страны появилось множество поэтических журналов, среди которых самым популярным был «Июль», выступивший с требованием глубже изучать жизнь народа и продолжать традиции Лу Синя.

Общенациональный характер войны расширил сферу влияния литературы и степень творческого участия в ней масс. Кроме поэтических произведений профессиональных поэтов появилось (особенно позднее, в Освобожденных районах) огромное количество стихов и песен непрофессиональных авторов — крестьян, солдат, рабочих.

В эти годы литераторы особенно остро почувствовали свою кровную связь с народом.

Даже те, кто и часу не провел в полевых траншеях, жили теперь под тенью войны, писал Сюй Кай-юй, составитель и переводчик антологии китайской поэзии на английский язык. Бомбардировщиков врага слышали почти ежедневно. Спокойно взирать на происходящее, отсиживаться в молчании было невозможно. Заговорили все. Основным мотивом поэзии стал гневный протест оскорбленного народа, а часто повторяющимися

поэтическими образами — копья с красными кистями, окрашенные кровью.

Громкий голос крестьян, сражавшихся в партизанских отрядах, вливался в общую симфонию борьбы. Муза сменила лиру на горн, нежную мелодию флейты — на барабанный бой (двухударный напряженный ритм Тянь Цзяня).

Прославление подвига, воспитание презрения к смерти во имя победы вызвали к жизни стиль возвышенный и патетический, часто переходящий в высокопарность.

В начальный период войны в поэзии преобладали жанры коротких стихов, песен, маршей, сатирических произведений; позднее начинает превалировать жанр эпической и лиро-эпической поэмы (Ай Цин и Тянь Цзянь, Цзан Кэ-цзя и Кэ Чжун-пин, Юань Чжан-цзин и Чжан Чжи-минь). Публиковавшиеся тогда поэмы в основном были посвящены деревне — свидетельство сужения сферы поэтического вúдения жизни. Правда, тому были объективные причины: большинство городов было оккупировано японцами.

Развитию эпической поэзии (после появления первых ее образцов в 1935—1936 гг.) предшествовал период поисков и постижения материала. Упрощенный взгляд на войну в первый ее период сказался и на произведениях, количество которых росло с каждым днем. Обнаружилось противоречие между темой, выдвигаемой временем, и ее воплощением — поэтическим словом. Проблема языка и формы поэзии, ее общедоступности приобрела еще бóльшую актуальность и остроту. Движение за декламацию и за цзетоуши (стихи для улицы) избрало своим лозунгом «Создание поэзии массового характера». Мизерные тиражи сборников, низкий процент грамотности среди населения обусловливали важность пропаганды через устное поэтическое слово. Но предстояла еще немалая работа по созданию истинно массовой поэзии для народа, отвечающей задачам «искусства для слуха». Впервые стихи прозвучали в 1937 г. в г. Ухани со сцены торжественного собрания, посвященного годовщине со дня смерти Лу Синя. Позже движение за декламацию получило развитие в Яньани, Чунцине и других городах. Стихи декламировались на массовых собраниях и вечерах, передавались по радио. Специальные бригады выезжали на фронт, где читали стихи солдатам.

Поэты-профессионалы и непрофессиональные авторы в Освобожденных районах воспевали борьбу народа под руководством коммунистов против японских агрессоров и чанкайшист-

ских реакционеров. В Яньани, центре Освобожденных районов, зародилось и стало быстро распространяться движение за цзетоуши — боевой жанр китайской поэзии военных лет, появившийся под влиянием «Окон РОСТА» В. Маяковского. Крупными мастерами цзетоуши были Тянь Цзянь и Кэ Чжун-пин. С рисунками и без рисунков, цзетоуши напоминали энергичные лозунги и призывы: язык их прост, доходчив, образен и эмоционален, политическая целеустремленность четкая и недвусмысленная. Отпечатанные цзетоуши расклеивались на заборах и домах или просто передавались из рук в руки. В армии появились «стихи для оружия» (цяньши) — бойцы наклеивали их на приклады, стволы пулеметов и орудий.

В Освобожденных районах работала большая группа талантливых и ярких поэтов — Ай Цин, Тянь Цзянь, Кэ Чжун-пин и др.— авторы широко известных в Китае поэм и стихотворных сборников.

В предисловии к книге «Тем, кто сражается» (1938) Тянь Цзянь, как всегда темпераментно и страстно, писал о том, что Китай и его народ, поднявшись на священную национальную войну, «жаждут иметь таких же поэтов, как советский поэт Маяковский, как венгерский поэт Петефи»; Тянь Цзянь верит: в его стране тоже будут созданы эпические поэмы гомеровских масштабов, надо лишь творцам стихотворных строк много и жадно учиться у жизни, в борьбе, в гуще событий чеканить каждую главку, каждую фразу, словарь и ритмы будущих поэм.

В число лучших вошли поэмы, созданные в пору войны на фронте. Кэ Чжун-пин в 1938 г. написал поэмы «Отряд самообороны Пограничного района» и «Партизанский отряд рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги». Ай Цину принесла успех поэма «Он умер во второй раз» (1939) — клятва верности родине и готовность умереть за нее в бою. Громадное впечатление на читателей произвели поэмы Тянь Цзяня «Ее песня» (1938) и «Тем, кто сражается» (1938).

В произведениях военных лет часто встречаются названия гор, рек и деревень, где шли жестокие бои, имена горнистов и часовых, девушек-санитарок, выносивших с поля боя раненых бойцов, партизан, героев сражений и детей, с риском для жизни помогавших взрослым бить врага.

Поэты писали о победах и горечи поражений, о крови и муках многолетней войны, о ее участниках и о жизни, которая не слышала разрывов артиллерийских снарядов, не видела враже-

ских самолетов, но в которой война ощущалась на каждом шагу.

В гоминьдановских районах прогрессивные литераторы, живя под угрозой насилия и произвола местных властей, создавали наступательные, боевые, жизнеутверждающие произведения, а также сатирические стихи, острием своим нацеленные на гоминьдановских реакционеров (например, «Нулевой градус жизни» Цзан Кэ-цзя или сатира Юань Шуй-по, представленные в настоящем сборнике).

Сравнительно небольшое количество произведений, непосредственно связанных с темой войны и отобранных для сборника «Сорок поэтов», объясняется тем, что эта тематика находила свое воплощение прежде всего в эпических жанрах, образцы которых известны советским читателям.

В последние годы китайская поэзия новейшего времени, в том числе представленная на страницах этой книги, была изъята из библиотек и книжных лавок, вычеркнута из школьных и вузовских программ. Но нельзя «изъять» или «вычеркнуть» из памяти людской поэзию, выражавшую думы, мечты и надежды народа. Китайская поэзия 20—40-х годов эту свою высокую миссию выполнила достойно.

Л. Черкасский

Лю Бань-нун
(1891—1934)

Имя Лю Бань-нуна стоит в ряду активных деятелей «литературной революции», пионеров новой китайской поэзии. Лю Бань-нун боролся за литературу, реалистически отображающую жизнь, за живой разговорный язык, понятный широкому читателю. Поэт внес ощутимый вклад в разработку новых форм и жанров, рифмы и ритма, нерифмованного стиха и стихотворения в прозе; он широко использовал в своих произведениях народные песни, пытался индивидуализировать речь персонажей, вводил в текст местные речения и диалектизмы.

Боец в лагере «литературной революции» (Лу Синь), Лю Бань-нун обратил свой взор на «маленького человека» — крестьянина, ремесленника, подмастерья, работницу, рикшу, нищего. Сам Лю Бань-нун происходил из очень бедной семьи. От своей бабушки он узнал страшную историю о том, как однажды, потеряв голову от отчаяния: нечем было кормить семью, она оставила свою крошечную дочь, будущую мать Лю Бань-нуна, на реке, покрытой льдом. Эту историю много раз вспоминали в семье Лю Бань-нуна, и она запечатлелась в его душе на всю жизнь. Может быть, именно она явилась источником его теплых и нежных стихотворений, обращенных к детям.

В предисловии к сборнику «Глиняный котел» (1926), созданному на основе китайских народных песен, Лю Бань-нун образно сформулировал свое творческое кредо: он отказывался служить утонченным вкусам любителей «золотых колоколов» — не слишком ли их много в Китае? Его цель — донести до людей «голос глиняного котла, на который тысячелетия взирали с оскорбительным пренебрежением».

Глиняный котел для варки крестьянской пищи заговорил мелодиями песен, жанровыми сценками, стихами, полными сочувствия к угнетенному и бесправному народу. Подобно многим поэтам «4 мая», Лю Бань-нун мечтал о счастливом завтра и, вдохновленный первыми признаками перемен, написал сим-

волически прозвучавшие «Ветер», «Кузнец» и другие стихотворения.

Значительное место в поэзии Лю Бань-нуна занимают стихи, созданные в Лондоне и Париже, где поэт учился пять лет. Так, более половины стихов одного из двух его сборников, «Взмах плети», составляют стихи о загранице. Пишет ли китайский поэт о жертвах первой мировой войны, о трагедии человека в капиталистическом обществе или о социальном неравенстве, он всегда выступает с позиции активного, жизнеутверждающего гуманизма.

Лю Бань-нун требовал от поэзии правды и был убежден, что лживые мысли и чувства недостойны истинного поэта. «Я не пишу, когда нет впечатлений,— говорил он.— И только в те минуты, когда уже больше не могу сдержать обуревающие меня чувства, берусь за перо».

Смелый, порывистый, искренний, Лю Бань-нун был человеком высоких душевных качеств. После его смерти Лу Синь в статье «Воспоминания о Лю Бань-нуне» назвал поэта прозрачным ручьем, у которого просматривается дно.

МЕЖДУ НИМИ ЛИШЬ СЛОЙ БУМАГИ

Пляшет огонь в печи,
В комнате благодать;
Велит господин отворить окно,
За фруктами посылает слугу.
«На дворе,— говорит,— прошли холода,
А печь накалили — дышать не могу».
На улице нищий лежит на земле,
Холодной, как льдина;
Он стиснул зубы,
Он проклинает северный ветер злой.
А всего-то
Между нищим и господином
Бумаги оконной
Тоненький слой!

Октябрь 1917 г., Пекин

ГОДОВАЛОМУ ЮБИЛЯРУ

Ты голоден — сменился плачем смех,
Насытился — тебе и горя мало.
Устал — уснул,
Замерз — натянешь одеяло,
В груди сердечко бьется, как у всех,
Оно еще не тосковало.
Есть у тебя и уши, и глаза,
И выдан нос на долгое ношенье;
Твоя душа не рвется в небеса,

Ей не грозит земное разрушенье.
Я так тебе завидую, родной,
Ты божество меж небом и землей,
Ты царь природы
Без короны.

1917 г.

ВЕТЕР

В прошлом году осенью, когда я приехал в Пекин, я на себе испытал, как свиреп северный ветер; и тогда мне пришла в голову мысль написать стихи о ветре. Писал, исправлял, снова писал, но никак не мог найти то, что хотелось. Наконец осенью этого года я написал больше сорока иероглифов, ибо ветер снова неистовствовал. Таким образом, маленькое это стихотворение я писал целый год!

Ветер, ветер!
Могучий ветер,
Ты дуешь годами,
Носишься по кварталам,—
Ты когда-нибудь
Бываешь усталым?
Ветер, ветер!
Никто, полагаю,
Не может с тобой тягаться.
И что тебе за нужда
Напрягаться?

1918 г.

ПРОДАВЕЦ РЕДИСА

Жил продавец редиса в разрушенном темном храме.
Однажды где-то решили разрушенный храм продать.
Быстро явилась полиция и — к продавцу редиса:
«Здесь нельзя оставаться! Убирайся скорей!»

«Да... да...»,— бедняк соглашался,
А про себя он думал:
«Убраться? Куда же? Может быть, знают они?»
Назавтра полиция снова пришла к продавцу редиса.
Он таращил глаза, разводил руками, топтался на месте,
по не говорил: «Не уйду!»
Рассвирепела полиция, гонит его из храма,
Громит нехитрую утварь, очаг на куски крошит,
А рваную его циновку и рваное одеяло,
И коромысло злобно швыряет в дорожную пыль.
Несколько круглых редисок скатилось в канаву рядом,
И стали черными-черными красные их бока.
Ребятишки бросили игры и поспешили к храму,
Тоже таращат глазенки, разводят руками, переминаются
с ноги на ногу и молчат.
С победой ушла полиция.
«Страшно»,— сказал семилетний
Испуганный мальчуган.
«Мы это должны запомнить,
Но мы не будем такими,
Как продавец редиса»,—
Девятилетний сказал.
Не понял его семилетний,
Таращит глазенки, молчит.

1918 г.

КОВРИК

Похолодало; скопил денег, коврик купил шерстяной.

Расстелил в коляске — глаз нельзя оторвать от ярких алых цветов.

Господа садятся, видят хороший коврик, дают два-три медяка.

Тащится рикша, струится пот, дует северный ветер. Холодно.

Ему бы накинуть коврик на плечи,— боится, одежда на нем грязна: сам-то согреешься, да замараешь коврик!

1918 г.

КУЗНЕЦ

Дин-дан! Дин-дан!
Удар по железу, звонкий удар.
Мир будоражат чудо-лучи,
Ярко горят они
В темной ночи!

Дин-дан! Дин-дан!
В дверях кузнеца увидал:
Молотом бьет по наковальне,
И вспышки света
Кажутся окровавленными.
Широка и могуча грудь кузнеца,
Пот струится с его лица.

Я уже прошел, я уже не там.
Дин-дан! Дин-дан!
Слышу удары глуше, глуше —
Друг,
Ты их тоже обязан слушать...

Обернись и увидишь:
За роем рой
Искры летят над черной землей.

Сентябрь 1919 г., Пекин

ПАДАЮЩИЕ ЛИСТЬЯ

Осенний ветер сдул последний лист.
И на земле, вдали от веток,
Решили листья
Напоследок,
Как в дни весны,
Прошелестеть,
А завтра — завтра умереть.
Лишь миг до вечного забвенья.
И пусть!
Воспряньте на мгновенье!

Звучите, листья!
Это не беда,
Что вы
Потом
Уйдете навсегда.

1919 г.

КОРИЧНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Я ночью проснулся от шума и рёва:
Гроза бушевала, пророча беду;
В саду беззащитном остались деревья,
Деревья в цветах в беззащитном саду.

Уже распустились цветы золотые
Наградою мне за былые труды.
Но мог ли спасти от стихии цветы я,
Деревья спасти от великой беды?

Я рано поднялся в тоске и печали.
Деревья в потоках холодной воды
Вслед ветру, скорбя, головами качали:
Ужасны ночного разбоя следы.

Вода была черной, вода была шумной,
Она прибывала, всех с места согнав.
И плыли цветы золотые бездумно
К веселым воронкам у сточных канав.

СЛОВО ЧЕЛОВЕКА С ДЕРЕВЯННОЙ НОГОЙ

После мировой войны на улицах городов появилось множество людей на протезах. Однажды вечером мы, обитатели маленькой гостиницы, собрались в зале потанцевать. Несколько человек не танцевали — те, кто не умел, и один господин с деревянной ногой.

Ярко лампы горят, озаряя их лица,
И веселый рояль их зовет веселиться.
Звонкий смех, и улыбки, и шарканье ног.
Он, пожалуй, не помнит такого веселья,
Этот крошечный зал небольшого отеля.

Я курю, вспоминаю былое невольно,
Я курю, и как будто не так уже больно.
По паркету я бью деревянной ногой,—
Это значит: в стенах небольшого отеля
И меня, как и всех, посетило веселье.

27 марта 1920 г., Лондон

ОСЕННЯЯ НОЧЬ В ПАРИЖЕ

Дворик кажется колодцем,—
Свет и утром не пробьется
В этот мрачный тихий дом.
Сумрак стелется по стенам,
Да играет вялый ветер
На земле сухим листом.

1921 г.

ПОРАЖЕНИЕ

Как-то в витрине магазина я увидел картину, которая называлась «Поражение». На камне у разрушенного дома в горьком раздумье сидит солдат в изорванной одежде, сжав голову руками. Картина произвела на меня сильное впечатление, но стоила она очень дорого, и я не смог ее купить. Зато каждый день, проходя мимо, я останавливался у витрины и подолгу смотрел на картину. Вскоре ее продали, но она надолго сохранилась в моей памяти.

Я был разбит в бою с врагом.
В пыли походной и в крови
Вернулся я домой.
Как изменился край родной!
Любимых нет со мной.
А бедная моя жена
Живет в семье чужой.

Холодный ветер и тоска.
Я долго растираю шрам
Негнущейся рукой.
Неужто это сон больной?
Любимых нет со мной.
А бедная моя жена
Живет в семье чужой.

1921 г.

НЕУДАЧНИКИ

Среди моих знакомых было два химика, связанных многолетней дружбой. Судьба их сложилась печально. Однажды вечером я вспомнил о них и написал это стихотворение.

Без денег что они могли?
Пришлось, увы, продать клочок земли.
Не по карману химия была,
Тяжелая поклажа плечи жгла.
В усах за долгих двадцать лет
Оставил иней белый след.

Проклятья жен, злословие родных
Все двадцать лет преследовали их.
Но, все презрев, упрямы и… одни,
Склонялись над пробирками они.

А годы шли.
Седели их усы,
И взор тускнел,
И прежние мечты
Казались им фантазией пустой.

О неудачники-глупцы!
Кто уронил хотя б одну слезу,
Жалея вас?..
Я тот, кто с вами каждый час.
Пусть снова к вам
Придет пора весны.
Пою глупцов,
Что людям так нужны!

1921 г.

Вот и дождался горького дня —
Голод и холод скрутили меня.
Экая невидаль в мире, в котором
Люди от голода мрут под забором!

17 сентября 1921 г., Париж

О слезы,
Конечно,
Вы тоже не вечны.
Но я ничего, кроме вас, не имею
И быть расточительным смею!

19 сентября 1921 г., Париж

МУЗА ПОЭЗИИ

— Поэтом жизни стать хочу.
Но как, о Муза?
— Промолчу.
Чем пишешь ты свои стихи?
— Слезами их пишу и кровью.
— Скажи, на чем ты пишешь их,
Стихи, рожденные любовью?
— Пишу на лепестках цветов.
— Но лепестки давно опали.
— Пишу на кромке облаков.
— Но облака вдали пропали.
— Пишу на серебре луны.
— Луна исчезла с вышины
Под злое карканье ворон,—
И вот уж тьма со всех сторон.
— Я на воде пишу тогда.
— Но убежала и вода.
— На жемчугах — слезинках я
Пишу, волненье не тая.
На алых шариках пишу,—
Им нет числа в крови моей...
— Ты молодчина, ей-же-ей!
Поэзии раскрыта дверь,
Войди в нее, в нее поверь,
А смерть придет, померкнет свет,—
Ты мир покинешь как поэт.

Август, 1922 г.

БЕРЛИН

Отгремела война на планете.
На улицах босоногие дети.
Дымоходы без дыма.

1923 г.

Лю Да-бай
(1880—1932)

Лю Да-бай принадлежал к поэтам того поколения, которое оставляло уютную обитель традиционности и отважно уходило на поиски новых путей в искусстве. Его творчество было типичным промежуточным этапом между старой и новой литературой, соединяющим прошлое с веяниями современной эпохи.

В произведениях первого сборника «Песнь о продаже холста», куда вошли стихотворения 1920—1922 гг., Лю Да-бай показал уродливые черты китайской деревни, он изобразил такие картины, которые не оставляли сомнений в невозможности для крестьян так жить дальше. И, видимо, не случайно реалистические «деревенские стихи» были написаны вслед за циклом стихов «Красный цвет», созданных под непосредственным воздействием Великой Октябрьской социалистической революции и коммунистических идей.

После движения «4 мая» у Лю Да-бая стали появляться произведения этико-философского звучания, часто с весьма сильным налетом дидактики. Поэту думается, что все беды земные проистекают от несовершенства человеческой природы, и он бросает обвинение самому богу; он убежден, что все страдания мира таятся в золоте и что золото виновно в этих страданиях; он знает, что даже днем зажигать свечу бесполезно: мрак слишком плотен; и снег падает на землю только затем, чтобы сделать немного белее этот черный мир.

Горечью и растерянностью проникнуты четыреста «коротких стихов» Лю Да-бая, особенно стихи о слезах («Слезы после разлуки», «Следы слез», «Роняю слезы»). Иногда в стихах Лю Да-бая обнаруживается какая-то заданность, искусственность, чувства уступают место холодному рассудку.

Лю Да-бай создал пять сборников стихотворений: «Песнь о продаже холста» (1929), «Дин-дон» (1929), «Воссоздай» (1929), «Слезы осени» (1931) и «Поцелуй по почте» (1926), причем первые четыре первоначально были разделами одной большой книги «Старые мечты», опубликованной в 1924 г.

КРАСНЫЙ НОВЫЙ ГОД

Держащий Молот с Держащим Мотыгу
Жили, в лачуге ютясь.

Девятнадцатого года
Был последний день и час.

Держащий Молот гордо:
«Кто создал и мир, и дом?

Тяжкий Молот все на свете
Породил своим трудом».

Держащий Мотыгу твердо:
«Всегда, из года в год,

Не Мотыга ль всем на свете
Есть дает и пить дает?»

В преддверии Нового года
Они повторяют вновь:

«Тяжкий Молот и Мотыга —
Вот основа всех основ.

Трам-та-та-там!
Что это там?»

Первая стража... вторая стража *...
Звучит барабан, тишину будоража:
«Поле! Завод!

* Ночная стража — пять двухчасовых отрезков ночи с семи часов вечера до пяти часов утра. В старой китайской деревне с наступлением новой стражи били в барабан либо в колотушку и звучал колокол местного храма.

Пот! Пот!
Труд! Труд!
Неправый закон
Крут!»

Третью стражу зовут.
К глазам подступает дремота.
Держащий Мотыгу,
Держащий Молот
Не спят,
Как будто и не было ночи.
Красный луч темноту рассек.
Точно прибой, грохочут
Ближний Восток и Дальний Восток.
А на гребне прибоя — Мотыги и Молоты,
Против кривды сильны и грозны.
Восходящее солнце молодо,
И лучи у него красны.

И разбиты былые сны!

Новой эпохи звучат голоса.
Эй, вставай!
До конца исчерпаны
Двадцать четыре часа.
Красный Новый год
Начался!

31 декабря 1919 г., Ханчжоу

ДЕНЬГИ

На спине не таскали кладь,
Ног своих не стирали в кровь,
Не трудили в работе рук
И не знали, как солон пот;
В кожу их не въедалась пыль,

Копоть им не марала щек,
Заступ с молотом не для них,
Не для пальцев таких игла.

Но не мерзнут в зимние дни —
                    им тепло от богатых обнов,
Но привольно живут они
                    за стенами своих дворцов,
Рис да мясо едят они
                    и не видят голодных снов.
О позор, о великий стыд:
Не трудясь, и одет, и сыт!

«За деньги купил —
Не согрешил.
Деньги — мясо и горсть зерна,
Деньги — в мире всему цена».

Говоришь, за деньги — не грех?
Нет, не деньги пришли в твой дом,—
Сгусток пота и крови тех,
Кто вас кормит своим трудом!

1921 г.

ЧУДО

Звучит колокольчик,
Ближе, ближе...
Я оглянулся и вижу:
Сидит в коляске один,
В рваной куртке, босой господин,
Тащит коляску другой,
Тоже в куртке и тоже босой.
Тот, кто сидит, смеется,
Тот, кто везет, смеется.
Не это ли чудом зовется?
Нет! *

* Эту сцену я наблюдал в г. Ханчжоу и под впечатлением увиденного написал стихи. *(Прим. автора).*

Сидит в коляске один,
В рваной куртке, босой господин,
Тащит коляску другой,
В длинном платье
И в обуви дорогой.
Может быть, это —
Чудо света?
Нет!
Никто не сядет в коляску вовек,
Которую тащит живой человек.
Никто не потащит коляску вовек,
В которой будет сидеть человек.
Вот оно, чудо!

ПАХОТА

Тянет плуг усталый вол,
Тянет, тянет — плуг тяжел,
Трудно тянет старый вол.
Плуг тяжел, да плеть длинна,
Клочья шерсти рвет она.

Солон пот. Был плуг тяжел,
И крестьянин еле шел.
Он налог сполна внесет,
Он накормит всех господ,
Сам от голода помрет.

19 июня 1921 г., Ханчжоу

КАРТА

Я купил сестре в подарок
Географическую карту.
Критика острая:
«Почему она пестрая?
Разрисована, измазана».
«Краски — это государства разные.

Разные краски — разные страны».
Сестра возражает:
«Странно.
Разве не достойны и мы и прочие
Жить повсюду, где нам захочется?
Поменяй карту.
Хочу чистую и аккуратную».
«Такая покамест не напечатана».
«Когда же исчезнут пятна?
Смотреть неприятно!»

1921 г.

СНЕГ

Яркий снег слепит глаза людей,
Белый снег, он серебра белей,
Он своей поспорит белизной
С мягкой ватой, с рисовой мукой.

Снег не снег — белеет серебро,
Беднякам такое бы добро!
Серебро, на горе беднякам,
Приберут богатые к рукам.

Не сугробы — вата на земле.
Беднякам ходить теперь в тепле.
Только люди в шубах меховых
Прячут вату в дальних кладовых.

Не сугробы — белая мука.
Вот бы хорошо для бедняка!
Только почему-то богачи
От амбаров спрятали ключи.

Нет, богатство не для бедняка,—
Богачу в мешок, в амбар, на склад...
Почему и вата, и мука,
Точно снег, повсюду не лежат?

8 декабря 1922 г., Сяошань

ГЛЯДЯ НА ЛУНУ

(из цикла)

Люди смотрят на луну,
Горы смотрят на луну,
Воды смотрят на луну —
Долго смотрят на луну.

Смотрят пристально, часами,
Люди — зоркими глазами,
Горы — пиками,
Вода —
Всей поверхностью пруда.
Люди смотрят в небо сами,
Горы смотрят их глазами,
Воды учат луну,
Как смотреть на луну.

Люди смотрят на луну,
Горы смотрят на луну,
Воды смотрят на луну
И луна — на луну,
Долго смотрит на луну.

Смотришь светлыми глазами —
И светла луна,
Смотришь мрачными глазами —
И она мрачна,
Смотришь пьяными глазами —
И луна пьяна,
Смотришь кроткими глазами —
И тиха она,
Смотришь детскими глазами —
До чего юна!
Ты влюблен — луна как будто
Тоже влюблена.
А поэту поэтессой
Кажется луна!

Бесконечно измененье
Человечьих глаз.
А луна менялась разве
Хоть единый раз?
Просто лунная поверхность —
Зеркало души,
В нем прочтешь любую повесть,
Что ни напиши!

1922 г.

ДНЕВНАЯ СВЕЧА

Среди белого дня
Кто зажечь восковую свечу надоумил меня?

Я ведь знаю, что день.
Почему не видна человека идущего тень?

Темнота окружила меня,
Как завеса, закрыла лицо наступившего дня.

Зажигаю свечу.
Силуэты людей в темноте я увидеть хочу.

Кто вдали — различи!
Что же там промелькнуло при свете горящей свечи?

Человек или нет?
Будто вижу вдали силуэт и еще силуэт...

Я расстался с надеждой пустой —
Разве справится слабая эта свеча с темнотой?

1923 г.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ИЕГОВЫ

У Иеговы много важных дел:
Ведь он о человечестве радел!

Скроил сперва уродину Адама,
Потом скроил уродливую даму.

У Иеговы много важных дел:
Создав двоих, он мир создать хотел.

И, ничего не выдумав другого,
Заставил их трудиться Иегова.

У Иеговы много важных дел:
Уродов создавать — его удел.

Адам и Ева — важен был почин!
Кроили грубо женщин и мужчин.

О Иегова с важными делами,
Коль суд небесный властвует над нами,

И Судный день придет, неумолим,
Я знаю, ты предстанешь перед ним,

О Иегова, ибо несть числа
Великим прегрешениям твоим!

1923 г.

МОЯ РОДИНА

Где моя родина?
Я родился в мечтах,
Мечты — моя родина.

Где моя родина?
Из грядущего я,
Грядущее — родина.

Мечты — это выдумка,
Грядущее — выдумка,
Но там моя родина.

Кто станет преследовать
Того, кто в грядущем?
Кто станет преследовать
Того, кто в мечтаньях?

Я скиталец
В сегодняшней
Охлаждающей трезвости.

1923 г.

ПЕТУШИНЫЙ КРИК

Петух пропоет на заре —
Крестьянин уже на дворе.

Петух пропоет на заре —
Гуляка еще на дворе.

«Пораньше бы нас разбудил»,—
Крестьянин в поля уходил.

«Попозже бы, что ли, кричал»,—
Гуляющий франт проворчал.

А есть человек и такой:
Навек он утратил покой,

В деревне ли, в городе он,
Работник, бездельник ли он,—

Он утром и ночью не спит,
И слух его не возмутит

И не обрадует слух
Орущий на зорьке петух!

* * *

Кузнечик от холода
Плачет в расщелине камня,
Дикие гуси
Стонут в пустынном небе...
О западный ветер,
Скажи мне,
Скажи на милость:
Зачем ты их всех
Пригоняешь к моей подушке?

1920 г.

* * *

О, это Прошлое!
Оно
Стоит перед глазами.
Зачем же Прошлым называть
Все то, что в нас и с нами?

* * *

Как будто что-то потерял,—
Пришел осенний ветер вновь
Искать свою потерю.

* * *

Люди говорят:
«Иссякнут слезы,
Их заменит кровь».
А если кровь иссякнет?

* * *

Самый сильный микроскоп
Возраст мой не обнаружил.
Есть ли возраст у меня?

* * *

Кто человека спасет от золота грозной власти?
Если бы пальцы мои обращали золото в камень,
Я бы, кусок за куском, собрал бы все золото мира
И этими вот руками в камень его обратил!

* * *

Из моего сердца выплескиваются стихи,
Из моих стихов выплескивается жизнь,
Хочет из жизни выскочить сердце.
Сквозь сердце и жизнь
Проходят мои стихи.

* * *

За окном опавших листьев тьма,—
Ветер, ветер, а тебе все мало;
Не швыряй ты их куда попало!
Ну зачем ты сводишь их с ума?

* * *

Жизнь в тюремной неволе,
Цепи, впалая грудь,
И движенье к свободе —
Наш единственный путь.

* * *

Смерть осмысленная
Удобряет почву свободы.
Будь по-иному —
Никогда
Ни одного ее ростка
Взрастить бы не могли
И миллионы мертвых!

* * *

Ты ведь, радуга, кругла.
Не скрывай свою вторую
Половину,
Будь добра!

* * *

Пьянят людей
Вино,
Весна,
Всего сильней
Пьянит луна.

Чжу Цзы-цин
(1898—1948)

В Чжу Цзы-цине сочетались ум ученого и сердце поэта-романтика. В юности брал верх поэт, в зрелые годы — ученый. Для Чжу Цзы-цина, как и для многих его сверстников, движение «4 мая» явилось исходным рубежом гражданской и творческой активности. Вспоминая юные годы, Чжу Цзы-цин в литературном очерке «О сокровенном» с грустью и сожалением писал: «В великой эпохе я ощущал себя сухим листом, рваным клочком бумаги». Эпоха «4 мая», по словам поэта, вывела его из состояния оцепенения: «Десять лет назад развернулось движение „4 мая"; учащихся вроде меня охватило пламенное воодушевление, и было так естественно и закономерно последовать за ведущими».

В сборнике Чжу Цзы-цина «Следы» (1924) говорилось о том главном, что волновало в ту пору революционно настроенную интеллигенцию, мечтавшую о свободном человеке и о счастливой земле, но не знавшую, где она и как до нее добраться. Особенно большое влияние на молодежь оказала поэма «Уничтожение». Несмотря на трагическую окраску, поэма проникнута верой в победу разума и добра, в способность молодого поколения Китая освободиться от «связывающих пут» прошлого.

Чжу Цзы-цин страстно верил в будущее своей страны, но слабо разбирался в ее настоящем. Он видел волков с пастью, «похожей на таз, испачканный кровью, и его охватывал панический страх («Овцы»); его манил луч света, и он желал счастья уличным фонарям («Уличный фонарь у Бэйха»); он посвящал свои стихи революционерам, людям с «правдивым и чистым сердцем» («В этом мире», «Он и я»). Он не был активным бойцом в 20-е годы, но не был и сторонним наблюдателем, как утверждали некоторые китайские критики. «Пловцам

я пел»,— писал Пушкин, намекая на свою идейную близость с декабристами. «Пловцам» пел и Чжу Цзы-цин; он понимал, как нужны Китаю решительные, смелые и честные люди, именно такие, каких он видел и воспевал,— революционеры, коммунисты. В стихотворении «Современность в миниатюре», описывая бунт портовых грузчиков и без колебаний принимая их сторону, поэт писал:

Это тоже большая война,
И в этой войне
Я не буду стоять в стороне.

В 30—40-е годы Чжу Цзы-цин усиленно занимался педагогической и научной деятельностью. Он автор многих теоретических работ по китайской классической литературе и поэзии новейшего времени, составитель собрания стихотворений китайских поэтов, вошедшего отдельным томом в десятитомную «Антологию современной китайской литературы» (1935). Авторитет Чжу Цзы-цина как ученого и критика был весьма высок; его оценки и суждения помогли многим молодым литераторам в пору их творческого становления.

СВЕТ

Зловещая полночь, и ветер, и дождь...
Пустынною степью упрямо идешь.
Идешь бесконечно, в пути изнемог.
Во тьме непроглядной — скрещенье дорог.
«Какую мне выбрать?
Не видно ни зги.
Эй, кто-нибудь помоги!
Владыка небесный, ты мрак освети,
Иначе собьюсь с пути!»
Небесный владыка в смятении рек:
«Тебе я бессилен помочь, человек!
Бесплодно и тщетно взывать к небесам:
Свет
сотвори
ты сам!»

1919 г.

УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ У БЭЙХЭ

Прекрасный день под войлоком лежал.
Река молчала.
Мир молчал.
Мрак все живое поглотил.
И лишь фонарь натруженно светил.
Дрожали на стене в ночи
Его неверные лучи.
Они неярки и слабы,
Но в них залог иной судьбы.

Фонарь во тьму вперил свой глаз —
Единственный
Смотрящий
Среди нас!

О фонари, вы нам близки,
Друзья надежды и враги тоски.
Без устали светите нам.
Желаю счастья фонарям!

1920 г.

ОВЦЫ

На зеленом ковре
Овцы спокойно спят,
Освещенные луной,
Похожей на серебро.
Белоснежная шерсть и луна —
Мудрость жизни в этом видна.
  Волки спустились с гор,
Неслышно они подошли.
Овцы уже не спят.
Ужас в овечьих глазах,
Слезы в огромных глазах.
Стонами смертных мук
Вспорота тишина.
Утратила блеск луна,
Как будто и она
В тот миг познала страх.
  Волчья пасть — кровавый таз,
Клыки — стальные ножи.
Смертный приходит час!
Звучит победный вой,
Торжествующий вой волков.
  С воем исчезли они.
На зеленом ковре
Свежая, теплая кровь.
Овцы недвижно лежат,
Застыли в позах тех,
В каких застала смерть.

Белоснежная шерсть в грязи,
Белоснежная шерсть в крови.
Страшно смотреть на нее.
Стыдно луне,
Страшно луне,
Гневается луна.
За черную тучу уходит она
И скрывается там,
Чтоб не видеть земли,
Чтоб сама была не видна.

ТРАВЫ

Спящие травы
Вновь пробудились,
Глаза протирают,
Тянутся к солнцу.
Желтые травы
Вновь зеленеют,
Дарят улыбки
Теплому ветру.
Скрытые травы
Вышли наружу,
Птицы ликуют:
«Снова мы вместе!»

Как мне узнать весеннего посла,
Трава, открой мне истину одну:
Тебя весна с собою принесла
Иль ты явилась, принеся весну?

1920 г.

СОВРЕМЕННОСТЬ В МИНИАТЮРЕ

«С лотосом сладкая каша,
Три медяка чашка!»

«Ковырялка для ушей
Из бамбука,
Ковырялка для ушей
За медяк! Ну-ка!»

«Пельмени, пельмени!»

«Чаогао, чаогао не хотите?
До отхода парохода поедите».

«Имейте сострадапье, большой господин,
Два дня ничего не ел мой маленький сын.
И я слаба от недоеданья.
Имейте, господин, сострадапье!»

«Груши, груши!
Пять штук на цзяо *.
Сколько вам?
Если не сладкие,
Без денег отдам».

«Где же вы станете жить в Янчжоу?
Скажу вам по опыту, право слово,
У нас комнатушка — хороши шутки! —
Два цзяо и восемь фэней ** за сутки».

«Купите газету!
На пароходе чтение —
Лучшее времяпрепровождение».

«Арахис. Водка из гаоляна.
Подать стаканы?»

«Медные замки
Удобны, крепки.

* Цзяо — монета, равная одной десятой юаня.
** Фэнь — мелкая разменная монета.

Повесьте на дверь,
Идите к знакомым —
Все в безопасности в вашем доме.
Пожалуйста!»

Все спорят, спешат, не стоят на месте.
Весенние сцены
Городского предместья.
В глазах торговцев призыв: «Купи!» —
У покупателей: «Уступи!»

«Уже отплываем.
Товар пропадет».
«Восемь груш на цзяо, идет?»

В толчее,
Захлестывающей волной,
Вижу дорожку в чи * шириной.
Воздух кажется грязно-мутным.
Странные фигуры
Пробегают поминутно.
Вверх по трапу, по трапу вниз.
Вверх! Вниз! Вверх! Вниз!
Пылью покрыты желтые лица,
Пот струится.
Горят огнем
Голодные взгляды,
А рядом —
Смеющийся рот,
А рядом —
Кто-то орет.
Носильщики тащат тяжелые грузы,
Спины согбенны, кулаки заскорузлы.
Точно голодный зверь, алчущий мяса,
Людская голодная масса
Желает свое отобрать.
Сжимаются кулаки.
Это их
Сияющие цзяо и тусклые медяки.

---

* Чи — мера длины, равная 0,32 м.

Голодным кажется:
Сытая эта орава
На палубе, в трюме, везде —
Не более, как медяки и цзяо,
Загримированные под людей!
Но когда голодные
Свое продъявили право,
Взвились на дыбы
Человекоподобные цзяо!
Тогда-то и вспыхнул бой.
Пароходик — арена.
«Бейте!» — голодные кричали.
Я видел, как бились они,
И почувствовал дрожь.
Они на помощь звали,
Они сражались отчаянно,
И каждый из них
Был на солдата похож.
Это тоже большая война!
И в этой войне
Я не буду стоять в стороне.
И опять на память приходит
Случай на пароходе:
В этой миниатюре
Отразилась неплохо
Наша задыхающаяся эпоха!

УНИЧТОЖЕНИЕ

(из поэмы)

...Я брожу по свету вместе с ветром,
Я брожу по свету вместе с ветром,
Я брожу, худой и запыленный.
Был я где-то, вновь сюда вернулся,
Но к родной земле не прикоснулся.
Далеко ветрами уносимый,
Потерял я счет холодным зимам.
Лень давно мое сковала тело.
Пред глазами громоздятся тени,—
Дикие и мрачные виденья.

Думы о судьбе неотвратимы:
Далеко от родины любимой,
Родина, ты мне необходима!
Вернусь! Вернусь!

Обделен приятелями не был —
Много было, словно тучек в небе.
Мы хвалу друг другу честно пели,
Мы друг друга утешали, как умели,
И, счастливые, смеялись и шумели.
Пили мы вино до опьяненья,
Уходили в горы к стройным елям,
Были мы сродни цветущей ветке
И, как пламя жаркое, горели;
Сказанное нашими устами,
Познанное нашими сердцами
Мы, казалось, век хранить готовы!
Но собраться стоило в дорогу,
А потом сюда вернуться снова,—
И тебя узнать уже не могут!
Наши встречи — жалкое мгновенье,
Позабыты голоса и лица;
Имена, похожие на тени,
Вот и все, что на сердце хранится.
Маленькою точкой одинокой
Ты в степи, бескрайней и широкой,
А вокруг тебя пустое небо,
А вокруг тебя пустое небо...
Я ищу заветную дорогу...
Может быть, сестра моя и брат мой
Ждут меня с надеждою обратно.
Вернусь! Вернусь!

Хитроумные таинственные речи,
Как снежинки,
Падали на плечи,
А сегодня я обескуражен,
Встал перед диковинным миражем.
Вместе с ветром в небо улетаю,
Разноцветными окутан облаками,
Уменьшается и тает
Серый мир под башмаками;

Так далек он, что о нем и думать трудно.
Но со свистом ветер налетает,
Разорвать меня грозя
Ежеминутно.
О, свались я,
И меня бы непременно
Раздавили бы,
И корчась,—
Сильно сжали! —
Возвестил бы я о том,
Что вышел воздух
Из меня,
Как будто я воздушный шарик!
И, как острый и сверкающий трезубец,
На земле верша палаческое дело,
Ветер тело разорвет мое в безумье,
И не станет человеческого тела.
Стану дымом невесомым
И, стеная,
Вдруг сокроюсь, истребленный силой злою.
Трепеща от ожиданья,
«Вспоминаю
Расстояние меж небом и землею» *.
Вернусь! Вернусь!

Был живот голодный,
Были руки,
Судорогой схваченные цепко,
Волосы растрепанные были
На траву осеннюю похожи,
И глаза ввалившиеся тоже,
Ватные, слабеющие ноги,
Слабое и маленькое сердце —
Все на дно влекло меня упорно,
К женщинам, к бутылке, к табаку.
. . . .
Разве вправе я в ногах у века
Сгнить, утратив облик человека?
Нет и нет!

---

* Строка из стихотворения Чэнь Цзы-ана (661—702).

Пока не стал калекой
И пока все силы не растратил —
Вернусь! Вернусь!

Я вернулся, пережив мученья,
И увидел Родину и счастье.
Вдруг исчезли сумрачные тени
И лучи небесные погасли.
Я отбросил старой жизни путы,
Я есть я, себя обретший путник.
И теперь смотреть не стану в небо,
Не уйду в мечте к реке бессмертья,
Шаг за шагом
По родной земле бы
Мне идти,
Идти до самой смерти!
И пускай следы мои сотрутся,
И пускай они едва заметны.
И пускай пройду совсем немного,
Медленно и робко я пойду.
Я пойду, простой и незаметный,
Четкие шаги я вижу ясно,
И меня охватывает радость
Оттого, что к прошлому возврата
Больше нет и никогда не будет.
Не теряй же ни одной минуты:
Иди! Иди! Иди!

Сюй Юй-но
(1893—1958)

Предисловие к сборнику Сюй Юй-но «Сад будущего» (1922) Чжэн Чжэнь-до начинает с отрывка из стихотворения А. Н. Плещеева «Раздумье» и пишет: «О, только в стихах Юй-но можно найти такие, как у Плещеева, скорбные чувства!» И далее Чжэн Чжэнь-до делает вывод: «Юй-но, пожалуй, первый среди новых китайских поэтов, кто „заживо хоронил себя"». Критик взял в кавычки слова Н. А. Добролюбова из его статьи «Стихотворения А. Н. Плещеева».

Конечно, в литературной аналогии Чжэн Чжэнь-до очевиден элемент случайности, но есть в ней весомое рациональное зерно: критик стремился привлечь внимание читателей к наиболее сильной стороне поэзии Сюй Юй-но — к трагизму ее мировосприятия.

В «Саду будущего», единственном сборнике поэта, среди ста стихотворений немало строк о родном крае, о матери, об отцовском поле, и столько горечи, столько мистически-отрешенного в этих строках, что кажется, будто поэт действительно прощается навсегда с миром людей, «заживо себя хоронит».

Сюй Юй-но постоянно твердил о тяжком бремени, гнетущем его, мешающем вздохнуть и вырваться из ненавистного плена. Этим бременем были воспоминания. Больше всего на свете он ненавидел воспоминания, ибо они для Сюй Юй-но не только страшные картины, преследовавшие его с детства,— азартные игры, проституция, убийства,— но и старые обычаи, и привычки, рабская психология, косность. Ему ненавистен дух человека, еще более страшный, чем «дух собаки или волка», потому что мертвые хватают живых и не так-то легко освободиться от этой поистине мертвой хватки! Воспоминания преследуют человека и «хлещут его, как плеть». Сюй Юй-но зави-

дует чайке, лишенной воспоминаний: «Глупая чайка, не познавшая вкуса воспоминаний. Ты свободнее всех во вселенной!»

Автор «Сада будущего» понимает, что не в воспоминаниях истоки людских страданий, а в той действительности, которая запечатлена в памяти людей, и что если вдруг он отрешится от воспоминаний, то не будет счастлив: реальность стала продолжением воспоминаний.

Поэт вступает в единоборство с Прошлым и Настоящим. Фантазию, воображение, мечту избрал он оружием своей борьбы. Трагические ноты стихов Сюй Юй-но вызваны еще и тем, что поэт не знал, откуда и когда придут перемены, но он верил, что они придут, не могут не прийти. Поэт возмущался несправедливостью жизни и уходил в воображаемый «Сад будущего», в «новый мир», к «новому солнцу».

СПРАШИВАЮ САПОЖНИКА

«Эй, сапожник, двери отвори,
Ты над чем колдуешь до зари?»
«Мир в колючках да шипах,
Больно топать в башмаках.
Я хочу железные стачать,
Чтоб шипы в пути не замечать».

«Эй, сапожник,— я его спросил,—
Почему ты нынче загрустил?»
«На земле не счесть болот,
А по ней идет народ.
Я о них грущу, о бедняках:
Им нельзя в дырявых башмаках!»

«Эй, сапожник, в чем твоя вина?
Почему ты плачешь у окна?»
«Мир на рану рваную похож,
По живому не пойдешь.
Я хочу без громких слов
Башмаки стачать из облаков».

«Эй, сапожник, выслушай меня:
Почему ты стал светлее дня?»
И сапожник закричал:
«Я стачал, стачал, стачал!
Подходи, брат Ли, за башмаками,
Я их сделал этими руками,
Надевай скорей, брат Чжан, и ты
Башмаки моей мечты!»

ПИСЬМО МАТЕРИ

Когда с грустью и горечью думаю я о ней, сердце пишет письмо невольно.

Я знаю: она неграмотна.

И когда, строка за строкой, я окидываю взглядом не очень четкие ряды иероглифов, слезы из глаз моих, как огненные горошины, катятся по щекам на серую почтовую бумагу.

САД БУДУЩЕГО

Мне привольно в степи.
Я медленно разворачиваю мечту,
                    похожую на рваный холст.
Это моя работа.
Я тружусь
С усердьем и тщаньем,
Дабы сердце мое совершеннее стало,
Я хочу наверху выткать узоры цветов,
Прекрасных и ярких...
Готовлюсь...
Когда-нибудь сад зашумит
Для детей!

1922 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ

Нам чужды жалкие признанья:
«Всего ценней воспоминанья».
Грядущее
          у нас в груди;
Как грязь с холста,
С души мы смоем
В потоке быстром все дурное
И мир свободный создадим!

ЖИЗНЬ

Археолог заметил:
«Смысл человеческой жизни —
Рыться в окаменелостях».
И он снова полез на отвесную стену горы.
Философу кажется:
«Смысл человеческой жизни —
На шумном стоять перекрестке».
И он продолжает взирать на снующий народ.
А дети уверены:
«Смысл человеческой жизни —
В ряске спокойного озера».
И снова они
Ныряют в его глубину.

Лишенная смысла,
Павшая духом,
Человеческая жизнь!

НОВАЯ ПЕСНЯ

Эй, певунья, странная, странная птаха!
Не надо грустить: солнце поднимется в небо.
Эй, певунья, другую выбери песню,
Иначе от боли у нас разорвутся сердца.
Новое пой —
            солнце,
                        которое скоро поднимется в небо,
В песне
        воспой
                красоту
                        солнца
                                как дар
                                        людям
                                                во мраке,
В песне воспой
                радость
                        идущих ему навстречу!

НОЧНЫЕ ЗВУКИ

Притаилась ночь, не дыша,
Только слышится:
                              Ша!
                                    Ша!
                                          Ша! *
Это эпоха жрет жизнь.

1922 г.

* * *

Вошел я в жизни черную пещеру
И горечь горькую познал,
Но в солнце не теряя веру,
Спешил вперед: попутный ветер гнал.

История шипы вонзала в спину.
Я горечь не люблю —
                              кто любит горький плод? —
И все-таки ее я не отрину,
Провижу худшей горечи приход!

ПРОРОК

Как родились пророчества его?
Об этом не известно ничего.

Но господином стать — увы! — не смог
Своих пророчеств дерзостных
                                          Пророк.

Вещает он, в речах неутомим,
И сам страшится сказанного им.

1922 г.

---

* Ша! *(кит.)* — Убей!

* * *

Не будь в душе воспоминаний,
Свободный, я бы пел судьбу.
О Человечество, себя ты приковало
К столбу
Воспоминаний!

* * *

Вам ясен облик нынешнего дня?
Железный мост
                    весь в зареве огня.
Воспоминанья хлещут, точно плеть,
Реальность давит и теснит меня.
Куда идти?
Куда глазам смотреть?
И я ступил на мост,
                    где зарево огня.

Ван Цзин-чжи
(род. в 1903 г.)

Поэзия Ван Цзин-чжи — взволнованный и откровенно-доверительный рассказ о поисках душевного тепла и любви и о тех силах, которые стоят на пути к счастью. Герой Ван Цзин-чжи одинок среди людей; его во всем постигает неудача; он не находит «ни света, ни цветка, ни любви». В лирических строках первого сборника поэта «Ветер в орхидеях» (1922) есть и манерничанье, переходящее в банальность, и сентиментальные вздохи, но в них почти всегда присутствует чувство глубокой ненависти к «злому миру», средоточию образов и теней прошлого, к предписаниям конфуцианства, пытающимся сохранить «дом», «род» в их традиционной сущности. Приговором старым семейным отношениям с их авторитетом «старшего в семье» прозвучали слова поэта о тягостной родительской любви, которая может сгубить будущее Китая. Его стихи, восстающие против конфуцианского домостроя, находили отклик в сердцах китайской молодежи 20-х годов, на себе испытавшей его жестокие законы.

Позже стихи Ван Цзин-чжи лишатся юношеской непосредственности, станут строже и углубленнее.

Сборник «Одинокая страна» (1927) наполнен пафосом отрицания, раздумьями о несовершенстве мира и о необходимости его изменить. Ван Цзин-чжи философствует о том, что́ есть жизнь и какова весомость человеческого разочарования. Он рассматривает судьбу как бы в разных ракурсах и в ужасе восклицает: «Судьба — это жестокое животное!», «Судьба — это мясник!», «Судьба распинает поэта на кресте». Сердце Ван Цзин-чжи едва выдерживает ее атаки: «На сердце стена, стена скорби, высокая и прочная, как Великая китайская стена, и сквозь нее не пробьется радость, как не пробьется ветер сквозь Великую стену».

События «30 мая» 1925 г., когда английская полиция расстреляла антиимпериалистическую демонстрацию шанхайских студентов, заставили Ван Цзин-чжи задуматься о многом. И рядом со стихами о горе вообще, о врагах вообще появляются произведения с точным адресатом. Страшен непознанный враг, а когда ты видишь его своими глазами, то перестаешь его бояться и в душе вспыхивает ненависть, и смелость, и дерзость, и жажда его одолеть.

После 20-х годов Ван Цзин-чжи выступал редко, и в истории новой китайской литературы он известен главным образом как автор сборников «Ветер в орхидеях» и «Одинокая страна».

СВОБОДА

Я сок зари желаю пить,
Кто мне посмеет запретить?

Я жизни марш желаю петь,
И вам придется потерпеть!

Я жажду мир перевернуть,
Кто сможет преградить мне путь?

Я мыслю так, как я хочу,
Мне эта битва по плечу!

1921 г.

ЮНЫЙ МОНАХ

Жил в темном храме юноша-монах,
Торжественно-надменные святые
Монаху заменили отчий дом,
Родную мать и радости простые.

Он был красив, но телом вял и слаб,
Был тусклым взгляд, медлительны движенья,
И все-таки померкли не совсем
В его душе живые впечатленья.

В тот храм однажды девушка вошла,
Он бормотал молитвы, в книгу глядя.
И вдруг умолк и на нее взглянул,
И чувство жаркое в его сверкнуло взгляде.

1921 г.

Я ХОЧУ!

Сплавить все сердца в одно хочу я —
Сказочное, чудное литье!
Как луна, оно бы засияло,
Общее, ни ваше, ни мое.

Я хочу согреть сердца людские,
Дать им много света и тепла,
А потом сердца вернуть владельцам,
Но уже свободными от зла.

1922 г.

ПРЕВРАЩЕНЬЯ

Если б ты была луною,
В одиночестве бродила,—
Я бы стал созвездьем ярким,
Чтоб тебе не скучно было.

Будь ты птицей быстрокрылой
И тебя бы жизнь терзала,—
Я бы стал высоким небом,
Чтоб свободно ты летала.

Будь ты рыбой в непроточном,
Загрязненном водоеме,—
Я бы стал потоком чистым,
Говорлив и неуемен.

Если б ты затосковала.
Это было б неопасно,—
Я бы стал улыбкой легкой
На лице твоем прекрасном.

Закуют бедняжку в цепи,
Тяжек брак по принужденью.
И тогда уж не помогут
Никакие превращенья.

1922 г.

ЧИСТЫЙ СОСУД БОГИНИ МИЛОСЕРДИЯ

Парит в небесных сферах Гуаньинь,
В ее руке божественный кувшин,
В кувшине ивы веточка видна,
В кувшине чья-то дочь и чей-то сын.

Богиня тихо солнце окропит —
Оно уже не светит, а чадит;
Она коснется веточкой луны —
И всю ее поверхность возмутит.

Слегка коснется белых облаков —
Ужасный гриб ползет из тьмы веков;
Над радугою веточкой взмахнет —
И та лишится радужных цветов.

Она свободный ветер окропит —
И вот уже он плачет и скорбит;
Она коснется нежно родника —
И он от дикой боли завопит.

Оглянется богиня Гуаньинь —
Печаль и плач везде, куда ни кинь,
Уронит милосердия слезу
И встанет вновь на прежнюю стезю.

Дрянной сосуд скорее опрокинь
И выбрось прочь, святая Гуаньинь!

МОЛИТВА

Я преклоняю колени
Перед белым лотосом на моей занавеске:
«Подари нам, пожалуйста,
Свое нежное благоуханье
В час, когда я усну
И любимая в грезах ко мне на свиданье
Придет».

ТУПИК

Кто-то ногой собачонку ударил грубо,
Она завизжала, в бессилье дрожа от страха.
Стало мне горько, на глаза навернулись слезы,
Я вдруг ощутил тупик человеческой жизни.

* * *

Спасибо, иволга, за песню,
Голод слуха моего
Утолила ты.

КАК ЖЕ Я МОГУ НЕ ПЕТЬ?

Шум волны неутомимой,
Облака проходят мимо.
Без стихов мне все немило,—
Как же я могу не петь?

Не свирель, свирель без звука,
Просто палка из бамбука,
Без стихов не жизнь, а мука,—
Как же я могу не петь?

Я хочу прогнать напасти,
Я хочу клубок несчастья
Разрубить мечом на части,—
Как же я могу не петь?

Жизни ад не станет раем,
Мы живем и умираем,
Дни весенние считаем,—
Как же я могу не петь?

Цепи неба сброшу злые,
Расскажу о горе-глыбе,
Исцелю любви ушибы,—
Как же я могу не петь?

5 Заказ 1817

Шел на север — горя много,
Шел на юг — темна дорога,
Шел на запад — скорби много,—
Как же я могу не петь?

Не могу предать забвенью,
Позабыть хоть на мгновенье
Скорбь, любовь, судьбы гоненье,—
Как же я могу не петь?

1923—1925 гг.

* * *

Если б я кремнем родился,
Я б в горах не находился,
Я бы чутким стал кресалом,
Чтобы в жар меня бросало.
Разве жизнь не стоит риска,
Если ярко брызжут искры?

Будь я спичкой, я бы робко
Не дремал во тьме коробки,
Я бы первый жаждал тренья,
И — да здравствует горенье!
Ради света и тепла
Я готов сгореть дотла!

Если б я росою выпал,
Я б не стал в траве скрываться,
Я б с восторгом встретил солнце,
Чтобы с ним поцеловаться!
Ради светлого мгновенья
Жизнь отдам без сожаленья.

Если б я снежинкой звался,
Я бы в небе не скитался,
А сплясал бы лучше гордо
На гудящем жарком горне.
Ради пляски огневой
Я пожертвую собой!

1925 г.

РУКА

Природой
　　　　во владенье человеку
Могучая рука дана от века,
Она сильнее тигра, тверже стали,
Подвластны ей заоблачные дали.

Похожи пальцы, что не знают дрожи,
На когти льва, а может быть, на крючья,
На хоботы слонов они похожи
Или на клювы соколов могучих.

Рука всегда в движении бессонном,
Ее умелым пальцам нет покоя,
Она достанет звезды с небосклона
И ловко схватит солнце золотое.

Она поймает облако цветное,
Коснется властно молнии мгновенной,
Сорвет, играя, радужную ленту
И снимет с волн сверкающую пену...

Как некий символ встала пред глазами
«Рука» Родена.

1925 г.

НЕУДАЧНИК

Ребячьи забавы мне вспомнились вдруг:
Мороз, и метель, и сугробы вокруг,
Я снежную бабу азартно леплю,
Я эту забаву ужасно люблю.

Я много слепил этих белых фигур,
Но взгляд у фигур был не весел, а хмур.
Я новых лепил, стали руки красны,
И все-таки лица их были грустны.

Но вот наконец-то и мне повезло:
Сверкнула улыбка... и все потекло...
А снежные бабы со скорбным челом
Стоят и стоят у меня под окном.

О ранняя юность! Свершений пора!
Тружусь над веселой картиной с утра,
С утра и до ночи уснуть не могу.
Назавтра все то же, что было вчера.

Ликующий танец, во всей красоте
Скорее рождайся на белом листе.
Я тысячу тысяч картин написал,
Но все это были картины не те.

И вот неожиданно мне повезло!..
Но эта картина поблекла давно,—
А скорбные свитки не блекнут года,
Как будто хранит их мое ремесло.

Я был молодым и веселья искал,
Из камня фигурку, трудясь, высекал.
Разбитые пальцы, как рана, ладонь,
А я высекаю веселья огонь.

Упорно и долго его высекал,
Но образ задуманный не возникал.
Десяток фигурок я выстроил в ряд:
На каменных лицах был горечи яд.

И только однажды мне вдруг повезло,
Но эта фигурка разбилась давно,—
А все статуэтки с гримасой больной
Целы-невредимы стоят предо мной.

А в зрелые годы в пути и во сне
Веселая песня мерещилась мне;
Болела рука от упорной игры,
И пальцы с трудом прикасались к струне.

Но были не в силах извлечь из струны
Веселую песню волшебной страны;
Я много мелодий в душе перебрал,
Но все они были печали полны.

И только однажды запела струна
Про радость... и лопнула сразу она...
А звуки печали и звуки тоски,
Как видно, со мною на все времена.

Божественно было мое мастерство,
Но не дало людям оно ничего.
В душе полыхали святые огни,—
Как видно, напрасно горели они.

Холодная старость убила меня.
Я умер душой и лишился огня.
Не вижу вокруг я почти ничего,
Не слышу вокруг я почти никого.

Мне снежную бабу уже не лепить
И кисть вдохновенную не торопить,
Фигурку из камня не высеку я,
И лютня навеки умолкла моя.

1925 г.

ЖИЗНЬ

Жизнь невыносимо тяжела,
Лучше от нее не жди добра;
Не мечтай о шелке да парче
На циновке рваной до утра.

Жизнь невыносимо тяжела,
Лучше от нее не жди добра;
Вместо роз соломы жалкий клок
Поднесет, когда придет пора.

Жизнь невыносимо тяжела,
Лучше от нее не жди добра;
Все равно достанется пятак
Вместо тяжких слитков серебра.

Жизнь невыносимо тяжела,
Лучше от нее не жди добра;
Золотые россыпи тебе
Не видать до смертного одра.

Жизнь невыносимо тяжела,
Лучше от нее не жди добра;
Не гонись за сладкою росой:
На ладони горькая кора.

Жизнь невыносимо тяжела,
Странная и горестная быль.
Ждешь прекрасный яшмовый сосуд,
А получишь угольную пыль.

1925 г.

ВРАГИ

Сановники, моя душа и бог,
Считаю вас моей судьбы врагами,
Я не желаю ползать перед вами,
Поверженный, лежать у ваших ног!

Сановники, и бог, и ты, душа,
Запомните, я больше вам не пленник,
Теперь я вас поставлю на колени,
Освобожденья воздухом дыша.

Моя душа, сановники и бог,
Я не желаю быть растоптан вами,
Я вас казню вот этими руками,
Я буду беспощаден и жесток!

1925 г.

Се Бин-синь
(род. в 1902 г.)

Слова «Бинсинь нюйши» в переводе означают «Госпожа с ледяным сердцем». Подобный псевдоним не мог не казаться изящной шуткой молодой писательницы, постоянного корреспондента газеты «Чэньбао», секретаря женской студенческой ассоциации, ибо он мало гармонировал с романтической душой поэтессы.

Детство Се Бин-синь прошло в провинции Шаньдун, на берегу моря, в кругу богатой и дружной семьи, где царили любовь и взаимопонимание. На всю жизнь поэтесса сохранила в памяти до мельчайших подробностей события детских лет и все, связанное с близкими ей людьми.

Буржуазная молодежь, номинально освобожденная от феодальных цепей, стала идеализировать освободившее ее общество. Но общество это бесцеремонно и грубо дало ей почувствовать, что дела в мире обстоят далеко не так благополучно, как она это себе представляет, и тогда молодые люди бросились в другую крайность: проклинали общество и его институты, впадали в пессимизм, уходили из жизни. Се Бин-синь стала голосом этой блуждающей в потемках молодежи. Под влиянием «Залетных птиц» Р. Тагора, японских хокку и танка она одна из первых в Китае начала писать «короткие стихи» (сяоши), схватывавшие «мгновенные ощущения», фиксировавшие идеи, туманные, призрачные и иллюзорные.

В сборниках «Звезды» (1923) и «Вешние воды» (1923) Се Бин-синь пишет о безоблачном детстве и материнской любви, о море и об искусстве.

Се Бин-синь верит в великую силу материнской любви, способной разрешить все трудности и сомнения. Наивно? Скорее, трогательно. Любовь к матери — традиционная тема китайской литературы, восходящая к постулатам конфуцианства,

однако реальное положение китайской матери в обществе разительно отличалось от классических реминисценций вроде той, где говорилось о плачущем сыне, который почувствовал приближение смерти матери, ибо в ее ударах, когда она била его, не было прежней силы. Любовью сына мать не была защищена от презрения других, о чем с болью и гневом писал Лу Синь. Благородные строки поэтессы во славу матери своей, звучащие как гимн матери вообще, были еще одним ударом по конфуцианским добродетелям.

В стремлении ко всеобщей любви Се Бин-синь забывала о классовом антагонизме и общественном неравенстве. «Любите матерей,— взывала она.— Просто любите матерей!» Ей казалось, что великой основой для всеобщего примирения может служить старая как мир идея о неизбежной участи всех живущих. Се Бин-синь заблуждалась. Смерти предшествует жизнь, диктующая иные законы: не может быть примирения жертвы и палача. Поэтесса избирает для себя путь утешительной, сладкой неправды. Ложь о сладости воспоминаний, которые не могли заменить человеку его Сегодня и его Завтра; ложь о прекрасном море, не могущем успокоить разорившегося крестьянина и лежащего на земле нищего; ложь о великой силе материнской любви, бессильной перед жестокостью мира,— была ли во спасение такая ложь? Убаюкивающей песней для слабых духом была поэзия Се Бин-синь. Верно замечание китайского критика: поэтесса никогда не была врачом, а была только сиделкой!

Но, подчеркивая слабость идейных позиций Се Бин-синь, мы не можем не сказать доброе слово о прямодушии и человечности ее поэзии.

ЗВЕЗДЫ

(фрагменты)

Нежно-зеленый росток
Юноше говорил:
«Себя развивай!»

Белый веселый цветок
Юноше говорил:
«Себя подари!»

Спелый, в багрянце плод
Юноше говорил:
«Жертвуй собой!»

Безграничную тайну
Где искать человеку?
Где-то между улыбкой
И еще не сказанным словом.

Все мы,
Дети природы,
Лежим в колыбели вселенной.

Для будущих воспоминаний,
О юноша, рисуй свое сегодня
Внимательно и осторожно.

Фонарь моей души
В безмолвье светит,
В шуме гаснет.

Литератор бесчувственней всех:
Слезы людские —
Его урожай.

Правда — вся! —
В молчанье детском,
А не в спорах эрудитов.

Природа,
Позволь мне к тебе обратиться
С одним лишь вопросом:
Неужто неверно тебя понимаю?

Побольше гордости, о слабая трава,
Ведь это ты земле вручила
Наряд зеленый.

Сновидения поэта
Вытканы глубокой ночью
Нитями дождя.

Не завидуйте ребенку:
Мир так быстро познается,
Вот уже печаль к нему крадется.

Необычайной тишины
Мгновенье
Нам познать дано,
Когда перо уже в руке
И ждет бумага.

Ребенок —
Поэт великий:
В его незаконченной фразе
Законченные стихи.

На воду ложатся тени,
На сердце ложатся фразы
И следов не оставляют.

В полночный час
Владеют миром грезы.

Я бодрствую одна.
Быть может,
Я героиня этих грез?

Те, что жили до нас,
Обманули меня,
А я не желаю обманывать славных потомков.

Сердце!
Ты сказало мне вчера:
Мир для счастья и добра.
Сегодня ты думаешь по-другому.
Мир для тебя — крушенье надежд.
А завтра ты станешь во всем сомневаться...
Научи меня верить твоим словам!

Мой друг!
Прилетели снежинки.
Я хочу в твоем сердце писать стихи.

ВЕШНИЕ ВОДЫ

(фрагменты)

Природа зовет:
«В море мое окуни острие пера,
Слишком суха грудь человечества».

Сердце!
Волненье твое напрасным не будет,
Если оно —
Во имя вселенной,
Во имя живущих.

Цветок мэйхуа на ветру,
Ты первым весну пленил,
Теперь и другие цветы
Спешат за тобою вслед.

Одинокий парус на краю заката,
Сам того не зная,
Стал штрихом последним
На природы свитке.

Одинокая в небе звезда.
Но во тьме безграничной
Она словно символ
Одиночества мира.

В этом смутном туманном мире
Я забыла первое слово
И последнее не узнаю.
Мир покидая,
Я бы хотела
Ему прошептать:
«Я тебя поняла».

Создатель,
Выполни
Одно мое желанье:
Хочу в объятья
Матери моей,
Иной судьбы не надо мне,
В объятиях — спасение от горя,
А мать пусть сядет в лодку при луне,
А лодка пусть уходит в море.

Цветок опыта
Рождает плод мудрости,
Но плод мудрости
Зачат семенами горечи.

Прощайте,
О вешние воды,
Спасибо вам за журчанье,
За то, что вдаль уносили
Речи мои и молчанье.
Вы к людям уйдете далеко,
Взмахну я рукой в знак привета
И сяду у ваших истоков
В немом ожиданье ответа.

Лян Цзун-дай

(род. в 1903 г.)

Лян Цзун-дай родился в уезде Синьхуэй провинции Гуандун. После окончания средней школы год учился в Линнаньском университете в Кантоне. К 1921—1922 гг. относятся первые опыты молодого поэта и его участие в деятельности реалистического Общества изучения литературы.

С 1924 по 1930 г. Лян Цзун-дай в Женеве, Париже, Берлине, Гейдельберге изучает западноевропейскую литературу, языки. После возвращения на родину читает лекции в Пекинском университете и в университете Цинхуа. С 1937 г.— профессор и декан факультета иностранных языков и литературы в Фуданьском университете в Шанхае. Несколько раньше, с октября 1936 г., сотрудничает в качестве члена редколлегии в журнале «Новая поэзия».

Лян Цзун-дай — автор одного поэтического сборника — «Вечерняя молитва» (1924), состоящего из «коротких стихов» — сяоши.

Его перу принадлежит исследование «Цюй Юань», перевод книги Р. Роллана «Гёте и Бетховен», переводы П. Валери, Р. М. Рильке. В Европе Лян Цзун-дай перевел на французский язык избранные стихотворения Тао Юань-мина (365—427).

КОРОТКИЕ СТИХИ

* * *

Ветерок среди цветов утомительно болтлив.
Но о чем он говорит?

* * *

Бамбуковое дерево!
Каждое утро я прохожу мимо тебя
И срываю один листок.
Прохладная роса
Падает мне на руку с кончика листа...
Мои слезы!

* * *

Весна отшумела, и белые бабочки
Надели желтые платьица траура:
Они соболезнуют листьям опавшим.

* * *

Цветок говорил поэту:
«Крошечные или огромные,
Творим мы свое искусство
По собственному желанию,
И все как один прекрасны!»

* * *

На долгом жизненном пути
В часы беспечной суеты
Следы шагов едва видны,
Мгновенье — их уж нет.
Но отпечаток их глубок
В часы тревог и бед.

* * *

Лист упал и увял.
Так все это просто?
Почему же он жалобно стонет?

* * *

В бескрайнем небе
Едва заметны мои первые слезы,
Оплакивающие мою сегодняшнюю душу.

* * *

Луна!
Спасибо тебе за сиянье.
Каждую ночь тихо в обитель свою
Ты уводишь мои мечты.

* * *

Заботы точно гусеницы:
Лист за листом изгрызали книгу судьбы.

* * *

Время — бескрайнее темное море:
Все во вселенной
Скрыло бесследно.

* * *

Горечь жизнь утешала:
«Я похожа на риф —
Я хочу взбаламутить
Пеной белой как снег
Безмятежно бегущий поток,
Чтобы ты красоту
Ощущала сильней!»

* * *

В лунную ночь меж деревьев бегущий ручей
Тихо и внятно журчал песню безлунных ночей:
«Сестрица луна,
Вечно меня освещай,
Не исчезай».

Цзун Бай-хуа

(род. в 1896 г.)

Цзун Бай-хуа — автор единственного поэтического сборника «Бегущие облака» (1923), профессор университета, переводчик, искусствовед, художник.

Цзун Бай-хуа — один из пионеров нового жанра сяоши — коротких лирических стихотворений со своей тематикой и своими структурными и художественными особенностями. Ценность «коротких стихов» — в тонком изображении пейзажа, в мастерски переданных нюансах настроения, в ассоциациях и намеках. В «Бегущих облаках» эти черты сяоши переданы поэтом умело, с большим пониманием законов жанра.

КОРОТКИЕ СТИХИ

* * *

Я верю солнцу,
Как отцу;
Как матери,
Луне я верю.
Как сестрам,
Верю я далеким звездам,
Как братьям,
Верю я цветам.
Я верю облакам плывущим —
Они мне кажутся друзьями.
Я верю музыке —
Она любви подобна.
Я верю —
Все на свете — божество,
Я — тоже!

* * *

На берегу морском построил дом:
В нем занавеска — алая заря,
Единственный светильник — солнце.
Мне освещает путь луна из яшмы,
Со мной ведут беседу облака.
Сижу впотьмах под темною скалой
И молча слушаю прибой.

* * *

Твои огромные глаза
Поглотили целый мир,
И они обнаружили
Твое младенческое сердце.

(В подражание Гёте)

* * *

Темная ночь глубока,
Тысячи звуков отдыхают,
Звон колокола далекого храма совсем стих.
Молчанье, молчанье,
В глубины сердца
Вливается бесконечное время.

* * *

На могиле поэта
Разрослись полевые цветы.
Пробегала девочка,
Красный цветок сорвала...
О бессмертный поэт!

* * *

Закат в полнеба за окном.
В полнеба радуга висит,
В дожде отражена.
В свинцовых тучах бытия
Талант, невиданный талант
Ткет вечные стихи.

* * *

Среди живых существ
Я славлю мотылька,
Летящего в огонь:
Лишь он один
В сиянье смерть обрел.

* * *

На небе звезды,
Дети на земле.
Любовь природы,
Матери любовь
Неисчерпаемо огромны.

* * *

Вселенная в сердце —
Отражение в ясном зеркале
Гор и рек.

* * *

Ночь, полную величья, прославляю:
Ты стерла все границы в мире
И множество светильников зажгла
Среди людей.

* * *

Лунное небо как зеркало
Освещает море как зеркало.
Зеркало неба и зеркало моря
Отражают душу как зеркало.

* * *

Когда заходит луна,
Мое сердце увядает:
Чистые благоухающие лепестки
Превращаются в бабочек ее грез.

* * *

Солнечный яркий луч
Утром умыл мою душу,
Луна на краю небес
Точно осколок грез
Ночи ушедшей.

Кан Бай-цин

Кан Бай-цин был пионером новой китайской поэзии, как и его современники Лю Бань-нун, Лю Да-бай, Чжу Цзы-цин. Будучи теоретиком стиха и его практиком, он принимал самое деятельное участие в дискуссиях о будущем отечественной литературы в период до и после движения «4 мая». Борясь против старых поэтологических канонов и догм, тормозивших развитие поэзии, Кан Бай-цин утверждал (впадая в другую крайность) необязательность поэтического ритма, предлагал заменить его «естественным ритмом, свойственным разговорной речи вообще». В споре о «духе новой поэзии» Кан Бай-цин выдвинул идею «творчества», т. е. идею самобытности поэтического слова в противовес имевшему хождение традиционному принципу подражания старым образцам.

«В новой поэзии,— писал он,— главное — это дух, и необязательно связывать себя рифмой». И далее: «Новая поэзия отбросила старые правила и утвердила естественные ритмы». И наконец: «Мир поэзии создается воображением».

Эти и другие высказывания Кан Бай-цин стремился материализовать в собственном творчестве. С 1919 г. поэт широко сотрудничает в ежемесячнике Пекинского университета «Синь чао», печатается в журнале «Шаонянь Чжунго». В 1922 г. выходит в свет его сборник «Трава»; в 1924 г. в исправленном виде и с измененным названием — «Трава впереди» — сборник переиздается.

«Трава» привлекла внимание читателей своей свежестью и новизной. Кан Бай-цин показал широкие возможности разговорного языка как языка поэзии. Критики и поэты 20-х годов увидели в стихах Кана легкость и раскованность; «он свободно высказывает все, что таится у него на сердце, как бы помимо собственного желания и воли».

Поэт вдохнул новую жизнь в традиционный жанр путе-

вых заметок в стихах; его цикл «Путешествие в Лушань» был высоко ценим его современниками.

Кан Бай-цин одним из первых стал писать «короткие стихи» (сяоши), популярные в 20-е годы.

Стихотворения «Травы» человечны и гуманны. Но в строках социального звучания мы обнаруживаем скорее констатацию факта неотвратимости людских страданий и бед, нежели попытку разобраться в их первопричинах.

ТРАВА ВПЕРЕДИ

Сзади плеть,
Впереди трава.

Задыхающийся вол
Тянет плуг, а плуг тяжел,
Косит глазом старый вол,
Уморился старый вол.

«Ху-ху...»
«Не вздыхай! Пошел! Пошел!
Распаши еще клочок,
Дам травы тебе пучок».

«Ху-ху...»
«Поторапливайся, вол,
Не вздыхай, иди быстрее,
Плетью я тебя огрею».

Вол!
Человек!
Бессильны слова.
Сзади плеть,
Впереди трава.

1 февраля 1919 г.

ПЕСНЯ РАБОТНИЦЫ

У меня на заплате заплата,
Мне на помощь приходит зарплата.
Нет ни риса в семье, ни батата,
Мне еду добывает зарплата.
Негде жить — ни отца и ни брата,
Мне на помощь приходит зарплата.
Ослабею я мало-помалу,
Они выдадут в день по два мао.
Как добры ко мне, как добры!

У меня будут малые дети,
Воспитает их мой благодетель.
А когда я всерьез заболею,
Принесут мне лекарство, жалея.
Ежедневно — хвала их заботе! —
Только десять часов на работе.
Я беременна, мне безвозмездно
Три юаня вручают любезно.
Как добры ко мне, как добры *!

КАМЕНЬ И БАМБУК

Чистый камень, изящный бамбук,—
Каждый другому приятель и друг.
Кто из них выше, кто из них ниже,
Они не видят и я не вижу.

Впрочем, иногда суровости камня
Мы предпочитаем изящество бамбука.

---

* Этот фантастический гимн «зарплате», полученной из рук капиталистов, звучит как злая ирония, которую можно найти и в других произведениях Кан Бай-цина. Между изображенной Кан Бай-цином картиной и действительным положением трудящихся на заводах и фабриках старого Китая, где в огромных масштабах применялся женский и детский труд, контраст был поразителен. Поэт выдумал некое царство гармонии труда и капитала, надеясь, что даже самые непроницательные поймут истинный смысл стихотворения.

Смотрите!
Кланяется бамбук!
Ветру кланяется в пояс,
О престиже не беспокоясь.
А камень не отвешивает поклоны.
На камне трава зеленая
Приходит в движение
От легкого дуновения,
Как бы подчеркивая камня величие,—
В этом главное их отличие!

Ливень.
Радуется камень
Освежающему купанью.
А бамбук поникает, бедняга,
Его убивает влага.

Выглянет солнце,
Светит, старается —
Камень смеется, бамбук улыбается.

СОМНЕНИЯ

Ласточка,
Вернулась?
Это не ты прилетала в прошлом году?

Лепесток в пучине.
Человек в зеркале.
Она в моем сердце.
В ее ли сердце я?

Лютневый источник.
Капля за каплей.
Слушаю, слушаю:
Что за мелодия?

Желтые цветы овощей!
Бабочки веселый полет!
Где найти мне нужные слова?

Знакомы ли
Сомнения такие
Крестьянам в синих куртках
На полях?

МИРНОЙ ВЕСНОЙ

К северу от Янцзыцзяна
Стали зелены поляны,
Стала зелена земля,
Показались зеленя,
Ивы тоже зеленеют,
Травы тоже зеленеют,
Воды тоже зеленеют,
И утиные хвосты
Как зеленые кусты,
И камыш крестьянских крыш
Зеленеет,
И голодные глаза
Зеленеют,
И горят, горят костры,
Пламенеют.
Выжигается весной
Весь участок посевной.

КОРОТКИЕ СТИХИ

* * *

Лотос говорил:
«Все ощущают аромат моего тела,
А кто чувствует горечь моего сердца?»

* * *

Лотос!
Я чувствую горечь твоего сердца.
Но я должен тебя проглотить,
Чтобы ты меня освободил
От лихорадки.

Ван Тун-чжао
(1898—1957)

Известный писатель, поэт, эссеист, активный участник движения «4 мая», один из ведущих деятелей реалистического Общества изучения литературы.

В 1920 г. большая подборка стихов поэта публикуется в коллективном сборнике «Избранные стихи на байхуа по четырем разделам», а в 1925 г. в свет выходит первый и самый яркий поэтический сборник Ван Тун-чжао — «Детское сердце», в котором отчетливо проявилась глубокая человечность поэта, его реалистическая манера письма, что соответствовало художественным принципам Общества изучения литературы.

В творчестве Ван Тун-чжао 30—40-х годов преобладали темы войны, жизни китайской деревни; крайне интересны живые и тонкие прозаические и поэтические зарисовки городов Европы, где он побывал во время своего путешествия в 1934 г.— сборники «Эта эпоха» (1933), «Ночная дорога» (1936), «Записки о путешествии в Европу» (1939, 1940) и др.

В 1958 г. вышли в свет «Избранные стихотворения» Ван Тун-чжао.

Большое нравственное воздействие на молодого поэта еще в 20-е годы оказал Р. Тагор, которого Ван Тун-чжао сопровождал в поездке по Китаю.

Ван Тун-чжао переводил на китайский язык Байрона, Китса, Шелли. Во время поездки в Италию он посетил могилу Шелли в Риме и написал стихотворение, полное восхищения и любви.

За годы творческой жизни, омраченной тяжелыми недугами, Ван Тун-чжао создал более двадцати книг — прозу, поэзию, публицистику, в том числе повести «Лист» (1922), «Сумерки» (1925), сборник рассказов «Весенней дождливой ночью» (1924), роман «Дождь в горах» (1933) и др.

ДЕТИ У ПОЛОТНА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Голые дети играют в прятки
У полотна железной дороги.
Колючки вонзаются в голые пятки,
В ссадинах голые ноги.
Серая пыль покрывает лица,
Но дети не замечают пыли.
Поезд издалека примчится,
О котором они забыли,—
Поднимут головы удивленно,
Закричат и угомонятся;
Поезд помчится на свет зеленый,
Никому за ним не угнаться.
Снова дети играют в прятки,
Некуда им торопиться;
Колючки вонзаются в голые пятки,
Серая пыль покрывает лица.

ЛЮБОВЬ

Любовь, как цепь железная, грозна,
Как шелковая нить, она нежна.
Но как, скажите, эту цепь сорвать
И ласковые нити разорвать?

Посажена на цепь моя душа,
Окутаны все чувства тонкой нитью;
Секира здесь была бы хороша,
И пламя бы ускорило событья!

Я сброшу цепь, я нить в огне сожгу,—
Я от цепей и нитей убегу.
Несвязанное сердце, мы отныне
С тобой о чувствах — ни гу-гу!

ЛОЖЬ

«Человек не может быть лжецом»,—
Говорю я людям убежденно,
Но они смеются мне в лицо.
«Разве,— возражают мне резонно,—
Кто-нибудь хоть раз не попадал
В сети лжи?» И завершают дельно:
«Ложь и человеческая жизнь
В мире существуют нераздельно.
Бытия изнанка — это ложь,
С черной и жестокой сердцевиной:
Полосует кожу острый нож,
И лица не видно за личиной».

МОСТ И ВОДОПАД

Ветер вкрадчив, и луна ясна,
Точно серебро, в горах роса,
Я один на каменном мосту
Созерцал летящий водопад.
Колокол далекий прозвучал —
Мне казалось, будто я в мечте:
Я ее придумал в горький час,
И она, прекрасная, сбылась!
Я стоял на каменном мосту
И не замечал чудесных брызг,
Падавших неслышно на лицо.

ПОХОЖЕСТЬ

Всё похоже на всё в этом мире...
Кто может познать до конца формы предмета?
Кто может во тьме отличить круглый камень от золота?
Кто может определить в лихорадке,
Что дают ему люди — вино или сладкий сироп?
Бесконечная ночь,
Бесконечная лихорадка,
Нелепый, смешной человек —
Всё похоже на всё в этом мире...

Чжэн Чжэнь-до
(1898—1958)

Чжэн Чжэнь-до был человеком разносторонних интересов, высокоталантливым ученым и художником, теоретиком литературы, историком китайской и мировой культуры, археологом, прозаиком, поэтом, переводчиком.

Активная его деятельность, блистательная и многогранная, началась в 20-е годы. Чжэн Чжэнь-до был одним из создателей реалистического Общества изучения литературы и лично внес немалый вклад в дело пропаганды и перевода прогрессивной литературы мира, особенно русской — Толстого, Тургенева, Горького.

Вместе с друзьями и единомышленниками Чжэн Чжэнь-до ратовал за «литературу во имя жизни»; он писал о том, что «объектом литературы» должны стать «кровь и слезы оскорбленных и униженных». Деятели Общества стремились к правде жизни. Быть может, именно страстное желание припасть «воспаленной губой» «к реке по имени факт» объяснит нам, почему натурализм в первые годы существования Общества казался его членам столь заманчивым и привлекательным.

К познанию фактов стремился и Чжэн Чжэнь-до. Факты как исходная точка для широких обобщений — это пришло позже. В начале 20-х годов Чжэн Чжэнь-до много писал стихов. Позднее в его творчестве возобладала проза.

В 1922 г. Общество изучения литературы выпустило в свет поэтический сборник «Снежное утро», состоящий из восьми разделов (по числу авторов — Чжу Цзы-цин, Юй Пин-бо, Сюй Юй-но, Чжэн Чжэнь-до и др.). Появление сборника стало заметным событием в литературной жизни. Это был один из первых сборников стихов на байхуа, утверждавших поэзию иных масштабов, форм, языка. Это были стихи остросоциальной, гуманистической направленности. Предисловие написал Чжэн

Чжэнь-до, ему же принадлежали 34 стихотворения; больше было лишь у Сюй Юй-но. Чжэн Чжэнь-до требовал от литературы «непосредственности»: «говори о том, что думаешь, без утайки, без лжи и пустоты». Заканчивалось предисловие словами: «Если наши слабые голоса оставят хоть какой-то след в сердце сочувствующих читателей и вызовут их отклик, мы будем полностью удовлетворены».

В нашей подборке представлены стихи из сборника «Снежное утро».

В первый год войны против японских захватчиков Чжэн Чжэнь-до издал патриотический сборник «Голос войны», который посвятил «воинам Сопротивления». Сборник состоит из трех разделов: в первом собраны песни 1925 г., начала революции; во втором — стихи первой половины 30-х годов; в третьем — произведения, созданные в первые месяцы войны. В обращении к читателям Чжэн Чжэнь-до писал: «Я не люблю войну; я полагаю, только сумасшедшие могут ее любить. Было время, когда я был пацифистом. Однако события последних шести лет, военные авантюры агрессоров заставили меня глубоко прочувствовать ту истину, что есть „война" и „война". Конечно, военные авантюры — преступление, но еще большее преступление „уступать" и „терпеть" факел агрессора...»

Поэтому, завершая сборник, Чжэн Чжэнь-до повторял: «Единственная тема сборника — сопротивление врагу».

Многие стихотворения Чжэн Чжэнь-до печатались в 20—50-е годы в периодической печати; часть из них собрана во втором (1963) из двух вышедших томов его «Собрания сочинений».

В ТРАМВАЕ

В третьем классе еле живы,
В первом — мало пассажиров,
А между —
Стеклянная дверь всего лишь.
Глупое человечество,
Почему ты себя неволишь?
Дверь разбей —
Такая малость! —
Чтобы всем
Легко дышалось.

СЛЕЗЫ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Маленький мальчик плачет навзрыд,
Взрослый рыданья в сердце таит.
Бедный взрослый!

СРЕДА

Золотые рыбки-крохи
В колыбели из фарфора

Среди водорослей вьются,
Изумрудно-бирюзовых,

А когда достигнут моря,
Где кипят и бьются волны,

Их никто уже на свете
Не найдет и не узнает.

МАТЬ

Всяк друг тебе, когда успех придет,
И только мать —
Твой спутник в дни невзгод.

Сердца иных —
Фальшивые сердца,
Медовым восхваленьям нет конца.

И только слезы матери
В тиши
Рождаются
Во глубине души.

ЗАБВЕНЬЕ

В лохмотьях нищий просит подаянье,
Осенний ветер окаянный
Беднягу валит с ног, толкает в грудь...
Дух смерти в белом одеянье
За ним придет когда-нибудь
И тихо молвит:
«Все забудь».

Вояке в генеральском званье
Поют хвалу за славные деянья,
Он смог войска искусно развернуть...
Дух смерти в белом одеянье
За ним придет когда-нибудь
И тихо молвит:
«Все забудь».

Писатель с головой ушел в писанье,
Он стал кумиром, центром мирозданья,
Он нации указывает путь...
Дух смерти в белом одеянье
За ним придет когда-нибудь
И тихо молвит:
«Все забудь».

Купец на счетах щелкал постоянно
И через годы нажил состоянье,
Все перед ним готовы спину гнуть...
Дух смерти в белом одеянье
За ним придет когда-нибудь
И тихо молвит:
«Все забудь».

Где люд рабочий, там цепей бряцанье,
От ноши жизни сгорбились крестьяне,
Не выпрямиться им и не вздохнуть...
Дух смерти в белом одеянье
Укажет им когда-нибудь
Забвенья путь.

ПОД БАРАБАН

Жизнь с барабаном по жизни идет,
Твердо шагает, в бока его бьет,
Под барабанные звуки, скорбя,
Жизнь незаметно хоронит себя.

ОСКОРБЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

В прошлом году я как-то ехал на рикше. Нечаянно он слегка задел плечом одного мукденца. Тот рассвирепел, раскричался, закатил рикше две оплеухи, ткнул кулаком в живот и в ярости зашагал прочь. Рикша, задыхаясь, что-то пробормотал обидчиво, потом стал всхлипывать и заплакал. Эта картина и сейчас стоит перед моими глазами, и, думаю, мне ее никогда не забыть.

Оскорбленный человек, не надо плакать!
Твои слезы разрывают мне душу,
Не услышат их жестокие люди.
Оскорбленный человек, не надо плакать!
Слишком много горьких слез в этом мире,
За века они в моря превратились,
Стали реками, озерами стали,—
Кто услышит твои слабые всхлипы?
Оскорбленный человек, не надо плакать!
Темень нашей жизни не вечна,
Будет в ней и ясная погода,
Солнце поглотит мглу ночную.
Оскорбленный человек, не надо плакать!
Сами сотворим земное солнце,
Соберем лучи воедино
И развеем черные тучи.

РЯДОВОЙ В СЕРОМ

Мне жутко смотреть на солдат:
Штыки на винтовках горят.
Прохожий почует укол,
И думы, нарушив покой,
О жизни серых тонов
Приходят на гребне снов.

ЛАСКОВЫЙ ТЕПЛЫЙ ЛУЧ

Сердце черным-черно,
И ласковый теплый луч
Почуять ему не дано.

Черное сердце дрожит «в омуте горькой тоски»,
Жаждет увидеть лучи там, где не видно ни зги.

Но сердце черным-черно,
И ласковый теплый луч
Не пробьется к нему все равно.

Сюй Чжи-мо
(1895—1931)

Сюй Чжи-мо, поэта яркого дарования, постоянно тревожили проблемы личности и общества.

Его лирика медитативна; раздумья над сущностью бытия были глубокими. Оптимистичны были его думы, романтичен порыв, но жизнь оказалась слишком непохожей на созданную воображением поэта. И Сюй Чжи-мо, не зная, «куда дует ветер», обрушился на тех, кто исторически был призван уничтожить класс, к которому принадлежал и он.

Воспитанник Кембриджа, страстный поклонник Томаса Гарди, Суинберна и Россетти, Сюй Чжи-мо нес сквозь жизнь «чистый идеал», рожденный на зыбкой ирреальной почве. Будучи не в силах разобраться в глубоком конфликте между личностью и обществом полуфеодального Китая или переступить за грань того, что он называл «серой человеческой жизнью», поэт уходит в деревню, на лоно природы, к тихим рекам и безмолвным храмам. Он бродит по земле с «чистым идеалом в сердце». Но поэзия постоянно сталкивалась с реальностью. Произведения Сюй Чжи-мо первого периода имели социальный, гуманистический характер. Он писал о солдатах, гибнущих в бессмысленной бойне, о женщине, потерявшей ребенка, о девочке, просящей милостыню для больной матери, об усталом старике рикше на темной дороге.

С середины 20-х годов до последних дней жизни (Сюй Чжи-мо погиб в авиационной катастрофе 19 ноября 1931 г.) поэт переживает этап «исповеди и скитаний», лишенный прежнего романтического порыва и силы. Поиски «чистого идеала» «велись» без видимой надежды его найти, а гневное обличение существующего порядка постепенно принимало форму жалоб и стонов и через какое-то время было подменено вовсе иными мыслями и чувствами.

Политическая слепота вынуждала Сюй Чжи-мо смотреть на мир как на нечто непостижимое и страшное, тем более что для этого жизнь предоставляла массу доказательств. «Сверхчеловек» первого сборника «Стихи Чжи-мо» эволюционизировал в «маленького человечка». Пессимизм обволакивал душу поэта, и он с еще бо́льшим упорством, чем прежде, хватался за спасительную идею любви. Сдержанная любовь Сюй Чжи-мо-романтика сменилась любовью чувственной. Но мир поэта вновь оказался хрупким и непрочным. «Стена любви» не выдержала напора противостоящих ей сил. Любовная лирика Сюй Чжи-мо противоречива, строки о величии и могуществе любви перечеркивались другими, говорящими о ее ущербности и бессилии. И тогда возникала мысль о смерти. Мистицизм Россетти вместе с его восставшей из гроба «небесной подругой» — все более частые гости в поэзии Сюй Чжи-мо. В духовном смятении Сюй Чжи-мо пытается «на острие высохшего пера» поведать свои «разбитые думы» о «чистом идеале», не найденном в жизни.

Автор «Стихов Чжи-мо» (1925) и «Флорентийской ночи» (1927), «Тигра» (1931) и «Скитаний в облаках» (1932), нескольких прозаических книг, статей, рассказов и эссе пришел к идейному и творческому краху. Трагедия Сюй Чжи-мо-художника, чьи произведения последних лет жизни стали «лебединой песней буржуазии», писал Мао Дунь, была не только личной его трагедией, но и симптомом общественного процесса гибели буржуазной культуры.

В ПОИСКАХ ЯРКОЙ ЗВЕЗДЫ

Мой конь и слеп и хром,
Я в ночь гоню его,
Я в ночь гоню его,
Мой конь и слеп и хром.

Ворвался в нескончаемую ночь,
Ищу мою звезду,
За ней во мрак иду,
Но мрак ночной нас снова гонит прочь.

Устал мой конь, устал он подо мной,
Но где моя звезда?
Не видно и следа.
И я устал в седле, и я совсем больной.

Но вдруг пронзают темноту хрустальные лучи.
Свалился конь, и труп коня
На землю, вниз увлек меня.
Но вдруг пронзают темноту хрустальные лучи.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СЕРАЯ ЖИЗНЬ

Я хочу расковать свой голос, грубоватый и буйный голос, и новую, пугающую души варварскую песню запеть;

Я сбросить хочу свое платье, такое респектабельное платье, обнажая грудь и живот;

Хочу среди лощеных сограждан со спутанными быть волосами, будто я бродяга-монах;

Хочу в ручье омыть свои ноги и тропой, крутой и опасной, босиком и с чистой душою зашагать бесстрашно вперед.

Я хочу настроить мой голос, грубый и заносчивый голос, и хвастливую, громящую песню, увлекающую души, запеть;

Я вытяну огромные руки — на земле, на небе и в море,— голода ища утоленье, который не в силах терпеть;

Я схвачу северо-западный ветер и спрошу его о красках осенних и о падающих листьях в саду;

Я схвачу юго-восточный ветер и спрошу о юных почках в глянце, зреющих у всех на виду;

Я у берега морского застыну, прислушиваясь к ровному дыханью крепкого великого сна;

Мне подвластны краски заката; на груди, в волосах и под ногами дымка гор далеких таится, и серебряно меня освещает яркая осенняя луна...

Ухожу в восторге безумья семимильными шагами все дальше и пою свирепую песню, незатейливую, грубую песню, для которой не придумал конца;

Приходите, приглашаю вас к морю слушать песню бури и ветра, сотрясающую крепкие стены небесного святого дворца;

Приходите, приглашаю вас в горы слушать музыку старых деревьев: топоры уже запели в тиши;

Приходите, приглашаю вас в домик, в тайный домик приглашаю на стоны искалеченной, забытой души;

Приходите в заоблачные выси, приглашаю вас послушать стенанья огромных и причудливых птиц;

Приглашаю вас в народ, приходите слушать дряхлую, разбитую песню, горемычную, скорбную, больную, безобразную и рабскую песню, ту, что тихо поют самоубийцы, ту, что смешана с дождями и ветром, хоровую заунывную песню — «Человеческая серая жизнь!»

ТРУСЛИВЫЙ МИР

Трусливый мир,
В нем места нет любви,
В нем места нет любви!
Простоволосая,
Босая,
Иди за мной, твердя слова любви.
Оставим этот мир,
За гробом путь любви.

В моей руке твоя рука,
Любовь моя, дорога далека;
Пускай в ступни вонзаются шипы,
Терзает град, веля сойти с тропы.
Иди за мной, дорога далека.
В моей руке твоя рука.
Свобода! Вырвемся из затхлого мирка!

Моя любовь,
Иди за мной!
Ты видишь мир людей за нашею спиной?
Не океан ли плещет светлою волной?
Безбрежный океан,
Пресветлый океан,
Свобода без границ, любовь и мы с тобой!

Взгляни на край небес,
Туда,
Где чуть мерцает синяя звезда.
Нет, это остров, а на нем цветы,
Трава и птицы редкой красоты.

Скорее в челн, дорога далека,
Дворец небесный скрыли облака,—
К свободе и любви,
С земною суетой простившись навсегда.

ПРОЧЬ!

Прочь, люди, прочь!
  Один стою над горной крутизной;
Прочь, люди, прочь!
  Лицом к лицу с небес голубизной.
Прочь, юность, прочь!
  В глуши степей пристанище мое;
Прочь, юность, прочь!
  Печаль во тьму уносит воронье.
Прочь, грезы, прочь!
  Я расколол нефритовый сосуд;
Прочь, грезы, прочь!
  Валы и ветер радость мне несут.
Ха-ха! Все прочь!
  Я вижу пик, взнесенный над землей;
Все прочь, все прочь!
  Какая безграничность предо мной!

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Весенний ветер не вернулся в сад,
Понуро ветки темные висят,
На небе нет ни солнца, ни луны,
Ни звезд,— они мертвы, они черны,
Лишь силы зла глядят из всех засад.

Все рушится, добра на свете нет,
Цена святому — несколько монет...
В тот день и час небесный грянул суд!
И души обнаженные ползут
За ханжество и ложь давать ответ.

Моя любовь, в то время ты и я,
Как лотосы на стебле бытия,
Цвели открыто, счастья не тая,—
  Не зная за собой другой вины.
  Такие узы Небом скреплены.

ЯД

Сегодня я песен не пою, у моих губ змеится хищная улыбка; сегодня я молчу и не смеюсь, в мою грудь вонзился холодно блещущий острый меч;

Поверь, ядовиты мои мысли, потому что таков этот мир; темна моя душа, потому что солнце уже не сияет; мой голос подобен крику ночной совы на могильном кургане, потому что в мире людей убита гармония; в речах моих слышен голос невинно казненного, пришедшего к палачу, потому что добро уступило дорогу злу;

Но верь мне: правда в моих словах, пусть ядовиты они, правда не станет двусмысленной, даже если в моих словах вдруг проглянут язычки двуглавой змеи, острие хвоста скорпиона, челюсти сколопендры, потому что сердце мое переполнено тем, что сильнее яда,— проклятья не столь ядовиты, пламя не более ярко, смерть не столь глубока! Сердце мое не в силах терпеть, оно полно жалости и любви, вот почему мои речи отравляют, проклинают, сжигают, ведут в небытие;

Поверь, в гробнице на коралловом острове спит мерило добра и зла; и самые чистые ароматы яств для жертвоприношений не в силах пронзить этот мрачный, неподдающийся пласт: мерило мертво;

Наша вера похожа на сгнившего бумажного змея на ветке дерева, в руках лишь разорванная нитка: сгнила вера;

Поверь мне, огромные тени сомнений, точно черная туча, сокрыли связи в этом мире: дети не рыдают больше над трупом умершей матери, братья не ведут за руку своих сестер, друзья стали врагами, собака, стерегущая дом, поворачивает голову, чтобы укусить за ногу своего хозяина; да, сомнения сокрыли все; на обочине дороги сидят плачущие, на улице и под твоим окном тебя высматривают веселые девицы: прекрасный лотос сгнил; в грязном потоке, где проходит людской путь, несутся по волнам пять обезображенных тру-

пов: гуманность, справедливость, обрядность, мудрость, вера,— плывут они в море, где бесконечно время; это море неспокойно, свирепо перекатываются волны, а на белом гребне каждой из них начертано четко: алчность и зверство;

Повсюду разврат, справедливость — в объятьях жадности, подозрительность теснит сочувствие, трусость бесцеремонна с отвагой, чувственность дурачит любовь, человечность — под гнетом зверства, свет — под пятой мрака;

Слышишь этот непристойный шум, этот звериный вой?..

Тигры и волки на растревоженных улицах, насильники — в постелях ваших жен, злодейство — в глубине ваших душ...

БЕЛЫЙ ФЛАГ

Пойдемте, пойдемте со мной, возьмите белый флаг в свои руки, но не тот, на котором начертаны символы, взывающие к ненависти, к убийствам, к садизму, и не тот, испачканный кровавой отметкой, и не тот, где видны слова раскаянья и проклятья (раскаянье начертайте в сердцах своих);

Расположитесь в ряд, молчаливы и торжественны, точно похоронная процессия, и пусть с ваших лиц исчезнут краски, исчезнут улыбки, торжественные и безмолвные, словно солдаты отряда смертников;

Время пришло, взметните ввысь белые флаги, что в ваших руках, как если бы вы поднимали свои сердца, и посмотрите в голубое небо над головой, но не сразу, постепенно, будто вы глядите в собственную душу;

Время пришло, и пусть из глаз ваших льются слезы, кипящие слезы, скрытые слезы, и пусть они льются не переставая, бешено льются, свободно льются, весело льются, льются бесконечно, как поток в горном ущелье, как ливень в грозу...

Время пришло, и пусть голоса ваши, захлебывающиеся, сдавленные, срывающиеся, рокочущие,— пусть рыдают они, не переставая рыдают, бешено рыдают, угрожающе рыдают, как будто вы потеряли самых любимых...

Время пришло, и пусть воскресшее ваше природное раскаянье, сожженное кипящим маслом слез, раскаянье, пробужденное громом стенаний, безмолвное раскаянье, вечное раскаянье, в глубины души уходящее раскаянье, станет подобным холодным бликам звезды, падающим в уединенное ущелье, или монаху в темной одежде, коленопреклоненному перед святой нишей Будды в золоте и лаке;

В кипенье слез, в безудержных стенаньях, в глубоком безмолвии раскаянья вы узрите Небо в его вечном величии.

СТРАНСТВИЕ

Ты взмыла, туча, в небеса, свободна и одна,
Летела быстро и легко без отдыха и сна,
По вольной прихоти своей и час, и день, и год,
Блаженство высшее твое — свободный твой полет.
И в гордом странствии, в пути с небесной высоты
Бегущий с гор простой ручей могла ль заметить ты?
Его прозрачность затенив, над ним летела ты,
А он, ликуя, обнял тень нетленной красоты.

В тоске он обнял тень твою, стремясь тебя найти,
Но красоте покоя нет, она всегда в пути.
Ты улетела, уплыла к заснеженным горам,
Не ручейку дарила тень — озерам и морям.
А он напрасно ждал тебя и ждал бы до сих пор,
Но пересох от мук ручей, рожденный среди гор.

БОЖЕСТВО

Тяжелый, приземистый, уродливый камень-стена,
А дивная лилия прелестна была и бледна;
Цветок отпечатала на трещинах камня луна,—
Красавцем уродину теперь находила она.

Я просто ничтожество, да что говорить обо мне!
Она, несравненная,— как фея в таинственном сне.
Но если любимая у сердца замрет моего,
Исчезнет ничтожество, родится герой-божество!

ДИКИЕ ГУСИ

Дикие гуси летят в облаках,
Неторопливые
Или шумливые;
Крыльев прекрасных
Могучий размах.

Дикие гуси летят в облаках;
Золоточистые
И серебристые;
Белые крылья
В закатных лучах.

Дикие гуси летят в облаках;
Слышится пение,
Слышится пение,
Радость полета,
Предчувствия страх.

Дикие гуси летят в облаках;
Плавно парение,
Плавно парение.
Много ли родичей
В их косяках?

Дикие гуси летят в облаках;
Мрак надвигается,
Мрак расстилается.
Дети, куда вы
Летите впотьмах?
Мрак наверху и у самой земли,
Чары ночные на воды легли.
Всех покорил и куда-то унес
Мрака ночного бесшумный гипноз.

Кто-то прислушался...
Где-то вдали
Горе огромное с мраком слилось.

Я НЕ ЗНАЮ, КУДА ВЕТЕР ДУЕТ

Я не знаю,
Куда ветер дует,—
Я в мечтах витаю,
В легких волнах грез кружу я.

Я не знаю,
Куда ветер дует,—
Я в мечтах витаю,
Ласкова она, и я ликую.

Я не знаю,
Куда ветер дует,—
Я в мечтах витаю,
Красоты сиянье найду я.

Я не знаю,
Куда ветер дует,—
Я в мечтах витаю,
Холодна она, и я тоскую.

Я не знаю,
Куда ветер дует,—
Я в мечтах витаю,
Муки грез — от них в бреду я!

Я не знаю,
Куда ветер дует,—
Я в мечтах витаю,—
Мрак — сиянье грез, туда иду я.

Чжу Сян
(1904—1933)

Чжу Сян ушел из жизни молодым; 4 декабря 1933 г. он бросился в реку Хуанпу в Шанхае, как бы оправдывая погребальные мотивы своего творчества и символический рисунок — обнаженный человек в волнах реки — на обложке своего второго, и последнего, прижизненного сборника.

Широко образованный человек, Чжу Сян был превосходным стихотворцем, переводчиком, исследователем. Он переводил на китайский язык Шекспира, Китса, Шелли, заслужив репутацию «утонченного мастера».

Возвратившись на родину после завершения образования в Чикаго, Чжу Сян некоторое время преподавал английскую литературу в Аньхойском университете, но не ужился с начальством, остался без работы и без средств к существованию. Начались годы скитаний. «Я неудачник,— не однажды повторял он,— я поистине одинокий человек!» Литературовед Чжао Цзин-шэнь рассказывает, как однажды весной, в год трагической гибели, Чжу Сян пришел к нему в рваной куртке, изможденный, усталый, и попросил взаймы несколько юаней на железнодорожный билет. Его снова потянуло в дорогу. Бедность почти всю жизнь преследовала поэта. Он был предан искусству, любил классику, изучал Ван Вэя. Когда у него заводились деньги, он спешил к букинисту, чтобы приобрести редкие ксилографы знаменитых поэтов.

В первом своем сборнике «Лето» (1925) Чжу Сян передал атмосферу радостного подъема и нетерпеливого ожидания перемен после движения «4 мая». В сборнике «Пустырь» (1927) оптимизм покидает Чжу Сяна, его душу захлестывает настроение обреченности и предчувствие скорой гибели. В сонете, посвященном Данте, он признавался: «Очень трудно найти в облаках звезду, которая бы звала за собой на тот берег». Поэт

просит, когда он умрет, похоронить его в пруду лотосов или на вершине горы Тайшань.

Отсутствие идеалов, невозможность хотя бы самому себе ответить на вопрос, ради чего стоит жить, сломили Чжу Сяна. Декадентская позиция группы «Новолуние», эстетические воззрения которой он во многом разделял, точно шоры, ограничивала ви́дение мира, и приближающаяся гибель старого правопорядка казалась Чжу Сяну всеобщим катаклизмом, гибелью человека и культуры вообще.

Его поэзия — сплошное горестное недоумение: «О счастье, в этом мире еще ни разу не видно было твоего светлого облика!»

Таким и ушел Чжу Сян из жизни — поэтом, мечтающим о счастье и не находящим его.

ДИТЯ

Я большое дитя и пока не набрался ума,
На песке, как ребенок, я высокие строю дома.
Но тревожная мысль постоянно терзает меня:
Почему я дитя, почему не набрался ума?

Видно, строить не мне лучезарное Завтра людей,
Знай, пишу и пишу, на тома взгромождая тома.
Я большое дитя, я похож на обычных детей,
На песке, как ребенок, я высокие строю дома.

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

Осмыслить, право, нелегко
Поступки человека.

Мы знаем древних мудрецов,
Постигших мудрость века,

За тех, кто жив и кто в беде,
На бой и смерть идущих...

Но кто пожертвует собой
Во имя дней грядущих?

СЛОВА

Для женщины, далекой, как мечта,
Я много слов в своей душе храню...
Я жду всю жизнь, я верен их огню
И потому не раскрываю рта.

МОЕ СЕРДЦЕ

Не устало ли ты от такого труда?
Нет покоя тебе ни мгновенья,
Только ты и вода, только ты и вода
Никогда не искали забвенья.

Не устало ли ты от такого труда?
Ты прошло испытаний немало;
Языку и губам, что в движенье всегда,
Не жалея себя, помогало.

Не устало ли ты от такого труда?
Ты, как мать, с неизменной любовью
Одаряло меня, горячее огня,
Животворною алою кровью.

Ты устало от горя, от жизни во мгле,
Ты свои шестьдесят отслужило,
Наконец ты навеки уснуло в земле,
Но в потомках ты все-таки живо!

СВЯЩЕННЫЙ ПУТЬ

«Только звери и святые
Есть на свете, без сомненья!»

И никто в людей не верит,
Слишком кажутся простыми:

Звери маски надевают,
Совершая преступленья,

И простые люди тоже
Притворяются святыми.

ПОИСКИ

Святой дворец! Найти его хочу!
Ищи до смерти с самого рожденья,
Во тьме ночной в пути зажги свечу,—
Но тщетны будут все твои хожденья,
Фальшивый совершенный человек!

Попробуй в ад, приятель, загляни:
Смола, котлы и дикие стенанья;
Но души грешные, кто б ни были они,
По крайней мере лучше мелкой дряни,
Фальшивый совершенный человек!

ТРИ СОНЕТА

* * *

Почтальону путь везде,
Я хочу им стать, поверьте;
Чувства спрятаны в конверте,
Точно косточки в плоде.

Стану быстрым колесом:
Мчись, почтовая машина,
Да придет письмо от сына
Поскорее в отчий дом!

Я хочу конвертом стать
И какое-то мгновенье
За глазами при врученье
И руками наблюдать.

Доброй вестью стать хочу —
Всю планету облечу!

* * *

Прошедшее с трудом отбросил я
И приказал, чтобы оно лежало
В болоте смрадном и не выползало,
И не шумело, злобно вопия.

Но подлое глядело, как змея,
И, как лягушка, мерзко хохотало,
Сопротивлялось и не уступало,
И дрогнула — увы! — душа моя.

Но я не трус, хоть все во мне дрожало,
Когда я, стиснув зубы, наблюдал:
Прошедшее мой облик принимало!

От гнева я сознанье потерял.
Прошедшее вонзилось в сердце жалом,
И я сопротивляться перестал.

* * *

Без удобрений дереву не сладко,
Капусте не расти без нечистот,
В краю чудесном, где павлин живет,
Грозят бедой жара и лихорадка.

Наверно, нет прозрачных водопадов,
Тайшань в душе, наверно, тоже зла;
Когда бы пыль на землю не легла,
Возможно, не было бы праздничных закатов.

Мир стал бы пуст, не будь любви на свете,
И не было б культуры на земле,
Когда бы предки долгие столетья
Не корчились от мук в пещерной мгле.

Поэт, возможно, тоже бы молчал,
Когда бы мир от боли не кричал.

Ин Сю-жэнь
(1900—1933)

Ин Сю-жэнь родился 7 февраля 1900 г. в провинции Чжэцзян. Вехи его жизни и творчества совпадают с важнейшими событиями в истории Китая. После массового расстрела демонстрации в Шанхае английскими империалистами (30 мая 1925 г.) — события, явившегося началом революции 1925—1927 гг.,— Ин Сю-жэнь вступил в ряды КПК. В 1926 г. партия направила его на работу в Ухань, а в 1927 г.— на учебу в Советский Союз, откуда он вернулся спустя три года.

Профессиональный революционер, подпольщик, Ин Сю-жэнь начинал свой жизненный путь как поэт. В 1922 г. в г. Ханчжоу вместе с Ван Цзин-чжи, Пань Мо-хуа и Фэн Сюэ-фэном он создает литературное общество «На берегу озера Сиху». В том же году члены общества издают одноименный сборник, а в 1925 г.— книгу стихов «Песни весны», куда вошло много стихотворений Ин Сю-жэня. Всех четверых связывала творческая дружба и горячая устремленность к любовной и пейзажной лирике. Однако поэты из Ханчжоу писали не только о природе и любви. Социальная проблематика в их творчестве звучала весьма громко. Гневом к империалистам, грабящим Китай, проникнуто, например, стихотворение Ин Сю-жэня «У реки Хуанпу»:

...Ощерились окна домов-крепостей,
Кирпич из костей и дома из костей,
И кровь в Хуанпу стариков и детей.

В 1925 г. Ин Сю-жэнь руководил небольшим ежемесячным изданием «Февраль в Китае», но выпустил всего четыре номера, так как выехал на учебу в Москву. В Советском Союзе Ин Сю-жэнь написал несколько стихотворений (два из них представлены в сборнике).

Вернувшись в 1930 г. на родину, Ин Сю-жэнь вступил в Лигу левых писателей Китая. Началась трудная, полная опасности и риска работа коммуниста. Тайная полиция настороженно следила за ним. 14 марта 1933 г. Ин Сю-жэнь, заведующий отделом пропаганды и агитации Комитета КПК провинции Цзянсу, был схвачен и зверски убит в гоминьдановском застенке.

Стихи поэта-революционера вошли в сборник «Избранное Ин Сю-жэня и Пань Мо-хуа» (1957).

ПРОСЬБА МАЛЬЧИКА

«Если это сделать трудно —
Чтобы молния и гром
Поскорее-побыстрее
Уходили бы добром,—
Я тогда бы попросил,
Чтоб хоть дождь не моросил.

Если это сделать трудно
В тот же час и в тот же миг,—
Пусть тогда утихнет ветер,
Пусть бы он совсем утих!

Если это сделать трудно
(Я не знаю, вам видней),—
Пусть он дует, этот ветер,
Только тише и нежней.

Если дуть решил он круто,
Поднимая ураган,—
Пусть он дует, но не к югу
От родной реки Цяньтан.

Впрочем, можно даже к югу,
Только к нам не заходи.
Впрочем, можно даже к дому,
Только маму не буди.
Не буди, сердитый ветер,
Уходи!»
Как же можно не уважить
Эту маленькую просьбу?
А? Небо?

СОН

Трава у берега реки желта и зелена,
Камыш танцует на ветру, и катится волна.
И тянет вдаль меня вода упрямо за собой.
И манит щедрая тропа: «Усни в траве густой».

Смотри!
Весь купол голубой
Склонился над тобой.
Летят неслышно облака,
И стала плоть моя легка,
И я лечу...

НА ПОЧТУ

Ветер сказочный в эти дни,
Удивительные огни.
В ящик рвется почти само
Запечатанное письмо.

Ветер сказочный в эти дни,
Удивительные огни.
Мне милее всего на свете
Иероглифы на конверте.

МОРЕ У ВЛАДИВОСТОКА

Зеленая яшма до самого дна,
Жемчужная пыль, белоснежная пена;
Вчера ни одна не плескалась волна,
А нынче куда подевалась степенность?

Далекие горы. Багровый закат.
Я в сердце волны устремляюсь на лодке;
Вздыматься я рад, опускаться я рад
По прихоти моря послушно и кротко.

Ноябрь 1927 г., Владивосток

В МОСКВЕ

Ветер крепок,
Снег глубок,
Сильный ветер валит с ног.
Мы идем — в руке рука,—
И дорога нам легка.

Ветер щеки жжет
И лоб,
За сугробом встал сугроб.
Мы идем — к плечу плечо,—
Нам легко и горячо!

Март 1928 г., Москва

Пань Мо-хуа
(1902—1934)

Пань Мо-хуа родился в 1902 г. в провинции Чжэцзян в семье, где всем верховодил дед — старый потомственный ученый-сюцай. Тринадцатилетним мальчиком Пань Мо-хуа окончил начальную школу, затем учился в Ханчжоу и там же начал писать стихи. В 1924 г. он поступил в Пекинский университет, но уже в 1926 г. отправился в крупный промышленный центр — г. Ухань, где включился в активную революционную работу.

В 1927 г. Пань Мо-хуа снова в Ханчжоу. Здесь он вступил в КПК. Партия направила его на работу в деревню. В 1928 г. молодой революционер становится одним из руководителей крестьянского восстания. С 1930 по 1933 г. он занимается преподавательской деятельностью в школах провинций Хэнань и Хэбэй и одновременно ведет нелегальную партийную работу.

В декабре 1933 г. Пань Мо-хуа, в ту пору работник комитета КПК г. Тяньцзинь, был арестован гоминьдановскими реакционерами. Целый год издевательств, пыток, угроз не сломили боевого духа Пань Мо-хуа. В декабре 1934 г. он объявляет голодовку и умирает, как герой.

Пань Мо-хуа оставил после себя небольшое, но драгоценное поэтическое наследие. Первые его стихотворения датированы 1920 г. Живя и учась в Ханчжоу, он сотрудничал вначале в литературной группе «Утренние лучи», а затем в обществе «На берегу озера Сиху» и совместно с поэтами Ин Сю-жэнем, Ван Цзин-чжи, Фэн Сюэ-фэном выпустил в свет две книги стихов — «На берегу озера Сиху» и «Песни весны». Рассказы Пань Мо-хуа в разное время печатались в «Ежемесячнике рассказов» и других журналах. Пань Мо-хуа был членом Лиги левых писателей Китая.

Среди стихов Пань Мо-хуа есть образцы любовной и гражданской лирики. Но тема социальная, тема борьбы за новую, справедливую жизнь всегда доминировала в его творчестве.

Одной из важнейших тем в поэзии Пань Мо-хуа была тема «отцов и детей», тема избавления от старого уклада жизни, конфуцианского домостроя («Покидаю дом» и др.).

ТРАВКА

Травка, ты, пожалуйста, прости:
Помешал каблук тебе расти.
Лишь на миг пришла к тебе беда...
Я людьми растоптан навсегда!

2 ноября 1921 г.

В ПОЛЕ

Ароматом риса вся напоена,
Легкими шагами в поле шла она.

Мне цветок вручила, нежный, полевой,—
Молчалив и мрачен, был я сам не свой.

А теперь мне больно, от стыда горю,
Потому что лишь сегодня вас благодарю.

Человек уходит, сразу рвется нить...
Некого сегодня мне благодарить!

5 января 1922 г., Ханчжоу

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Я внезапно в глупой маске
Перед матерью предстану:
Я под маской скрою слезы,
Рассмеется мать невольно.

15 января 1922 г.

ПОКИДАЮ ДОМ

Износились рукава рубахи,
Мать сидит и шьет, за сына в страхе.
Страшно было ей и больно было,
И в рукав она печаль зашила.
«Встрепанные волосы у брата,—
Говорит сестра,— неаккуратно!»
И печаль свою она тайком
Мне вручила вместе с гребешком.
Вышли мы вдвоем со старшим братом,
Солнце, покраснев, ушло к закату,
Протянул мне руку старший брат,
Он помочь в дороге был мне рад.
И печаль в его ладони билась,
И в мою ладонь переместилась.

Но теперь — теперь иное дело!
Сотни *ли* душа преодолела.
Облака, зеленая трава!
И печаль ушла из рукава,
И печаль ушла из гребешка,
И ладонь спокойна и крепка.
Мать, сестра и брат сплели вначале
Сеть великой боли и печали;
Для меня они ее сплели,
Но опутать ею не смогли!

10 марта 1922 г., Ханчжоу

РАЗГОВОР С КРАСАВИЦЕЙ

— Разорвало Небо платье облаков.—
Но красавицы веселой был ответ толков:
— Насучит Ткачиха * заревую нить
И сумеет платье починить!

— У звезды обрушился краешек в ночи.
Как тут быть, красавица, научи!
— Вот взлетят из чащи бродячие огни,
Звезду отремонтируют они!

— Ну а вдруг порвется сеть моя,
А в ней
Все мечты заветные и ночей, и дней?
Вдруг она порвется, в ней мои мечты,—
Чем чинить, красавица,
Может, знаешь ты?

1922—1923 гг.

---

* Небесная ткачиха — традиционный образ китайского фольклора.

Цюй Цю-бо
(1899—1935)

Критик-коммунист, один из основателей Коммунистической партии Китая, Цюй Цю-бо был также поэтом и переводчиком. Он оставил сравнительно немного поэтических произведений и стихотворных переводов, но все, что было им сделано, отмечено вдохновением и высоким мастерством.

Стихотворения и прозаические зарисовки Цюй Цю-бо периода движения «4 мая» были первыми образцами новой революционной китайской литературы. Они звали на штурм старого мира.

В прозе Цюй Цю-бо «Туча», «Перед бурей», в стихотворении «К свету» идея революционного обновления мира выражена страстно и ярко. Поэт спорит с собеседником: «Вы говорите: солнце — огромное преувеличение, а я замечу: солнце — не слишком яркий фонарик!» Собеседнику солнце кажется ослепительно огромным, поэту — холодным и тусклым; одного страшит огненный шар, другой смело бросает ему вызов, потому что верит в грядущее солнце над свободной землей.

Цюй Цю-бо был одним из тех писателей, кто нес правду о первом социалистическом государстве рабочих и крестьян. Живя в Москве (он был корреспондентом пекинской газеты), Цюй Цю-бо писал свои «Сокровенные мысли о Красной столице» (1921—1923), славил Октябрьскую революцию, призывал к вечной дружбе между народами России и Китая.

Вместе с Лу Синем он пропагандировал в Китае советскую литературу. Высоко ценил революционную поэзию Маяковского, с восторгом говорил о «Разгроме» Фадеева, называя этот роман произведением, омытым кровью горячего сердца. Статью, посвященную «Разгрому», Цюй Цю-бо завершает своими стихами, в которых, вспоминая боевой отряд Левинсона, призывает китайский народ на борьбу против японских агрессоров:

Смотрите все на эту часть земли,—
Мы недругу удары нанесли,
И Левинсона флаг, горя во мгле,
Несет «Разгром» по всей моей земле.

Цюй Цю-бо был талантливым переводчиком русской и советской литературы. Он переводил Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. М. Горького. Его перу принадлежат переводы А. С. Пушкина («Цыганы»), философских стихотворений Ф. И. Тютчева, М. Ю. Лермонтова («Ангел» и «И скучно и грустно»), стихотворений С. Герасимова и Д. Бедного.

18 июня 1935 г. Цюй Цю-бо был расстрелян гоминьдановскими реакционерами.

МОЕЙ МАТЕРИ

Кто обеднел —
Тот не родня, чужой!

Не тронешь черствых
Горькою слезой.

Чужое горе
Кажется далеким...

Склонился сын
Над гробом одиноким.

СТИХИ О БЕЛОЙ ХРИЗАНТЕМЕ

Нефритовые вазы
Для цветов

Готовят
До прихода холодов.

Но краски осени
Еще бледны пока,

И не коснулся иней
Лепестка.

ГОЛОС СЕРДЦА

Стон... стон...
«Проваливай! Вон!»
Полицейская сабля зла и груба,
И снова слышится стон раба:
«Господин... подайте... голодному...
Ой!»
«Стой!
Генерал-губернатор!
Не видишь?»
Пинки.
И огненный след пятерни отпечатан
На грязной коже щоки
Новогодней узорной парчой.
По мостовой,
Срезая углы, тучи вздымая пыли,
Генерал-губернатор
Мчится в автомобиле.
Белесый клубится дым,
Зловоние душит людей.
Вдоль улиц гляди и дальше гляди,
Дальше — за грань площадей...
Черные тени видны...
Сумрачный лик
Ухмыляющейся луны.

КРАСНЫЙ ПРИБОЙ

Бурлит и рокочет красный прибой,
Хлынуло солнце из-за облаков,
Оно, пробудив, увлекло за собой
Тех, кто спал пятьдесят веков.

Четыреста миллионов ртов,
Как клятву и как салют,
Повторяют несколько слов:
«Славься, священный труд!»

Вперед, в наступленье! Только вперед!
Империализма гибель грядет!

Колониям — жизнь, а не грани штыков,
С тел их сорвем железо оков.
Смелее! Не будет белых рабов,
Черных рабов, желтых рабов!

Добрым вестям отныне и впредь
Над нашей планетой вечно лететь.

Землю, томящуюся в ночи,
Коммунизм переделает заново.
Смотрите!
Хлынули лучи
В десять тысяч чжанов *.

1923 г.

МОРЕ

Человеческий век,
Ты вместилище гордой мечты,—

Ты бескрайнее море,
Ты вселенной простор голубой.

Приближается ночь,
И рокочет и ропщет волна,

И в невиданном гневе
Бьет о берег высокий прибой.

Голос неба везде.
Но о чем наставленья его?

На песчаной косе
Вновь трепещет волшебная лодка.

Утихает прибой,
Исчезает безумье волны —

* Чжан — мера длины, равная 3,2 м.

В беспредельность пучины
Она опускается кротко.

А вдали горизонт
Зажигает звезду за звездой,—

Им с высоких небес
Тайна моря, быть может, видна.

Бродят волны кругом,
То поднимутся к свету звезды,

То уйдут в глубину,
У которой ни края, ни дна.

10 марта

ОСЕНЬ

В лесу меж деревьев
Западный ветер бродит,

Поднимает опавшие листья,
И они, как прибой, звучат.

Луна, одиноко-печальна,
Слушает эту странность,

Душа ее в тихих звуках,
Душа ее в бледных лучах.

Почти невесомые тучи
Ее закрывают собою,

Напрасны, напрасны старанья
Маленьких этих туч.

Сокрытые где-то силы
Сопротивленья и воли

Высвобождают вскоре
В тысячи чжанов
луч!

Он пробивается снова,
Снова сияет ярко,

В нем сокровенная тайна —
Мира ночного огни.

Пусть эти черные тучи
Плывут по осеннему небу —

Я хохочу над тщетою
Жалкой, смешной возни!

12 марта

ЛУНА

Софье Толстой

Опускается в синее море
Луна,

Бесконечна, бездонна
Его глубина,

Простираются тени
На тысячи *ли*.

Так и жизнь —
Беспредельности жаждет она.

10 апреля

СНЕГА РОССИИ

О необъятная страна,
Необозримая страна,

И для тебя нашлась одежда,—
Никем не сшитая она;

Как бы безбрежный дивный сон
Вдруг успокоенной земли —

Вокруг на десять тысяч *ли*
Невиданная белизна.

Снега России, русские снега,
По ним шагали полчища врага —

Наполеон пришел в снега России,
Но победили люди и снега.

Какая тишь, какая в мире тишь!
Какая безмятежная краса,

Как-будто весь под снегом материк,
И дремлет мир, и тишина строга.

Здесь неуместно щебетанье птиц,
Оно вдали, пока оно вдали.

И недвижимы, скованы зимой,
Стоят леса, их вьюги замели.

Смотри! Смотри!
Природы торжество!

Морозное дыхание
Земли.

13 февраля

Цзян Гуан-цы

(1901—1931)

Цзян Гуан-цы был одним из первых революционных поэтов и писателей Китая. В стихах и прозе он воспел боевые будни рабочего класса, показал рост самосознания китайской интеллигенции в переломную для страны эпоху. Цзян Гуан-цы был прозаиком и поэтом, теоретиком литературы, переводчиком, редактором журналов.

Он называл себя «молодым поэтом Востока», «певцом революции». Первую книгу стихов «Новые мечты» (1925), написанную в Москве, где поэт учился четыре года, он посвятил «революционной молодежи Востока». Большинство стихотворений сборника пронизано мыслями о Ленине, об Октябре, о значении русской революции для судеб человечества. «Русский поэт Блок,— писал Цзян Гуан-цы в предисловии,— говорил: „всем телом, всем сердцем, всем сознанием слушайте революцию". Я говорю: „всем телом, всем сердцем, всем сознанием пойте революцию"». Цзян Гуан-цы призывал китайский народ идти по пути русских до победы социалистической революции.

Центральным мотивом второго сборника Цзян Гуан-цы, «Скорблю о Китае» (1925), было возмущение зверствами империалистов, гнев и скорбь патриота, чью землю топчут иноземные захватчики и терзают китайские милитаристы.

Последний прижизненный сборник Цзян Гуан-цы — «Строки о Родине» (1930) — состоял из пяти небольших поэм-размышлений о месте поэта в общем строю бойцов. Поэт поверяет матери, другу, любимой свои сокровенные мысли.

Все, чем владею, отдаю тебе в дар,
Мою душу и песни,
Красоту моей Музы,
Родина!

Книги Цзян Гуан-цы не были свободны от недостатков. Его стихам и рассказам часто не хватало конкретности, знания материала, глубины постижения действительности.

В своих теоретических работах Цзян Гуан-цы писал о судьбах культуры после победы социализма, о путях ее развития. Обращение к мировому культурному наследию было закономерным следствием эстетических взглядов Цзян Гуан-цы. Байрон и Гейне, Блок и Маяковский были необходимы литератору-революционеру, утверждавшему общественную миссию литературы.

Не всегда были верны взгляды поэта; упрощенное понимание ряда сложных процессов развития литературы, излишняя прямолинейность суждений снижали ценность его работ. Но в пору становления марксистской эстетики в Китае, в годы, когда революционная пролетарская поэзия делала свои первые шаги, активная теоретическая деятельность Цзян Гуан-цы, несомненно, сыграла положительную роль. Жизнь Цзян Гуан-цы может служить образцом твердости и верности избранному пути.

СТИХИ О МОСКВЕ

Московский снег белизны небывалой,
Знамена московские ярко-алы,
Они как рассветные чистые зори.
Снежные хлопья
В хрустальный дворец превратили столицу.
Рассветные зори!
Мне почему-то не спится,
Брожу по дворцу бесконечно,
Не считая часов.
Мне хочется петь —
И мне подпевает
Тысяча голосов.
Воспоминанья встают предо мной
О жизни иной.
Что в них таится?
Ненависть? Плач?
Улыбка, тронувшая уста,
Или тоска по родным местам,
Которых забыть нельзя?
Нет, друзья!
Мною оставлено прошлое,
Его не вернуть —
Оно брошено
Навеки в пещерную мглу
И там пропало во мгле,
Для того чтобы мне, тебе и ему
Жить на земле!
Нескончаема жизни река,
Течет она годы, течет века,
И на гребне клокочущей пенной волны

Мечты человечества
О радостных днях весны.
Но вдруг бы река перестала нестись вперед,
Вдруг бы она прекратила
Стремительный свой полет,—
Стали бы тленом,
Скрылись бы в черной пыли
Надежды людей земли.
Друзья!
Не верьте хитросплетениям лживых басен,
История
тоже
Не вечно бывает темна;
Как снежные хлопья,
Может быть мир прекрасен,
Чистый, как снежные хлопья,
И радостный, как весна.
В хрустальный дворец
Я вошел, как идут в сновиденья,—
Великую новость, правдивей которой нету,
Взволнованный и потрясенный,
Узнал в этот день я:
Человечество вышло
На улицу чистого света.
Друзья!
Не оглядывайтесь на черные тени прошедших дней,—
Эти тени меня позорят,
Я сегодня стоял
На краю облаков
В огне
И глядел на рассветные зори.
Хорошо!
Впервые земля накинула красный халат,
Октябрь, словно пушка невиданного калибра,
Прогрохотал,—
И в паническом страхе дрожат
Злобные волки и разъяренные тигры!
Октябрь, словно огненный смерч,
Испепелил навечно
Все, что жестоко и бесчеловечно.
Октябрем озаренный,
Вижу грядущего день я,

Прими, Революция, в дар
Мое сердце, утратившее покой,
Октябрьская революция,
В день твоего рожденья
Воспрянул род людской!

ПУТЬ, КОТОРОМУ НЕТ КОНЦА

Цао Цзин-хуа * *купил фотографию Л. Толстого. На ней писатель был изображен с котомкой за плечами. Опираясь на палку, этот человек уже на склоне лет устремился по дороге, которой не видно конца. И называлась эта фотография «Бесконечный путь»...*

Шаги, шаги и вновь шаги,
Шаги, шаги и вновь шаги,
Оставлен долгий-долгий след,
Конца пути все нет и нет.

Он шаг прошел, взглянул назад,
Всю жизнь вместил усталый взгляд;
Он шаг прошел, взглянул вперед,
Но как узнать, что дальше ждет?

О беспредельный долгий путь!
Я прежде думал отдохнуть,
Но жизнь влечет меня вперед,
Остановиться не дает.

За шагом шаг, смелей, смелей!
А впереди — простор морей...
Я прежде думал отдохнуть,
Но жизнь приказывает:
«В путь!»

---

* Цао Цзин-хуа — переводчик и популяризатор русской классической и советской литературы.

ПУХ ОТ ИВЫ

Вспоминаю детства миг счастливый:
Пух от ивы,
Пух от ивы,
Пух от ивы...
Мы, смеясь, в воде его купали,
Но пушинки нам не уступали,
Все летали,
Все летали,
Все летали,
Их ловили мы и хохотали...

Хорошо, что сердце сохранило
Живость и тепло картины милой.
Где найти божественное средство,
Чтоб вернуть утраченное детство?
Я когда-то, видя пух от ивы,
На лету сбивал его, счастливый,
И не думал, глупый, и не ведал,
Что особой он отмечен метой.
А теперь гляжу я молчаливо
На летящий
Легкий пух от ивы,
И дрожат души тихонько струны,
И легко становится, и трудно.

МОЯ ДУША

Я в мире много исходил дорог
И много съел плодов во времена скитаний;
Откуда мог я знать, что их медвяный сок
Когда-нибудь моей душою станет?

Я перевидел многое вокруг,
Я слышал громкий смех и горькие рыданья;
Откуда мог я знать, что каждый этот звук
Когда-нибудь моей душою станет?

Ты соками плодов напоена,
Смех вобрала и плач людей, идущих мимо;
И потому, душа, ты преданно нежна
И глубина твоя неизмерима.

Звучит твоя задорная строка,
Когда грохочет гром и дождь шумит бессонный;
Твои я слышу горестные стоны,
Когда вдали плывут лениво облака.

Мне чудится: вселенная поет,
Она коснулась струн одной огромной лютни;
Моя душа спешит туда, где людно,—
Гармония души и лютни настает!

Мне чудится: души со мною нет,
Она слилась с душой всего людского рода;
Я слышу песню — стон из уст народа,
А может, то душа оставила свой след?

Я слышу плач измученных людей,—
Моя душа дрожит, дрожит от острой боли.
Я пролил много слез не оттого ли,
Что плакала она, что было больно ей?

Я слышу смех людей дурных и злых,—
Моя душа горит и жаждет лучшей доли.
Я ненавижу их не оттого ли,
Что гневная душа так ненавидит их?

Моя душа стремится в прошлый век,
К певцу, чей гений миру был подарен;
О, сколько гордых чувств в твоей строке, певец,
Властитель дум, отважный рыцарь Байрон!
Поэта светлой памяти верны
Вольнолюбивой Греции сыны.

Моя душа стремится в прошлый век,
Когда стучало жарко сердце Гейне;
Как много пролил слез поэт и человек,
Мечтая о счастливом поколенье.
Мне жаль, что он, таким огнем горя,
Окрашен не был цветом Октября!

1923 г.

Я ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ В ШАНХАЙ

Я хочу вернуться, вернуться навсегда,
Я не мог забыть гордый край.
Долгие шесть месяцев, как долгие года,
Как ты изменился, Шанхай!
Я хочу вернуться и тебя обнять,
И увидеть все, и понять.

Говорят, кровавые следы на Нанкин-род,
Стреляет-забавляется английский солдат.
Я хочу вернуться скорей на Нанкин-род,—
Там еще винтовки гремят?
Есть ли неубитые в городе моем?
Кровь рабочих смыта ли ветром и дождем?

Брошены товарищи в тюремный ад,
Многие шанхайцы в водах реки.
Я хочу скорей возвратиться назад:
Может быть, там ранены старики?
На вкус какие пули, что враг не берег?
И есть ли там хоть пара неперебитых ног?

Я хочу шагать по знакомым мостовым,
Я узнаю город без слов.
Ходит ли треххвостка сегодня по живым?
Может быть, щадит мертвецов?
Висит ли объявление, как поднятый кулак:
«В сады и парки не пускать китайцев и собак!»

Я хочу ступить на знакомую тропу,
Я хочу увидеть наяву,
Стала ли пунцовой вода Хуанпу
И куда военные суда плывут,
Сколько в Усункоу военных судов,
Хочу я сосчитать в конце концов!

Я хочу скорее вернуться назад,
И меня обступит тишина
У могил, где павшие герои лежат,
Где земля, наверно, влажна...
Я к живому сердцу притронусь рукой:
Неужели в сердце покой?

Заказ 1817

Я хочу вернуться, вернуться навсегда,
Я не мог забыть гордый край.
Долгие шесть месяцев, как долгие года,
Как ты изменился, Шанхай!
Я хочу вернуться, и тебя обнять,
И увидеть все, и понять.

1925 г.

ТРЕХСТИШИЯ

* * *

Мы говорим о храбрости в борьбе.
Я одержал победу над собой.
Вне всякого сомненья, я герой.

* * *

Когда бы бог реальным был вполне,
Ему бы все равно не покорился.
Что кроме горя мог бы дать он мне?

* * *

Когда я думаю о горе всех людей,
Я о моем уже не помню горе,
Но и мое становится сильней.

* * *

Мрак иногда гнетет меня,
Но я в его могущество не верю,
Я чую близость солнечного дня.

ДУМАЮ О БАЙРОНЕ

(К столетию со дня смерти)

Гений бывает мудрым обычно,
У него обостренное зрение.
Но почему же судьба трагична
Чаще всего у гения?
Иные скажут: гений глуп же!
Просто в притворстве умелее.
Тогда почему он чувствует глубже,
Чем его современники?
В мире трагедий, в мире черном
Мрак становится гуще.
Люди, безмолвно покорны,
Кланяются могуществу...

Душно и затхло. Грязно и лживо.
Могущество зло-беззаботно.
Слышишь?
Поэта звучат призывы:
Свобода! Свобода! Свобода!

Байрон! Ты с тьмою сражался гневно:
Она была почти осязаема.
Тебя проклинало Небо
И этой жизни хозяева!
Ты был несчастен, был оклеветан,
Певец свободы и враг жестокости...
Судьба ли это?
Дар ли это?
Признак общественной тонкости?

В мечте я у берега Греции,
Я слышу поэта речи;
Голос его зовущий
В плеске волны бегущей,
В криках летящих чаек
Голос его различаю,
В шуме морского ветра
Слышатся вздохи поэта.

Греция, древняя Греция,
Как он любил твое сердце!
А я из страны, где согнуты плечи,
Душа в ушибах, душа рыдает,
Столетье назад ты скорбел о Греции,
Теперь я скорблю о Китае!

Мы путь свой избрали честно и твердо,
Судьбой с угнетенными слиты;
Как ты достойно в палате лордов
Встал на защиту луддитов!
А я в столице красной живу
Рабочих и крестьян
И к революции зову
Пролетариат всех стран.
Навеки мы против вас, богатеи,
Пираты с жестокостью крысы!
Мы разгоняем черные тени,
Мы Небу бросаем вызов!

Ты в девятнадцатом не был барином.
Я сын двадцатого века.
Я не могу забыть Байрона,
Поэта и человека.

Инь Фу
(1909—1931)

В ночь на 8 февраля 1931 г. в Шанхае по приказу гоминьдановских властей были злодейски убиты двадцать три молодых революционера, в числе которых было пять литераторов: Жоу Ши, Ху Е-пинь, Ли Вэй-сэнь, Фэн Кэн, Инь Фу. «Тайное убийство наших товарищей,— писал Лу Синь,— большая потеря для пролетарской литературы, великое горе для нас».

Выходец из обеспеченной семьи, Инь Фу порвал со своим классом, отказался от родных братьев, занимавших видные посты в гоминьдановском Китае, и отдал себя революции. Восемнадцатилетним юношей он уже испытал издевательства и пытки в застенках тайной полиции, а в двадцать два года, арестованный в четвертый раз, больше не вернулся домой.

Напряженную политическую работу неутомимый юноша сочетал с трудом поэта. За свою короткую жизнь он написал много стихотворений, рассказов, статей, но сохранилась лишь небольшая часть его наследия. Нервной, темпераментной поэзии Инь Фу были одинаково свойственны бурные взлеты уверенности и оптимизма и взрывы отчаяния, неожиданно поражавшие его.

Стихи Инь Фу — лирическое свидетельство времени, стихотворный репортаж трудных дней. Поэт владел пером публициста и лирика. Он писал стихи-призывы, стихи-лозунги, не всегда художественно совершенные, но непременно политически острые и злободневные. Его любовные стихи были то восторженны, то мрачны: Инь Фу не знал средних чувств и мягких тонов. Жизнь научила его ценить дружеское слово, добрую улыбку, крепкое рукопожатие. В политических статьях Инь Фу требовал раскрепощения женщины, в поэзии он воспевал любовь к ней.

Любовь шла с Инь Фу рядом, плечом к плечу, но в руках он держал не лиру и не лютню — красное знамя революции. Таков

был этот человек, нежный, порывистый, слабый и непоколебимый. Всем известным ему поэтам он предпочитал Шандора Петефи и переводил его стихи на китайский язык. Уже после гибели Инь Фу его наставник и первый редактор Лу Синь обнаружил на полях «Сборника стихотворений» Петефи, который в свое время он давал читать Инь Фу, китайский перевод «Девиза»:

Любовь ценою смерти я
Добыть готов.
За вольность жертвую
Тобой, любовь!

Инь Фу не допел свою песню, слишком рано ушел он из жизни, но о нем, как писал в 1933 г. Лу Синь, вспомнили и заговорили.

БУДЬ СЧАСТЛИВ

Полевой цветок Хэчжуна ранний
Источает в мир благоуханье.
Он один качается на стебле,
Он один — кругом немые степи.
Кто сравнится с ним в благоуханье?

Голая земля, земля сухая
Пролегла от края и до края.
На ветвях ни листьев нет, ни почек,
И родник веселый не хлопочет,
Корешки цветка водой питая.

Будь же счастлив на земле голодной,
Наш цветок, отважный, благородный!
Ты в безмолвье жизни не вздыхаешь,
Ты не плачешь, ты благоухаешь,
Ты гордишься красотой природной.

Огоньки далеких звезд погасли.
Смелая душа одна в ненастье.
Пусть жестоки ледяные ветры,
Пусть мертва земля на километры,
Но придет на эту землю счастье.

Счастлив будь, цветок Хэчжуна ранний,
Миру ты несешь благоуханье!
Ты один качаешься на стебле,
Ты один — кругом немые степи,
Ты один в своем благоуханье.

1928 г.

ЦВЕТОЧНАЯ ВАЗА

У меня есть ваза — товарищ и спутник
Моих невеселых дней.
Когда я в пути колеблюсь и путаюсь,
Я обращаюсь к ней.

Ее не назовешь уникальной вещью,
Джон Китс не восторгался бы вазой такой,
Изяществом формы она не блещет,
Чтоб ее воспевать стихотворной строкой.

Но осанкой ее горделивой
Мое сердце восхищено.
(О мерзкие лица с улыбкою льстивой,
Такое вам не дано!)

Она стоит, возвышаясь на столике,
Точно казак, она духом сильна.
Посмотришь на вазу — во всем ее облике
Верность и дружба видна.

Не розу, не лотос,— мы с вазою скромные,—
Мы любим иную красу.
Цветов полевых охапку огромную
Я вазе преподнесу.

Цветы полевые... Их топчут и мучают!
Но вижу сегодня я:
На рыцарских шлемах сиянье могучее —
Желанной свободы явь.

1928 г.

КОГДА Я ОЧНУЛСЯ ОТ ГРЕЗ

Лучи улыбались, когда я очнулся от грез.
Прекрасное имя твое кто-то в лесу произнес,
И птицы его повторяли.
Пугливая радость нежданно явилась спеша,
Расправила крылья поэзии щедрой душа
И полетела за дали.

Стихи, точно радуга, славят простор голубой,
Громаду вселенной заполнили сразу собой,
А все потому, что живешь ты!
Поэта перо — вселенную славит оно.
И белые розы — им бурно цвести суждено,
А все потому, что живешь ты!

Хребты Куэньлуня не рушились из-за тебя,
И Тихий затих океан тоже из-за тебя,
И волны смиренно журчали...
Когда я очнулся от грез,
Прекрасное имя твое кто-то в лесу произнес,
И птицы его повторяли...

1928 г.

ВОСПОМИНАНИЯ

Ты подобна нежной орхидее в тростнике.
Кожа белоснежна,
Как цветов небесных лепестки.
Тонкий аромат
Рождает в сердце дрожь...
Небо!
Свет умерший снова не вернешь!
Мы вдвоем сидели под березой,
Тусклый свет луны заходящей,
Точно грезы.

Милая моя, когда любовь чиста,
Не умрет она, ее хранят уста.
Верность нелегко по ветру разнести.
Где ты? Где ты? Как тебя найти?
На краю земли, у неба края?
А любовь? Любовь не умирает.
Жажду я дождаться новой встречи,
И воскреснут прерванные речи,
И мечтанья
О горе Жемчужной —
О Чжушане.

1928 г.

ПРИЗРАЧНЫЕ МЕЧТЫ

Смотрю и смотрю на луну, ветру подставив лицо,
Ее серебряный блеск холоден и одинок.
Снова исчез вдали яшмовый заяц луны *,
Рассеялся аромат золотого дерева гуй **,
По чистому небу плывут вечные грезы мои.

Хочу быть легким, как дым, и полететь далеко,
Или, как ряски листок, озером плыть и плыть.
Пускай зачахнет весна, осень пускай умрет;
Рай, чистилище, ад — все для души приют,
Только бы не вспоминать, только бы все забыть.

Гордой мечты полет...
Сердце пронзив мое,
Его исколола ты злыми шипами слов
И разожгла огонь, страшный огонь в душе...
Смотри, этот блеск луны, как лед, как снег, как слеза...

1929 г.

МАМЕ

Не обвивай мою шею так крепко: задушишь,
Ты и впрямь меня разволнуешь, мама.
Я очень слаб, мне не поднять головы с подушек.
Но пусть я умру, все равно буду звать упрямо.

Знаешь ли ты, как бьется сердце и кровь набухает в вене?
Знаешь ли ты, как орут и мечутся мысли?
Слушай, мама, призывы к освобождению,
Меня не сломить, душу не запереть, не выселить.

Слышишь, мама, свист, жужжанье?
Это летят пули-слова, врагам отвечая,
Твои слова и мои слова — всех бедняков, которых цепями
сжали;
Тысячелетний гнев вырвался из молчанья!

* Яшмовый заяц — по преданию, живет на луне.

** Дерево гуй — коричное дерево, по преданию, растет на луне.

Вперед, братья, каторжного труда ветераны,
Не бойтесь крови, пусть льется: знамена алее станут.
Мы — мира творцы, мы уничтожим тиранов,
Сегодня, сегодня трудящиеся восстанут!

Мама, сделай так, чтобы стал я здоровым и ловким,
Почему моей жизни так коротка дорога?
Сделай так, чтоб лепестки моих разрушенных легких
В мире свободы еще подышали немного.

Не хочу задыхаться в неволе смрадной,
Мы завоюем свободу своими руками.
Вижу величья начало, и это несет мне радость.
Пусть я умру, но умру я
Уже не в тюремной камере!

ПУСТЬ МЕРТВЫЕ СПОКОЙНО СПЯТ

Пускай они спокойно спят,
Неизмерима боль утрат,
Но кровь бойцов недаром пролита.
Казалось, улыбались их уста,
Казалось, уходя на смертный бой,
Они живым кивнули головой.
В глухих селеньях кровь моих бойцов,
На площадях восставших городов.
Они ушли, их слава громче гроз.
Не надо слез... Они не знали слез...
Враги прицелились, в стволах таится смерть,—
Не сметь сдаваться! Никогда не сметь!
Пускай они спокойно спят.
Неизмерима боль утрат,
Но кровь бойцов недаром пролита.
Отбросим скорбь! Вперед, на их места!
Они отечеству все отдали сполна.
Нам эстафета жизни вручена.

Шао Сюнь-мэй

(род. в 1903 г.)

В 1936 г. Шао Сюнь-мэй опубликовал сборник «Двадцать пять стихотворений». Это было все, что он написал за десять лет. «В количественном отношении — зрелище жалкое!» — заявил в предисловии автор. Он утверждал, что стихи на разговорном языке начал писать еще до знакомства с творчеством предшественников, пионеров новой поэзии. Шао Сюнь-мэй говорит о двух причинах вдруг возникшей у него потребности писать новые стихи: «...с одной стороны, пользуясь старыми формами, я не мог переводить иностранных поэтов; с другой стороны, к поэзии на байхуа меня привела старая проза на разговорном языке, которую я постоянно читал». Шао Сюнь-мэй преувеличивал свою роль в создании новой поэзии, но отрицать относительную самостоятельность начала его творческого пути было бы несправедливо. «Незнакомство с поэзией других,— не без остроумия замечает Шао Сюнь-мэй,— спасло меня от дурных влияний». И тут же признается в своей приверженности к западной поэзии.

Шао Сюнь-мэй родился в состоятельной семье, получил образование в Англии. Подобно другим поэтам «Новолуния», он стремился освободить поэзию от «моралистического рабства традиционной китайской поэзии, пытаясь писать о чувственно-прекрасном». Он был прав, когда говорил о своеобразии ритмов каждой эпохи и о задаче поэзии каждой эпохи выразить эти новые ритмы. Но его произведения пропитаны эстетским пренебрежением к передовой мысли, действию; для него существует только реальность чувств, и только им он воздает хвалу. На стихах Шао Сюнь-мэя лежит печать чувственной восторженности, иногда — эротики (стихотворение «Змея» и др.). Последнее, быть может, шло от Сапфо, оказавшей весьма значительное влияние на его творчество. Отправляясь учиться в

Европу, Шао Сюнь-мэй посетил Италию, где впервые познакомился со стихами древнегреческой поэтессы в английских переводах. «Впоследствии,— писал Шао Сюнь-мэй,— я немало у нее позаимствовал». Увлекался он и Суинбёрном, пытаясь подражать его ярким образам и щедрым ритмам. Но больше всего китайского поэта привлекали в стихах Суинбёрна декадентские мотивы.

Среди произведений Шао Сюнь-мэя есть немало запоминающихся строк, свежих образов, но в целом его творчество — красноречивое доказательство бесперспективности поэзии, которая в бурном, изменяющемся мире пытается стать гипнотическим островком утешения для тех, кто стремится уйти от сложностей жизни, не чувствуя в себе ни потребности, ни желания принять деятельное участие в ее переустройстве.

В ДАР ПОЭТУ

Пройдет сто лет — и будет жить поэт,
На нас с тобой нисколько не похожий,
С горячим телом и упругой кожей,
Равно приемля сумерки и свет.

Он ни меня не вспомнит, ни тебя
И не прочтет строки простой и мудрой;
В его глазах, увы, безумец я,
А ты — глупец с лицом, покрытым пудрой.

Но верю я, наступит день такой —
Средь роз он вдруг умолкнет виновато,
И возмутят стихи его покой,
Которые писали мы когда-то.

СУИНБЁРНУ

Мы братья Сапфо, мы в родстве меж собою,
Нас создали боги, великие боги.
Они сотворили закат и Венеру
И в душу вселили прекрасную веру.

Мы трое похожи, мы трое — поэты,
Мы ищем любви вековечной секреты,
Союз непорочный из крови и плоти,
Мы — горечь и сладость, мы вечно в полете.

Мы трое цветами взошли у вершины.
Не смейте сажать нас в горшки и кувшины!
Мы вышли из праха и кончим мы крахом,
И наши надежды рассыплются прахом.

ЗА КОГО ТЫ МЕНЯ ПРИНИМАЕШЬ?

Все твои слова несправедливы.
Я не хищник, жаждущий наживы,
Не герой, на смерть идущий смело,
Не искатель выгодного дела,
Не ученый с именем и званьем,
Я поэт по духу и призванью.

Я люблю жемчужин облик чистый,
Золото люблю за блеск лучистый,
Женщин — за поэзию и чувство.
О любви высокое искусство!
Все вокруг люблю я в Поднебесной,
Кроме жизни, мелочной и пресной.

Но порой со мной бывает чудо:
Забываю, кто я и откуда,
И пузырь, простой пузырь из мыла,
И котенок, ласковый и милый,
И в канаве юркий головастик
Сердце разрывают мне на части.

Можно ль при большом воображенье
Радуги увидеть отраженье
В мыльном пузыре?
А визг кошачий
В песенку весны переиначить?
Ничего не знаю я про это,
Спросим у правдивого поэта.

МЕРТВАЯ ЛЮТНЯ

Утомленная лютня очнулась с трудом,
Не желает она говорить о былом,
И красавице больше не шепчет она,
Где ученого юноши дом.

Не заметила лютня, как стала стара,
Пересохшее горло, игра не игра,
Только кашель и стоны, сипенье и хрип,
Видно, лютне умолкнуть пора.

Все ушло от нее, что она берегла,
Свой недуг она больше скрывать не могла,
Пощадите ее, не играйте на ней,
Эта лютня давно умерла.

ЖЕНЩИНА

Я славлю женщину, как танские поэты *,
Достойную любви и уваженья;
Умело музыкальными тонами
Скреплю слова и голоса движенье.

О женщина, тебе я доверяю,
В душе смятенье вызвала умело:
Не я виной, я это твердо знаю,
Что ты сегодня густо покраснела.

* Танские поэты — поэты эпохи Тан (618—907), периода расцвета китайской классической поэзии.

Чэнь Мэн-цзя
(род. в 1911 г.)

«Я наслаждаюсь горами и реками,— писал Чэнь Мэн-цзя в предисловии к своему третьему сборнику стихов,— наслаждаюсь дорогами среди могил, соснами под звездами и луной. Я стараюсь передать краски, изменения вещей и предметов в движении и покое».

Чэнь Мэн-цзя готовил себя для юриспруденции, но после завершения курса наук не возвращался к своей специальности. Глубокое влияние оказывал на молодого поэта его отец, протестантский священник из провинции Чжэцзян. Атмосфера религиозности царила в семье «доброго сына священника», как назвал себя Чэнь Мэн-цзя в программном стихотворении «Кто я такой», в пору увлечения богословием в Яньцзинском университете.

Чэнь Мэн-цзя не знал ни громких побед, ни жестоких разочарований. Мастер стиха, он следовал заветам своих учителей Вэнь И-до и Сюй Чжи-мо и создал немало блестящих по форме произведений. Его поэзия, тихая и сосредоточенная, напоминала, как писал поэт и критик Му Му-тянь, спокойное осеннее небо. Его образы и метафоры несли в себе привкус декаданса. «Я разбил свое сердце и вырвал оттуда песню; в красное, как кровь, вино стекает медленно яд цветов».

Христианское сострадание заставило поэта обратить свой взор на род человеческий, который, по словам Чэнь Мэн-цзя, перемалывается «жерновами судьбы, не смея произнести ни звука»; поэту является видение «бесчисленных пар грубых рук в дыму и копоти», видение толпы, отдающей свою кровь и примирившейся с тем, что «из нее делается для других вино».

Направляющей идеей поэзии Чэнь Мэн-цзя был фатализм. «Наша жизнь, наша смерть не в наших руках, и не стоит гордиться ни весной, ни улыбкой». Поэт скорбит на «собственных

похоронах»; человек ассоциируется у него с образами «плывущих облаков» или «одинокой звезды».

Все же перемены в мире не могли не коснуться творчества молодого поэта при всем его желании быть вне «земных страстей» и вне политики. Чэнь Мэн-цзя пытается понять происходящее. Он собственными глазами видит смерть и кровь; ему кажется, что в хаосе сражений брат убивает брата, ибо дьявол вселился в их души. Идеи гражданской, освободительной войны, войны против японских агрессоров были ему непонятны и чужды.

В стихах Чэнь Мэн-цзя постоянно встречается образ одинокого поэта, остро ощущающего величие бога и свое ничтожество. Му Му-тянь был прав, когда говорил, что Чэнь Мэн-цзя уже был лишен идеалов Сюй Чжи-мо. Мы бы только добавили: даже идеалов Сюй Чжи-мо.

«Я увидел воду, но не разглядел в ней рыб»,— писал Чэнь Мэн-цзя в одном из стихотворений.

После выхода в свет «Собрания стихов Мэн-цзя» (1936) — им предшествовали сборники «Стихи Мэн-цзя» (1931) и «Железный конь» (1934) — Чэнь Мэн-цзя умолк. В поэзии его не стало. Видимо, он сказал все, что хотел и мог.

ДИКИЙ ГУСЬ

Дикий гусь в полночной тишине
Вдаль летит, усталости не зная.
Он мою судьбу напомнил мне,
Надо мною с песней пролетая.

Пусть ее далеко унесло,—
И со мною так не раз бывало,—
Он поет, и легкое крыло
Разрывает ночи покрывало.

Я хотел бы диким гусем стать
И, забыв на веки цену слова,
Над землей летать, летать, летать,
Отрешившись от всего земного.

ГУАНЬИНЬ

Никогда не угасает на лице твоем улыбка лучезарная, богиня,
Милосердны и огромны золотистые глаза твои, богиня.

Протяни вперед ласкающие, души исцеляющие руки,
Дай надежду счастья добивающимся в муке.

Но уста твои безмолвствуют, безмолвствуют упрямо.
Пусть согреются небесные чертоги от людского фимиама.

Темной ночью свет струящийся в безбрежности не сгинет:
Сердце негасимое, сияющий светильник у богини.

ЗВЕЗДА

На меня ты смотришь с грустью тайной,
Словно хочешь что-то мне сказать.
Нет, пожалуй, лучше промолчать:
Вдруг внизу ослышатся случайно.

Дни, как кони быстрые, промчались,
Жизнь не доверяет словесам:
Ты пойми, коль сможешь, сам —
Слов красноречивее молчанье.

ЛЮТНЯ

Будто лютня поет у границы мечты,
Мы покорно за нею пойдем.
Показались следы от угасшей звезды
Тихой песней над Млечным Путем.

Раскрываю глаза и гляжу на закат.
Ветер осени, дум не тревожь!
В этой сумрачной песне согласно звучат
Слово истинной правды и ложь.

ПОУЧЕНИЯ ИИСУСА

Учил людей терпенью Иисус,
Учил нести покорно тяжкий груз,
Надеяться и тихо Света ждать:
Придет пора — наступит благодать.

Учил людей страданьям Иисус,
Учил нести покорно тяжкий груз
И верить, верить, верить до конца
В святое милосердие Творца.

КАВАЛЕРИЙСКИЙ СИГНАЛ

Кто на тропе во тьме безвестной
Сигналом возмущает свод небесный?
Копыта топчут трупы побежденных,
Стекает кровь с седла кавалериста.
Я услыхал сигнал и в страхе замер,
Впиваясь в мрак бессонными глазами.

О серая, о злая ночь агоний!
Столкнулись насмерть воины и кони.
Деяния героев закаленных!
На брата брат набросился, неистов!
Я в хаосе увидел облик зыбкий
С бесчеловечной дьявольской улыбкой.

ПО УЛИЦАМ ПРОВОЗЯТ ОРУДИЯ

Везли по дороге тринадцать орудий;
Тараща глаза на военную силу,
Испуганно-радостно думают люди:
«Орудий-то сколько, спаси и помилуй!»

Орудий немало, но больше намного
Людей неубитых брело по дороге.
И люди, которых еще не убили,
Тревожные мысли на сердце таили.

Солдат при орудии думает думу,
Солдат на орудие смотрит угрюмо:
«Беда!» Обстрелять приказали солдату
Родную деревню, где рос он когда-то.

Безглазый снаряд, устрашая, несется,
Он в доме солдата сейчас разорвется.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ СОЛДАТА

Быть может, он утонул в реке,
Быть может, умер на койке.
Теперь он лежит на пустом бугорке,
И некому его успокоить.

Быть может, тело его сгниет,
Быть может, его забудут,
Но когда-то он встал и шагнул вперед..
Ради вас, люди!

Фэн Чжи

(род. в 1905 г.)

Фэн Чжи — наш современник, поэт, переводчик, исследователь, педагог. Окончив Пекинский университет, Фэн Чжи отправляется для завершения образования в Германию, в Гейдельберг, где изучает литературу и философию. Долгие годы жизни он посвятил изучению немецкой литературы и классической поэзии Китая. Его перу принадлежат, в частности, переводы стихотворений Генриха Гейне и его «Путешествия на Гарц», сонетов Р. М. Рильке. Но прежде всего Фэн Чжи — поэт. «Песни вчерашнего дня» (1927), «Путешествие на Север и другое» (1929), «Сонеты» (1942), «Избранное» (1955) — таков далеко не полный перечень его поэтических книг.

В одном из стихотворений 20-х годов Фэн Чжи писал:

Пускай в твой мир войдет моя строка,
И ты узнаешь, как она горька.

Слова поэта об огромной, как небо, усталости, об одиночестве и скорби, о старой надежде, похороненной на холме «в густой тени сосны и кипариса», не были ни новы, ни оригинальны: это было признание потерявших под ногами почву китайских интеллигентов, которым было слишком неуютно и холодно за стенами их скромных жилищ. И все же Фэн Чжи отличался от многих своих современников: он не только скорбел, но и гневался, не только лил слезы, но и пытался подняться над обыденностью и заурядностью. Поэт-индивидуалист, он взял на себя непосильную задачу «заполнить красками и звуками» «пустую ночь». «Темно и мрачно»,— повторял он в конце каждого стихотворения большого цикла «Путешествие на Север...», а в одном из них, с ироническим названием «Pompeji» (название модного ресторана), Фэн Чжи разразился филиппикой против людей, чьи тела источают яд, а глаза горят огнем алчности, против дочери, проклинающей свою мать, старика, который

губит детей и внуков. Фэн Чжи задыхается в этом паноптикуме, где нет «ничего настоящего» — «бумажные цветы», «измазанные краской губы», где нет ни звезд, ни красоты, ни естественности. «Вулкан, извергайся скорее!» — восклицает поэт.

Везувий безмолвствует, кара не настигла злодея, и невыразимо трудно заполнить «красками и звуками» «пустую ночь».

После двух книг стихов Фэн Чжи надолго умолк, сосредоточившись на исследовательской и преподавательской работе как профессор немецкой литературы.

В 1941 г. под влиянием Гёте и Рильке, но отнюдь не порывая с традициями отечественной классики, Фэн Чжи создает книгу сонетов (27 сонетов), становясь таким образом (вместе с Чжу Сяном, Лян Цзун-даем, Бянь Чжи-линем) пионером этой пришедшей в Китай с Запада поэтической формы.

Сонеты Фэн Чжи посвящены прославлению великих людей (Ду Фу, Лу Синя, Гёте, Ван Гога, известного педагога Цай Юань-пэя), как это было принято на Западе, а также проблемам общефилософским и китайской реальности трудных лет войны. Они в высшей степени демократичны, освящены идеей гуманизма, о чем можно судить даже по тем немногим образцам, которые представлены в сборнике в русских переводах.

ТЯЖЕЛЫЙ ТРУД

Небесного Владыки повеленье!
Я должен сделать то, что люди не смогли:
Пустую ночь, какой она была до сотворенья
Мира,
Заполнить красками и звуками земли!
Как долог путь из древности до нынешнего века,
Тяжелый выпал труд на долю человека...
Неизмеримый труд взвалил Он на меня!

Небесного Владыки повеленье!
А я один, не защищен от бед.
Что делать? Не имею представленья.
А Он: «Ты должен, ты давал обет».
Но если я приду к нему с вопросом,
Он промолчит и лишь посмотрит косо...
Какой тяжелый труд взвалил Он на меня!

Небесного Владыки повеленье!
Блуждаю я в ночи, широкой и пустой,
«Но как ее,— шепчу я другу в исступленье,—
Заполнить красками и звуками? Постой!..»
Мой друг в смятенье, как и я, в смятенье,
В пустой ночи мятущиеся тени...
Какой тяжелый труд взвалил Он на меня!

Небесного Владыки повеленье!
Возьму я краски всех прошедших дней,
Цвет белой пагоды приятен, без сомненья,
А что еще? Печаль в душе моей.
Ты жаждешь вырваться из векового плена?
Тогда трудись. И нет тебе замены.
Какой тяжелый труд взвалил Он на меня!

Небесного Владыки повеленье!
Спрошу я ветер и поток речной:
О, как заполнить звуками и пеньем,
И красками живыми мрак ночной?
Напрасны все вопросы и моленья,
Нахмурив брови, я гляжу на тени...
Какой тяжелый труд взвалил Он на меня!

Небесного Владыки повеленье!
Все спят вокруг, холодный мир затих,
Смеются звезды над моим стремленьем,
А звуков нет, и красок нет живых.
Уже сама идея потускнела,
Но почему мое не гибнет тело?..
Какой тяжелый труд взвалил Он на меня!

В ГЛУХУЮ ПОЛНОЧЬ

В глухую полночь, о святой,
Ты унеси меня
В далекий край, где нет людей,
А есть один цветок.

В глухую полночь, о святой,
Ты унеси меня
Туда, где маленький цветок
Рыдает, одинок.

В глухую полночь, о святой,
Ты унеси меня
Туда, где дышат лепестки
В объятиях тоски.

В глухую полночь, о святой,
Уйду я далеко,
Я поцелую лепестки
И задышу легко.

ЧЕЛОВЕК В ЗЕЛЕНОЙ ОДЕЖДЕ

То на горе мелькнет, то возле склона
Зеленая одежда почтальона.
Собой доволен, он проходит мимо,
Его лицо всегда невозмутимо.
Шагает он, шагает по дороге,
За ним следит в волненье и тревоге,
С опаской и надеждой каждый житель,
Как будто почтальон — судьбы вершитель.
Вот он стучит в закрытые ворота,
И в ужасе уже бледнеет кто-то.

1921 г.

МОСТ

«Как море, пропасть меж тобой и ею».
«Пускай как море! Я не оробею.
Я буду день и ночь таскать кирпич и глину
И новый мост воздвигну над пучиной».

«За сотни лет не кончится работа!»
«Трудиться буду до седьмого пота,
Ведь жить одним сознаньем невозможно,
Что чуден берег противоположный».

НАМЕК СЛЕПОГО

В темном-темном переулке,
Когда закрылись все двери,
В темном-темном переулке
Искал я свою потерю.

Что-то играя печальное,
Слепой проследовал гулко
Вдоль этого темного-темного
Бесконечного переулка.

ГОРЕЧЬ

Взгляни, мой друг, на этот темный плод,
Он видом скромным взгляд не привлечет;
Я много строк дарил тебе, но ты
Предпочитала алые цветы.

Пожалуйста, отведай этот плод,
Он с грушею в сравненье не идет;
Пускай в твой мир войдет моя строка,
И ты узнаешь, как она горька.

НАДЕЖДА

Спит старая надежда на холме,
В густой тени сосны и кипариса;
Подобно им, зеленым круглый год,
Она своей окраски не меняет.

Как жалкий искалеченный зверек,
Она не в силах убежать далеко;
На тихий холм я медленно взойду
И к ней, уснувшей, прикоснусь рукою.

СОНЕТЫ

* * *

Жизнь человека, я молюсь судьбе,—
Пучок травы! — но ты не обманула
Ничьих надежд, ты гордый смысл вдохнула
В любое имя, данное тебе!

Ты от имен бежала, оробев,
В обитель чистоты и благородства,
Вдали от красоты и от уродства
Ты угасала, выполнив обет.

С тобою рядом звук терял значенье
И блекла форма, или (в миг иной)
Твоею становилась тишиной:

В высоком, гордом самоотреченье
Есть завершенность и ответ судьбе.
Жизнь человека, я молюсь тебе.

* * *

*Посвящается Ду Фу**

В покинутой деревне голодал
И часто думал, что умрешь в канаве;
О горе петь и муках был ты вправе,
Ты их познал, ты долго сам страдал.

Убитый воин на земле лежал,
Не зная о своей бессмертной славе,
И звезды падали, небесный свод дырявя,
И ты, поэт, им всем принадлежал.

Сверкала нищета твоя сурово,
Как будто нить на рубище святого,
Нетленная, божественная нить,—

С ней в этом мире нечего сравнить,
И ни один на свете повелитель
Сильнее не был всемогущей нити!

* * *

По душе тебе тропы, что в поле вели,—
Их изгибы откуда берутся?
Безымянные путники поле прошли,
А следы их шагов остаются.

---

* Ду Фу (712—770) — великий китайский поэт.

И на поле души, как на теле земли,
Тоже тропы змеистые вьются;
Те, кто тропами шли, ничего не нашли
И вовек ничего не добьются.

Муж с седой головой и седая жена,
Молодые, которым чужда седина,
И друзья — их осталось так мало —

Шли по этой тропе, чтобы вечно она,
Устремленная к сердцу, была бы видна
И травою бы не зарастала!

* * *

Я слушал тихий монолог
Меланхоличного дождя,
Глухою ночью забредя
Куда-то в горы без дорог.

Ни деревень, ни городка,—
Как будто их на свете нет;
Мечты, которым двадцать лет,
В дожде угасли на века.

Все сжалось, сузилось вокруг,
Как будто я вернулся вдруг
Во чрево матери родимой;

О Небо, преподай урок,
Чтоб сердцем крохотным я мог
Объять весь мир необозримый!

* * *

Мне кажется: тысячелетья
Тому назад, уже тогда
Дышали мы, хоть в те года
Еще мы не жили на свете.

Сквозь ветки сосен, зелень трав,
Пронзив изменчивое небо,
Летела песнь — не обо мне ли —
Мою судьбу предугадав?

В заботах о насущном хлебе,
В душевных муках — это пенье
Как человек услышать мог?

Смотри, смотри! Порхает в небе,
Как символ жизни и движенья,
Веселый быстрый мотылек.

Дай Ван-шу
(1905—1950)

Дай Ван-шу называли «поэтом дождливой аллеи». Он долго шел по бесконечной «дождливой аллее» несбыточных грез и надежд, завороженный музыкой, красками и образами французского символизма. Но в последние годы жизни в его сознании произошел перелом: он почувствовал свою сопричастность общей борьбе. Арестованный за непокорность японскими оккупационными властями в Гонконге, Дай Ван-шу писал в тюремной камере: «Если я здесь умру, не надо печали, друзья. Я был полон ненависти, и вы должны это помнить всегда» («Надпись на тюремной стене».)

Поэзия Дай Ван-шу была созвучна времени, в ней видны его приметы, хотя выражены они не непосредственно; «поэзия,— говорил Дай Ван-шу,— не просто действительность и не просто воображение», «поэзия возникает в том случае, когда действительность пройдет сквозь призму воображения». Дай Ван-шу — автор нескольких стихотворных сборников: «Мои воспоминания» (1931), «Наброски Ван-шу» (1934), «Стихи Ван-шу» (1937), «Годы бедствий» (1948). В 1958 г., уже после смерти поэта, были изданы его «Избранные стихотворения».

Дай Ван-шу чужды космические масштабы, он неподражаем, когда «созерцает жизнь и ее таинства в пятне полета белой бабочки или в томительной музыке крошечного зяблика»; его единственная тема — мятущийся человек и неосуществимая мечта.

Заброшенные могилы, старый безмолвный сад, разбитое сердце, бледное лицо, уснувшая рыба, печальная осень — лексический ряд поэзии Дай Ван-шу. Он видит мир глазами символиста: «сухие ветки стонут под холодным ветром»; «мы станем говорить с тобой о радости и горе темного царства мертвых»; «своими бесчисленными глазами слабые одряхлевшие мухи всматриваются в сумрак» и т. д.

Дай Ван-шу близка поэзия Поля Верлена и Франсиса Жамма, певца единения человека с природой. Но, испытав на себе влияние французской поэзии, Дай Ван-шу остался поэтом китайским. Многие образы лирики Дай Ван-шу имеют чисто китайское происхождение. Одинокий путник, высокая башня, холодный ветер — излюбленные образы древнекитайской поэзии. Соединенные с символикой XX в., они неожиданно приобрели новое звучание. На такой эффект, видимо, и рассчитывал Дай Ван-шу. Он писал: «В старом тоже можно найти новые настроения».

«В его всегда меланхолических и звучащих глубокой тоской стихах,— писал А. М. Горький о Верлене,— был ясно слышен вопль отчаянья, боль чистой и нежной души, которая жаждет света, жаждет чистоты...» Эта характеристика применима и к Дай Ван-шу.

НОЧНАЯ ПЕСНЯ СКИТАЛЬЦА

Сонная красавица — бледная луна,
Плачет в одиночестве за горой она,
Ослабевшая душа горечи полна.

А в низине ухает черная сова,
В злобе тянется к луне волчья голова
От заброшенных могил, где густа трава.

Вся земля укутана плотной темнотой,
Ужас неизвестности овладел душой,
Ни просвета, ни огня, только мрак слепой.

Окроплю свою печаль чистою слезой,
Одинокий человек, я живу мечтой,—
Я уйти хочу вдвоем с гаснущей луной.

ЗАКАТ

В небесах разостлана парча,
И сверкает золото ручья;
По дороге духом дерева, больного старика,
Тень моя скользит, худа и высока.

Плачут горы алые вдали:
День скончался, не уберегли;
Ветви льнут, прохладны и густы,
К ниспадающим одеждам темноты.

Запах древности таится средь могил,
Где мышей летучих стая заворожена,—
На ветвях застыли, не расправить легких крыл,
Укрывает их, бормочущих, тумана пелена.

С края неба возвратилась тихо ночь,
Одинокий, я бреду в ее тиши,
И уходят, отлетают прочь
Все печали и все радости души.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Мои воспоминанья мне верны,
Как не бывает верным близкий друг!

Они живут в горящей папиросе,
Они живут в любом немом вопросе,
В разбитой пудренице той былой весны,
Живут во мху разрушенной стены,
В бутылке, выпитой вдвоем не до конца,
В черновиках стихов, изорванных в сердцах,
В мерцанье лампы и в речной тиши,
Во всем, где есть душа, и там, где нет души,
Они живут и в памяти всплывают
Повсюду и везде, где только я бываю.

Их робкий вид не для чужого глаза,
И шум толпы им противопоказан,
Но в час, когда я одинок,
Знакомые созданья
Ко мне доверчиво приходят на свиданье.
Их голос тих, а речь длинна-длинна,
Безделицей заполнена она.
Все те же имена и те же эпизоды,
И та же песнь, не молкнущая годы.
Их голос тих, на девичий похож,—
Рождает вздох и вдруг бросает в дрожь.

Они приходят неопределенно —
Днем, на заре и полночью бессонной;

Сказать «невежливы» о них никак нельзя:
Ведь мы такие старые друзья!

Их речь длинна: подробности одни;
Но если я усну, смолкают и они,
Заплачут — станут тише тишины,
Нет, не назойливы,
Но очень мне верны.

ДОЖДЛИВАЯ АЛЛЕЯ

Под зонтиком мокрым блуждаю один по аллее,
По длинной пустынной аллее
С надеждой великой
Девушку встретить,
Которая грусть пронесла,
Как гвоздику.

Лицо ее было подобно гвоздике,
И аромат был похож на гвоздику,
И грусть —
В дожде она шла с печальным и сумрачным ликом,
Неся свою грусть,
Как гвоздику.

Блуждала по длинной пустынной аллее,
Как я вот сейчас,
И зонтик держала в руке,
И дождь барабанил по зонтику частый,
Блуждала безмолвно-печальна
И ко всему безучастна.

Все ближе она подходила
В глубоком молчанье
И бросила взгляд, подобный глубокому вздоху,
И он полетел,
Как мечтанье,
И затерялся далеко.

Подобно гвоздике,
Мечтой уносимой далеко,
В дожде —
Девушка мимо прошла,
Не зная душевной отрады,
До конца этой длинной аллеи,
До разрушенной старой ограды.

В песенке грустной дождя
Мгновенье спустя
Исчез аромат и исчезли с лица ее краски,
И даже исчезли и сникли
Взгляд, подобный глубокому вздоху,
Грусть, похожая на гвоздику.

Под зонтиком мокрым блуждаю один по аллее,
По длинной пустынной дождливой аллее
С надеждой великой
Девушку снова увидеть,
Которая грусть пронесла,
Как гвоздику.

НОЧНОЙ ПУТНИК

Ночной путник! Как это странно!
На холодной улице шаги его слышат дома;
Он вышел из тумана
И ушел в туман.

Близкий приятель ночи,
Ее подробности он изучил и усвоил;
Характером очень
Похожи эти двое.

Ночной путник — большой оригинал,
Смотри, смотри: он уходит прочь.
В войлочной шляпе, не ведая сна,
Твердо идет, как ночь.

МОЛОДОЙ СТАРИК

Говорят, будто я сожалею о прошлых годах.
Современная песня зазвучит у меня на устах,
Ты насмешливо скажешь: «Уже устарела! Увы!»

Устарела! Увы! Стали мудрыми женами вы,
Нарожали детей, те, кого я когда-то любил,
Только я почему-то остался таким же, как был.

Жалким юношей! Нет! Я горел, я горел, я горел,
Но немного с тех пор постарел.
Ты взгляни на меня, как я с палкой хожу,
Загляни мне в глаза, а потом я тебе расскажу...

Я из тех молодых стариков,
Кто пока еще молод для осенней травы и ветров,
Но, увы, уже стар для весенней луны и цветов.

АВТОПОРТРЕТ

Я субъект унылый и странный,
Мечтающий о земле обетованной.

Изображаю правдиво себя самого,
Простое и тихое существо,

Молодости и дряхлости средоточие —
Телом здоров, сердцем не очень.

Среди друзей у меня приличная репутация,
В любви я труслив, должен признаться.

Девушки ласки дарили мне,
А я от ужаса цепенел.

Меня пугают любимой глаза,
Как лучи весны, что по синему небу скользят.

Ростом высок, глаза у меня искрятся,
Умею громко говорить и смеяться.

Но в минуты тоски я молчалив, как никто в этом мире,
Всем сердцем тоскую, которому двадцать четыре,

ОСЕНЬ

Трубка глиняная со мною,
Осень где-то уже за спиною,
Осень рядом — прохладой веет
На реке, где парус белеет.

Прикасаюсь я к чутким струнам,
О себе вспоминаю юном
И о том, как любил я осень
За печаль, что с собой приносит.

Было радостно в чаще мглистой
Слушать рог и ступать по листьям,
Но теперь осенняя благость
Одинокому сердцу в тягость.

Нет во мне ни любви, ни страха,
Мне известен ее характер,
И спокойно, с улыбкой светлой,
Я встречаю угрозу ветра:
«Это осень, господин Ван-шу!»

Пу Фэн
(1911—1943)

Первые стихи Пу Фэна датированы 1928 г. Прошло совсем немного времени после поражения революции 1925—1927 гг., но в сердце поэта продолжала жить неистребимая вера в будущие перемены. Сборники «Смутная ночь» (1934), «Жизнь» (1936), поэма «Засуха» (1935) — вехи его творчества. Пу Фэн думал и писал о месте поэта и гражданина в борьбе, о жертвенности во имя победы, в которую верил, и только иногда нотки отчаяния появлялись в его стихах.

Пу Фэн восставал против тупой покорности, стремясь пробудить в человеке человека. Ему были ненавистны «причудливой, странной формы рабские сердца», но он понимал, как трудно вытравить из них все то, что насаждалось веками в условиях безраздельного господства феодальных правителей. Пу Фэн показал, что процесс раскрепощения душ начался и если сегодня «над бесплодной равниной — искры», то завтра там вспыхнет костер.

Настойчива и упорна его мысль: только борьба может принести человеку счастье. Он пишет о том, как крестьяне отбрасывают прочь расслабляющую ум и сердце веру в предков и в Будду, как начинают они верить в свои силы. Для Пу Фэна полна очарования свободная быстрая чайка, взмывающая в голубое небо, ему ненавистна птица в клетке, легко приспособившаяся к новым условиям существования: «Созданье глупое, не пой, ты не обласкана судьбой, и радость не тебе верна, а ты поешь, в тюрьму заключена». Поэт приветствует жизнь со смертельным риском, ему органически чужды люди, способные смирно сидеть за «прутьями клетки» или пытающиеся уйти от борьбы.

Громко и требовательно звучали стихи Пу Фэна, написанные накануне антияпонской войны, когда над китайским на-

родом нависла реальная угроза иноземного порабощения. Собранные в сборнике «Стальные песни» (1936), строки поэта взывали к женам и матерям, к мужчинам и детям, они кричали о зверствах врага на севере страны, чтобы пробудить дремлющих, чтобы разжечь еще бо́льшую ненависть в уже пробужденных сердцах.

Стихи Пу Фэна, признанного лидера Китайского поэтического общества, гражданственны и патриотичны. Пу Фэн многое сделал для пробуждения общественного самосознания народа и развития новой китайской поэзии.

РАССКАЗ ВО́РОНА

Черный ворон летел в вышине,
Он закаркал в глухой тишине,
Словно людям поведать хотел
О земле, над которой летел:

«Я спешил далеко на Восток,—
Там чванлив господин и жесток.
Но ему не сдается народ,
Доберется он и до господ.

Я на Западе видел пески,
Край безмолвья и лютой тоски,
Где крестьяне в страданье немом
Умирают под тяжким ярмом.

Я летал на сияющий Юг,
Там налоги растут, как бамбук,
Но мужают народа сыны
У живой океанской волны.

Я на Севере вновь побывал,
Видел духов деревьев и скал;
У причудливых северных гор
Нарастает народный отпор.

Над равнинами я пролетал,
Там солдата солдат убивал,
Но иные над болью земли
Флаги
Сильные руки несли».

Черный ворон летел в вышине,
Он закаркал в глухой тишине,
Словно людям поведать хотел
О земле, над которой летел.

1928 г.

К СВЕТУ

Первая стража, стража вторая,
Ночь притаилась, не умирая.
Петух-полуночник пробует голос:
Темная ночь еще не раскололась.
Третья стража, стража четвертая,
Свет постепенно свиток развертывал.
Пятая стража покончила с ночью.
Тьмы расползаются рваные клочья.
Клич петушиный! Силы избыток!
Свет развернул
Ослепительный свиток!

1930 г.

ПТИЦА В КЛЕТКЕ

Созданье глупое, не пой,
Ты не обласкана судьбой,
И радость не тебе верна,
А ты поешь, в тюрьму заключена.

Созданье глупое,
Дают
Тебе и зерна, и приют,
И капли ключевой воды...
Как больно мне, что резво скачешь ты!
Сквозь прутья клетки взглядом обними
Широкий мир, украденный людьми!

1934 г.

НАДЕЖДА

Недалеко в ином краю,
Слепящий свет;
Туда стремлю я мысль мою —
В тот край побед.
Оковы рабства разобью,
Печали нет.
Не одинокая ладья
В пучине вод,
И всадник мчится не один
Под стук копыт.
Свет впереди. Он нас влечет,
Он нас зовет.
Свет впереди манит сердца,
Сердца манит.

1934 г.

СЮ ЧЖЭНЬ

Почему ты оставила близких, Сю Чжэнь?
Разве дома не лучше, чем в громком Шанхае?
Над тобой самолеты ревут целый день,
Мимо окон машины с утра громыхают.

В ослепительном мае сестренка Сю Чжэнь
Уплыла (на неделю? на годы?).
Плачут мать и отец в этот солнечный день,
Глядя вслед пароходу.

Как он злобно орет, твой шанхайский завод,
Город с жадностью пасть разевает.
Он сожрал твою молодость только за год,
А теперь он тебя доконает!

1934 г.

ПЕСЕНКА ШАНХАЙСКОГО РИКШИ

Везу, везу, везу
До больших ворот госпожу.
Госпожа с коляски сошла
И швырнула медяк со зла.

Тащу, тащу, тащу,
Господина улещу.
Он ярится, а я дрожу.
«Опусти, свинья, выхожу!»

Везу-ай, везу-ой!
Тащу-ай, тащу-ой!
Шесть мао — аренда коляски,
А сам хоть зубами лязгай.

Везу-ай, везу-ой!
Тащу-ай, тащу-ой!
Руки и ноги как вата,
Ищи виноватых.

ПЕСЕНКА ПРОДАВЩИЦЫ БИЛЕТОВ

Эй, нарядный господин,
Не глазейте!
Не ищите, господин,
Вы лазейку!

Каждый день встаю чуть свет,
И с рассвета
Только центы в голове
Да билеты.

В темноте домой бреду,
Ноет тело.
Где же время я найду
Для безделья?

Ты за бедной не ходи,
Мы не ровня.
Ты с богатыми блуди
На здоровье.

Каждый день встаю чуть свет,
И с рассвета
Только центы в голове
Да билеты.

ПЕСЕНКА МАЛЕНЬКОГО БРОДЯГИ

Отец мой бедняк,
Он считает каждый медяк.
А меня называют тети и дяди
«Маленький бродяга».
Не потому, что ладони в пыли и в глине,
И желтые щеки простить бы могли они.
Никому я не кланяюсь в пояс,
Хватаю метлу, изображаю поезд.
Оседлав мальчишку, гарцую на нем,
Называю его конем.
В роще играем в прятки,
Топчем сады и огородные грядки.
А еще я не хожу на уроки,
На улице вверх поднимаю руки.
Но это не гимнастика —
Куда интересней:
Это я напеваю песни.
Люди глядят на меня сердито:
«Плохо воспитан! Плохо воспитан!»
Ах, школа! Ах, воспитан!
А все оттого, что отец мой бедняк,
Отец мой считает каждый медяк,
Думает он,— на лице его тень,—
Как нам прожить хоть сегодняшний день.

1935 г.

ОДУРМАНЕННЫЕ

Янцзы, Хуанхэ и Чжэцзян,
Сколько раз,
Набухая,
Взрывались
Кровеносные ваши сосуды;
Гуандун, Гуанси и Хунань,
Ваша кожа страдала веками
От засухи струпьев,
И Сунцзян мускулистый,
И земля у Великой стены
Снова корчатся в судорогах,
От которых не видно спасенья.
Изрыгают предатели яд,
Прибирая к рукам ядовитые низкие души,
Разъедая еще уцелевшее и живое.
О Китай одурманенный!
О друзья молодые!
Скорей принесите воды
И на головы для отрезвления лейте!
Пробудись,
Штык врага у груди,
Пробудись, пробудись, пробудись!

1936 г.

Ван Я-пин
(род. в 1905 г.)

Произведения Ван Я-пина и других поэтов из Китайского поэтического общества успешно противостояли поэзии декадентов, порождавшей в душах читателей чувство крайней апатии и фатализма, и способствовали развитию в китайской поэзии реалистической и романтико-героической линии. Стихотворения, написанные Ван Я-пином до начала антияпонской войны и собранные в книгах «Город зимой» (1935), «Песня буревестника» (1936) и «Декабрьский ветер» (1936), раскрывают различные стороны китайской действительности примерно одного и того же периода.

В сборнике «Город зимой» поэт создает обобщенный образ капиталистического города и его многочисленных жертв. Он пишет о работнице ткацкой фабрики и строителе железной дороги, о продавце чая и угольщике, о беженцах, которых было в те годы великое множество на земле Китая. Чувства Ван Я-пина были искренни, полны боли и гнева. Но даже при изображении самых мрачных картин поэт с надеждой говорит о новой жизни для искалеченных капитализмом людей. «Оставленные небесным владыкой дети утратили золотое детство, но они дождутся лучших времен»,— пишет Ван Я-пин в одном из стихотворений.

В «Песне буревестника» есть строки: «Я песню пою о кровавой стене, я жажду вызвать яркое солнце в черной ночи». В послесловии к сборнику поэт комментирует эти строки: «Возможно, мои чрезмерные надежды невыполнимы, но я устремлен к ним, и у меня достаточно мужества, чтобы осуществить свои надежды».

Ван Я-пин показывает людей, которые призваны историей изменить мир. «Декабрьский ветер» можно назвать поэтохроникой борьбы китайского народа в 30-е годы, в частности событий 9 декабря 1935 г.— антияпонской студенческой демонстрации в Пекине. Поэт словно ведет стихотворный дневник подвигов студентов-патриотов, а названия стихов служат как бы

названиями глав этого дневника: «Великий канун», «Яростный гнев Бэйпина», «С уважением говорю о 29 бойцах», «Семь девушек-бойцов», «Допрос под пыткой».

Когда вспыхнула война Сопротивления, Ван Я-пин, учившийся в Токио, тотчас вернулся на родину и активно включился в борьбу против агрессора. Он участвовал в сражениях, прошел с войсками по территории пяти провинций. Им написаны боевые «короткие стихи», песни, близкие по форме к народным. В эти годы были созданы стихи, которые вошли в сборник «Алая роза» (1940), поэмы «Статуя» (1943) и «Китай, мать-Земля!», «К Хуанхэ» (1944) и многие другие произведения.

Участие в проведении аграрной реформы дали поэту новый творческий импульс. «Я видел,— писал он в предисловии к „Избранным стихотворениям" (1954),— как крестьяне на протяжении трехсот ли дамб на Хуанхэ по собственному почину вывесили красные фонари и охраняли землю от разлива еще не укрощенных вод; я видел, как они возили дрова, сеяли рис, ковали железо, шли под палящими лучами солнца к реке укреплять дамбы; немало сознательных крестьян, прошедших боевую закалку, становились героями, достойными песен и славы». Об этих трудных и славных днях Ван Я-пин написал несколько книг («Песнь о Ли Сю-чжэнь» и др.).

Ван Я-пин писал просто и ясно, используя форму, лексику и ритмы народных песен. Он стремился к тому, чтобы его стихи были доступны широким массам и пригодны для декламации.

В послевоенные годы Ван Я-пин создает «Первый гимн», «Песни о героях Хуанхэ» и другие поэтические сборники. И всюду: в книгах и в жизни — он следует принципу, провозглашенному в стихотворении «Смотритель маяка»:

Бескорыстно и щедро тьму Маяк озарил —
И тогда-то я Свету
свою жизнь подарил.

ВЕЛИКИЙ КАНУН

О великая ночь, о бессмертная ночь января *,
Ты забыла про сон, ты простилась с глухой тишиной;
Беспощадный огонь, из земных вырываясь глубин,
Опалит и сожжет неподвижный покров ледяной.

О великая ночь, о бессмертная ночь января,
Ты отбросила прочь меланхолии мрачный наряд;
Золотые лучи, что держал в пятерне господин,
Над толпою рабов, возрожденных для жизни, горят.

О великая ночь, о бессмертная ночь января,
Даже звезды поют, мириады ночных огоньков;
Цепи рабства сорвав, что веками гремели у ног,
Человек истребит, человек одолеет волков!

О великая ночь, о бессмертная ночь января,
Кровь клокочет в груди: древний город к сраженью готов;
Серый цвет мостовых, серый цвет бесконечных дорог
Скоро станет иным, если столько кровавых цветов!

О великая ночь, о бессмертная ночь января,
Золотыми лучами Владыка небес осиян.
«Дети! Дети! Вставайте! — вскричал он, отвагой горя.—
Все дурное и злое пусть волна унесет в океан!»

---

* 29 января 1932 г. японские агрессоры осадили г. Шанхай и началась героическая Шанхайская оборона. В ней принимало участие все население города, проявившее истинное мужество, стойкость и отвагу.

АНГЕЛ МИРА

Над рекой Хуанпу, высоко в небесах,
Ангел мира расправил милосердные крылья,
Пусть от грязи еще Хуанпу не отмыли,
Пусть у берега голод стоит на часах —
Ласка в ангельских добрых глазах.

Ангел мира небесную песню поет,
Зазвучали мелодии как предвестники счастья;
Он бессилен и нежен, он полон участья,
Он не слышит, как стонет несчастный народ,
Ангел мира о счастье поет.

В упоенье, с молитвой Владыке небес
Ангел мира простер милосердные руки,
Льется кровь, остывают на отмели трупы,
Гибель рвется с винтовкою наперевес,
«О прости нас, Владыка небес!»

Ангел мира поверил себе одному,
Одержал он победу с улыбкой счастливой...
Где же Мир? Где же Правда? Я вижу тюрьму...
Прочь,
фальшивого мира
радетель трусливый,
Ты не нужен
такой
никому!

1934 г.

РЕКА ХУАНПУ

Хуанпу! Хуанпу!
Таинственный берег, поэта прекрасные грёзы!
Мечутся грязные волны, стекают в тебя отбросы.

Хуанпу! Хуанпу!
Не тебе ли слагали мелодии песен упорно и тупо?
Тусклые блики луны освещают холодные трупы.

Хуанпу! Хуанпу!
Разве для праздной толпы ты не стала излюбленным
местом гулянья?
Ветер вечерний подул, смрад принеся и стенанья.

Хуанпу! Хуанпу!
Разве тебя не считали святой, милосердной, гуманной!
Волны рокочут, винтовки и пушки гремят над рекою
туманной.

1934 г.

ЗИМА В ГОРОДЕ

Видимо, луне не время торопиться.
Дует ветер, и закат алеет от его дыханья.
Серый дым ползет по черепицам
И по зданьям с европейским очертаньем.

У дверей свисает вылинявший полог,
Полицейский в воротник ушел, об отдыхе мечтая.
Объявленье.
Неразборчиво.
Насчет того, что долг
Каждого —
служить на ниве процветанья.

Снег слежался. Далеко до таянья.
Холодна зима. И ветки никнут голо.
Листья жалуются и дрожат в отчаянье:
«Мы — последние!
Зима сковала город!»

1934 г.

ПРОДАВЕЦ ЧАЯ

Ярко лампы горят в центре шумного города,
На душе продавца и тоскливо и холодно;
Точно идол, он замер со взглядом отчаянья
Перед грубыми чашками и глиняным чайником.

«Чашку чая отведайте! Чашку чая горячего!»
Но прохожий рассеянно в переулок сворачивал.
Пробегали машины. Пыль садилась на скулы,
И тонул его голос в этом шуме и гуле.

Ночь последний трамвай поглотила, все замерло,
Сырость вышла на улицу полновластным хозяином.
Продавец возвращается, он устало качается,
А ночь не кончается, все никак не кончается.

1934 г.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА

Чайки ночью дремали у холодной воды,
Паруса в океане заметали следы.

Тучи спрятали звезды и луну унесли,
Лишь Маяк одинокий встречал корабли.

И туда, где пугает ветер добрых людей,
Тот Маяк вдруг направил стрелы ярких лучей.

А вокруг неумолчно, гневной силы полна,
На дыбы поднималась за волною волна.

Бескорыстно и щедро тьму Маяк озарил —
И тогда-то я Свету
свою жизнь подарил!

1935 г.

СУХОЕ ДЕРЕВО

Оно под окном застыло
В зимнюю пору.
В небе штрихами туши —
Бурые ветки.

Иней и хлопья снега
Ему не опасны,
Его ни песок, ни ветер
Ранить не могут.
Оно мне приносит радость
Каждое утро.
Вижу за бурым зеленый —
Цвет обновленья.

22 марта 1942 г., Чунцин

ОДИНОЧЕСТВО

Ночью во мне острее
Чувство души одинокой.

Потеха! Рядом с парашей
Затеяли драку крысы.

За окнами дождь и ветер
Уносят мою усталость.

Слышу шаги рассвета,
Быстрые и тяжелые.

28 марта 1943 г. Ночью

ИЗ ЦИКЛА «ОГНЕННАЯ МГЛА»

* * *

Сидишь в тиши, наморщив лоб,
Оставь в покое микроскоп!
Не будь глупцом и не бубни
Привычно термины одни,
Вперив пытливый жадный взгляд
В свой лягушачий препарат.

Ты дверь пошире распахни,
На жизнь реальную взгляни.
Схвати горсть пыли, как школяр,
И положи под окуляр,
Увидишь то, о чем забыл:
Фашизма
Скопище бацилл!

* * *

Отхлынули воды речные,
Устал от крика разносчик;
Бледный луч фонаря копошился
В одурманенной мглистой ночи.

Было слышно, как дышит город,
Будто спит в неудобной позе,
Трудно кашляя, как бывает
При запущенном туберкулезе.

* * *

Пусть мои мысли
На волнах эпохи
Мчатся, как парус.
Пусть в мою свежую кровь
Не вползает
Запах гниенья.
С лампой шахтерской,
Молот сжимая,
Сильный, иду я
В темные штреки,—
Я под землею огонь добываю
Для человека.

* * *

Я плакал в первый раз —
Мешок дорожный я надел на плечи
И слушал матери наказ.

Я плакал вновь —
Всему, что было свято, изменила
Моя любовь.

Я плакал в третий раз —
Мои поля топтали вражьи кони
В кровавый час.

Когда мы победим врагов планеты,
В четвертый раз заплачу я,
Слез не тая.

20 декабря 1944 г., Чунцин

Вэнь Лю
(1912—1937)

Вэнь Лю был одним из деятелей Китайского поэтического общества, автором сборников «Наш городок» (1936), «Последний гневный клич» (1937), боевых стихов и песен. В своем творчестве он обратил внимание на те стороны китайской действительности, которых почти не касались другие поэты. Вэнь Лю изобразил захолустный городок с его воспоминаниями о былых радостях и сегодняшним горем: «Потерявшие работу становятся ворами, а бывшие воры — бандитами». С большим знанием деталей поэт описал трудную жизнь китайских ремесленников, людей старинных профессий — ювелиров, строгальщиков палочек, дрессировщиков обезьян, носильщиков, лодочников, передающих из поколения в поколение свои багры.

Рисуя образы людей из народа, Вэнь Лю неизбежно приходит к тому же вопросу, какой задает Ван Я-пин в стихах-обличениях: доколе? И пока не найден ответ, пока в Китае все остается по-прежнему, не может быть ни отдыха, ни покоя. «Еще прикован к горам Кавказа тот, кто похитил огонь»,— говорит Вэнь Лю и, обращаясь к равнодушным и инертным, восклицает: «Мой юный спутник, ты слишком счастлив, ты слишком счастлив в своей постели!»

В предисловии к сборнику «Наш городок» Пу Фэн писал своему другу и единомышленнику, которого очень ценил, но недостатки которого видел (нечеткость мысли, погрешности стиля): «Твой великий успех, Вэнь Лю, далеко в будущем. Трудись, дружище! И помни собственную „Песню каменщика":

Клади кирпичи, веселее гляди,
Наш мир впереди, впереди, впереди!»

«Великого успеха» Вэнь Лю так и не добился: он был и остался рядовым новой китайской поэзии, ее активным и славным бойцом.

НАША ПЕСНЯ

Грузы переносим на гибких жердях,
Вовсе не мечтая о снеге.
Но белы дороги, и холод не пустяк,
Снежинки-чайки белые в небе.
Тропы в пустыне, как нож, грозны,
В горах пустота, в реках омуты,
Мы видели, как падал человек с крутизны
Беззвучным и усталым комом.
Мы видели, как люди каменели от зимы
И снег превращал их в статуи.
Песчаные бураны зубами рвали мы,
Песчаные бураны хвостатые.
Бросить эти грузы да бежать назад!
Там белые дворцы из нефрита.
Но в спину нам глядели надменные глаза,
Злобой и угрозой налиты.
Во дворце у вана добра целый склад,
А у нас ни драной циновки,
И речи наши тоже не спелый виноград,
Сообразно всей обстановке.
Мы стремимся к правде, любим свет,
Труд — это все, чем мы владеем.
Вечно бьемся с голодом, идущим вослед,
Обходящим двор богатея!
Но идем дорогой светлой, как родник,
Солнце и звезды с нами вместе.
Грузы переносим ночи и дни
И поем веселую песню!

1933 г.

СКОРБЬ

Чудо-цветы на мечты похожи,
Они украсят священный остров.
Священный остров был уничтожен!
Обитель духов!
Печальный остов!
Дотла, до пепла сожгли все корни,
Обуглен персик: вот так-то проще!
Потом опять разожгли костер они,
Чтоб сжечь бамбуковую рощу.
С травой, с цветами совсем было просто:
Дождю и ветру на усмотренье.
А между тем
Был священный остров
Задуман жилищем
Для птицы-феникс,
Задуман местом, где львов бы толпы
И где бы только росли пионы,
Пшеница только, картофель только
И пели птицы бы оживленно!
Но в мире много садовых ножниц,
Но в мире много силков и клеток,
А также снегом убить возможно
И тяжким градом в разгаре лета.
Без света солнце,
И в пруд ни разу
Луна со звездами не гляделись.
Еще прикован к горам Кавказа
Тот, кто похитил огонь,
надеясь...
И кроме ветра в огромном небе
Рождались ливни, чтоб биться с нами.
К концу идущий счастливым не был,
Другой, живущий, похож на камень!

Смежил ты очи, в мечтах витая,—
В тепле постели смешны метели;
Мой юный спутник, ты слишком счастлив,
Ты слишком счастлив в своей постели!

1934 г.

ПЕСНЯ КАМЕНЩИКА

Эгей! Мастерок да квадрат кирпича.
Рубаха от жарких лучей горяча.
С утра до заката, с утра до заката
За жалкие фэни сгорай, как свеча.

Эгей! Мастерок да квадрат кирпича.
Не чую руки и не чую плеча.
Мы строим жилище, а сами ночуем
Под небом открытым, зубами стуча.

Эгей! Мастерок да квадрат кирпича.
Работает каменщик, сына уча.
А тот, шестилетний, глядит, не робеет
И пробует, пробует вес кирпича.

Эгей! Мастерок да квадрат кирпича.
Пусть в трещинах руки, не надо врача.
Клади кирпичи, веселее гляди,
Наш мир впереди, впереди, впереди!

1933 г.

Цзян Юэ-лан

Молодой поэт Цзян Юэ-лан был активным членом Китайского поэтического общества, своим сборником «Песни строителей дороги» (1935), живо откликнувшимся на призыв лидеров этой группы «сделать стихи и песни голосом масс», «приблизиться к фольклорным формам».

В сборник вошло 25 стихотворений, написанных поэтом в 1934—1935 гг. Рецензент Ван Я-пин с удовлетворением констатировал: «Юэ-лан не отсиживается в башне из слоновой кости, он постоянно в пути, он бродит по дорогам, забирается в деревенские углы... Сборник Юэ-лана, запечатлевший тысячи мук и страданий, заставляет людей болеть душой, но он же,— добавляет Ван Я-пин, помня о живучести эстетских установок на „уход от реальности“,— возможно, кое у кого вызовет насмешку».

Да, Цзян Юэ-лан был реалистом до мозга костей, и это, разумеется, не всем приходилось по вкусу. Поэт был далек от «абстрактной надуманности, основанной на догадках», как писал Пу Фэн, положительно оценивая книгу.

Цзян Юэ-лан писал о рабочем люде и безземельных крестьянах, о рикшах и нищих, о солдатах и детях, и, как правило, с натуры. Он пишет о беженцах, которые сидят с безучастными лицами на длинной скамье в бюро по найму рабочей силы и «ждут, ждут, когда станут рабами»; он всматривается в искалеченное колесом машины лицо, являющее миру «шрам жизни», которому посвятил книгу стихов того же названия поэт Лю Цянь; он встречается, находясь постоянно в пути, с «бродягой, тощим дьяволом», как называли голодного неудачника все те, к кому он обращался за помощью, пройдя все девять кругов ада.

«Песни строителей дороги» были понятны всем. Критики отмечали их «удивительную простоту и бесхитростность».

Цзян Юэ-лан писал не о героях с осознанной целью, с мужественными и отважными сердцами, но о тех, кто отчаянно боролся за жизнь, выбиваясь из последних сил, о тех, к кому должны прийти на помощь сильные и целеустремленные люди.

РИКША

Он всегда с коляской, будто к ней прирос:
Колеса для рикши, рикша для колес.
Ноги онемели, он летит вперед,
Добежит до цели, нового берет
И не покидает ни на полчаса
Эти два летящих быстрых колеса.
Прячет он усталость страшную свою:
Ноги кормят рикшу и его семью.
Головой качает (не передохнуть!),
Чтобы пот горячий со скулы стряхнуть,
А в ушах всечасно тонкий детский крик...
Голос материнский в кровь его проник:
«Ты беги скорее, не жалея ног,
Ни крупинки риса в доме нет, сынок!»

15 марта 1934 г.

ПЕСНЯ СТРОИТЕЛЕЙ ДОРОГИ

Э-эх!
Обессилила работа,—
Кожа, жаркая от пота,
Э-эх!
На жердях таскаем глину,
Заступ в грунт наполовину,
Э-эх!
Целый день долбим усердно,
Солнце жжет немилосердно,

Э-эх!
Животы урчат без пищи,
Погибаем на жарище,
Э-эх!
Мы узнали понемногу,
Какова на вкус дорога,
Э-эх!
От порога до порога,—
Для кого нужна дорога?
Повезут в больших машинах
Мимо нас баранов жирных.

23 июня 1935 г.

ПРОДАВЩИЦА ЦВЕТОВ

Вдоль улицы голос девичий:
«Орхидеи свежие! Купите орхидеи!»

Торгует с утра до вечера
Она орхидеями свежими.

Торгует она цветами
Или собственными летами?

Орхидеи высохли, опали орхидеи,
Голосок цветочницы в улицах затерян.

20 июня 1935 г.

БРОДЯГА

На завод пришел чуть свет, кланялся в конторе,
Толстопузого просил, за столом который:
Сделай, мол, истопником, яви милосердье,
Мне бы досыта поесть перед смертью.
Усмехнулся толстопузый:
«Повторять не буду,
Такой-сякой, тощий дьявол,
Ну-ка прочь отсюда!»

В лавку я пришел чуть свет, в ней сидел хозяин,
Долго кланялся ему: мол, на время взял бы.
Стану мыть и убирать, яви милосердье,
Мне бы досыта поесть перед смертью.
Он глядит высокомерно:
«Повторять не буду,
Такой-сякой, тощий дьявол,
Ну-ка прочь отсюда!»

День-деньской клиента жду, хоть зубами лязгай,
Но не хочет ни один сесть в мою коляску.
Поклонился одному: яви милосердье,
Мне б десяток медяков за усердье.
Отмахнулся, как от мухи,
Сказал напоследок:
«Такой-сякой, тощий дьявол,
С тобой не поеду!»

Вышел на берег реки отчаянно-кроткий:
Я могу толкать шестом хозяйскую лодку,
Не гляди, что телом худ, яви милосердье,
Мне б хоть раз попасть домой перед смертью.
У хозяина со мною
Разговор короткий:
«Такой-сякой, тощий дьявол,
Куда тебе лодку!»

Август 1935 г.

ШРАМЫ ЖИЗНИ

Прошлись по нему колеса,
Лицо изуродовано,

На теле черные пятна —
Масло машинное.

Глубокие шрамы жизни
Я демонстрирую.

Сяо Сань

(род. в 1896 г.)

«Тем, что я нашел в себе решимость служить литературе, встать в ряды поэтов,— писал Сяо Сань в 1951 г.,— я обязан Советскому Союзу». И далее китайский поэт отмечал: указания В. И. Ленина о том, что «литературное дело должно стать частью общепролетарского дела», перевернули его представления о призвании литератора. «Я осознал: литература и искусство есть оружие борьбы» и «отбросил прочь обветшалую теорию „искусство для искусства"».

Сяо Сань (Эми Сяо) родился в семье учителя. С юношеских лет он участник революционного движения, корреспондент прогрессивной печати. С осени 1920 г. учится и работает во Франции, там же вступает в коммунистическую ячейку. В 1923—1924 гг. Сяо Сань слушатель Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в Москве. В 1923 г. он переводит на китайский язык «Интернационал».

«В 1924 г.,— вспоминал впоследствии Сяо Сань,— я вернулся на родину и целиком ушел в революционную работу, писал стихотворные прокламации, лозунги, используя, как правило, традиционные народные формы».

В 1928 г., тяжело заболев, Сяо Сань вновь отправляется в Москву. Длительное лечение вернуло поэта в строй. Он прожил в Советском Союзе около десяти лет, насыщенных интенсивной литературной и общественной работой. Сяо Сань преподает китайский язык в КУТВе, сотрудничает в советской периодической печати, особенно в журнале «Интернациональная литература», в котором печатает статьи о китайской литературе («Движение пролетарской литературы в Китае», «Литература китайской революции», «Китайская революционная литература» и др.), а также редактирует китайское издание этого журнала.

В Советском Союзе вышли в свет первые книги стихов и прозы Сяо Саня: на китайском языке — «Стихи» (1934) и русском — «Стихи» (1932), «Кровавое письмо» (1935), «Хунаньская флейта» (1940). С русского стихи Сяо Саня переводились на украинский, грузинский языки.

В качестве представителя Лиги левых писателей Китая Сяо Сань участвовал в работе конференции МОРП в Харькове.

В 1939 г. поэт возвращается в Китай. В его творческой биографии начинается новый период. Сяо Сань создает стихотворения о борьбе китайского народа против японской агрессии, о международной солидарности трудящихся, о дружбе с советским народом.

Много сделал Сяо Сань как переводчик и пропагандист мировой, особенно русской и советской, литературы. Он переводил Пушкина, написал работу «Эстетические воззрения М. Горького», неустанно знакомил читателей с поэзией В. Маяковского, которого ему довелось видеть в Москве.

После 1949 г. Сяо Сань опубликовал поэтические сборники «Дорога мира» (1953), «Избранные стихотворения» (1960), составил книгу «Революционных народных песен» (1959) и сборник «Стихов павших героев-революционеров» (1962).

ТРЕВОГА

Ты так встревожен, о поэт:
Через пятьсот далеких лет
А вдруг потомки предадут твой стих забвенью?

Тревожься не о том, поэт!
Дороже счастья в мире нет,
Когда твердит твои стихи твой современник,

Когда, услышав песнь твою,
Он смелость чувствует в бою
И веру в то, что победит, и вдохновенье;

Когда, услышав голос твой,
В нем голос узнает он свой
И песнь твоя рождает скорбь, смех и волненье.

Народ поэта воспитал,
Народ поэту голос дал.
Так пусть звучит в живых сердцах стихотворенье!

1938 г.

ЦВЕТЫ СЛИВЫ МЭЙХУА

Я сорвал, довольный, ветку сливы,
Будто бы спасая от невзгод,
И пристроил в вазе торопливо
Символом Весны
под Новый год.

Все готово, гости в полном сборе,
В чайниках горячее вино;
Мы поем стихи, друг другу вторя,
Только сливе грустно и темно.

Снег весной растаял как-то сразу,
Под цветущей сливой я стою.
В дом войдя, я вдруг увидел вазу
И сухую ветку на краю.

1935 г.

Я ВСПОМИНАЮ...

Юные годы, мой край родной
вновь припомнились мне...
Вот я стою со старым отцом
на городской стене.
Соединился небесный свод
с прозрачной, чистой рекой.
Парус вдали. И на этот мир
отец указал рукой:
«Жизнь человека — речной поток.
Видишь, на берегу
Ива растет? Я ее посадил
и много лет берегу.
Годы идут. Хорошеет земля.
Все ярче краски весны.
А песни? Все звонче и шире они,
новою силой полны...»
Жизни отец поучал меня,
и голос его во мне.
Вижу — вот он стоит живой
на городской стене...

Как же позволить топтать врагу
Все, что помню и берегу?

1938 г.

ВСТАВАЙ, ПОЭТ!

Поэт, оторвись от заманчивых снов,
Выйди из царства воображенья,
Жаркая кровь миллионов сынов
Льется на поле сраженья.
Сражаться обязан любой гражданин,—
Штык — защита гор и равнин...

Поэт, сегодня ты пой для них,
Каждую им отдавай строку,
Ты должен перо приравнять к штыку!

1940 г.

МОЙ МАНИФЕСТ

Стихи мои, слишком простые и пресные,
Быть может, кому-нибудь интересны?
Вторгаюсь в дискуссию
О массовом популярном искусстве,
Провозглашаю в ходе:
Пишите так, как говорят в народе.
Кто эту мысль постиг,—
Не в келье вдохновенья,—
Развешивай стихи на улицах селенья.
Допустим, мой стишок по форме, по идее
На слух понятен, прост и незатейлив,
Тогда пускай в «поэтовых» рядах
Меня лишают места,—
Я все равно не откажусь от манифеста!

1941 г.

Ай Цин
(род. в 1910 г.)

Творчество Ай Цина — целая эпоха в истории китайской поэзии новейшего времени. Поэт яркого и самобытного таланта, критик и теоретик стиха, Ай Цин был тонким лириком и блестящим эпиком, автором великолепных сатирических строк. В своих произведениях он использовал мелодии народных песен, строгую ритмику традиционных классических жанров, но всем иным он предпочитал свободный стих. Ай Цин писал: «Мы должны быть последовательными до конца в той революции, которую совершили Уитмен, Верхарн, Маяковский. Мы должны приспособить поэзию к новым требованиям новой эпохи, мы должны использовать любые новые формы, чтобы они удовлетворяли этим требованиям».

Ай Цин размышляет о поэте и его Музе... Уитмен и его Муза бродят среди масс индустриальной Америки. Муза Есенина на санях догоняет серповидную луну. Муза Верхарна входит на биржу и в банки больших городов, шагает по шумным ночным улицам. Маяковский и его Муза лозунгами и демонстрациями встречают приход «Шестнадцатого года»...

Ай Цину ближе всех был Маяковский.

Ай Цин, как никто другой из современных ему китайских поэтов, проник в душу и сердце трудового народа, крестьянина, солдата, выразил любовь к родной земле:

Почему на глазах моих слезы?
Эту землю люблю я безмерно...

После окончания средней школы юноша Ай Цин отправляется в Париж с твердым намерением заняться живописью. Он действительно полюбил Лувр, но судьбе было угодно распорядиться иначе. Во Франции Ай Цин жадно набросился на евро-

пейскую поэзию, с восторгом повторял строки Верхарна и Аполлинера.

Когда в 1932 г. он вернулся на родину, в Шанхае, на территории французской концессии, его арестовали и долгие месяцы продержали в тюрьме по обвинению «в сокрытии опасных радикальных взглядов». В камере родились строки, обращенные к Аполлинеру: «Безумно люблю твою Европу, Европу Бодлера и Рембо, там я с пустым желудком гордо играл на моей тростниковой флейте. Ныне я в Бастилии, но не в парижской Бастилии. Нет более со мной тростниковой флейты, ибо железные цепи громче звучат, чем песни мои».

После выхода из тюрьмы он отправляется на север Китая, который полюбил с первого взгляда горькой, преданной любовью. Стихи сборника «Даяньхэ» (1936) — тревога и боль, чувства, долгие годы не покидавшие поэта и его произведения, даже тогда, когда ворвались в них Солнце и Свет.

Летописью героизма народа в войне против японских захватчиков стали патриотические поэмы Ай Цина «К солнцу» (1938), «Он умер во второй раз» (1939), «Факел» (1940), сборники стихов «Север» (1939), «Весть о рассвете».

Тыл и фронт, вторая мировая война и битва с фашизмом нашли в поэзии Ай Цина правдивое и мужественное отображение. В 1942 г. он пишет поэму «Зоя», и с тех пор тема Советского Союза становится важной и необходимой в его творчестве. После победы китайской революции в 1949 г. Ай Цин воспевает новую жизнь родной страны, активно участвует в борьбе за мир, вдохновенно славит дружбу с первой страной победившего социализма (сборники «Радостный клич», 1953; «Рубиновые звезды», 1953; «Весна», 1956 и др.).

В 1958 г. Ай Цин внезапно умолк, как птица, подстреленная на лету; его заставили замолчать те же самые люди, которые отняли право на песню у многих других поэтов-интернационалистов Китая.

СОЛНЦЕ

Из-за веков, далеких, черных,
Из-за могил старинных,
Из-за вершин, давно уснувших,
Из-за потоков, несших смерть
Всему живому,
Подобно огненному диску,
Ко мне скатилось солнце.
Под этим ярким ореолом
Жизнь встрепенулась и возликовала,
И стали танцевать на ветках листья,
И с гимном за лучами устремились
Речные одичалые потоки.

И глубоко в земле,
Когда оно явилось —
Я это слышал! —
После долгой спячки
Зашевелились сонмы насекомых,
И разорвал безмолвье площадей
Народа голос.
Города,
Мигая электрическим огнем,
Гремя железом,
Звали солнце в гости.
В этот миг,
Будто рукой огня,
Отбросило, как старую одежду,
Мою истасканную, тлеющую душу,
И я поверил вновь
В возможность воскрешенья человека.

Весна 1937 г.

РАЗГОВОР С УГЛЕМ

— Ты где живешь?
— В тысячелетних склепах,
Под толщей гор тысячелетних.

— Ты очень стар?
— Прошедшими веками
Со мною не сравнится этот камень.

— Когда ты смолк?
— В тот час явилась взору
Медлительная туша динозавра
И в первый раз, развитье знаменуя,
Корежило кору земную.

— А ты не мертв?
— Живее нет меня!
Но только
Дайте мне огня!

Весна 1937 г.

ТАЧКА

В краю, где течет Хуанхэ,
По дну бесчисленных рек, пересохших уже давно,
Катится тачка вперед,
Издавая пронзительный скрип единственным колесом.
От этого скрипа дрожит темный небесный свод.
Резкий и острый звук пронзает мороз и тишь,
Он мечется, одичав, от горы до другой горы.
В этом звуке горе и стон
Северных наших мест.

В дни ледяных холодов,
Среди деревень-бедняков
Катится тачка вперед,
На серо-желтой земле
Оставляя глубокий след;

С тропы на другую тропу
Сквозь пустыри она
Катится и плетет
Замысловатый узор:
Горе и стон крестьян
Северных наших мест.

Начало 1938 г.

ЖЕНЩИНА ЧИНИТ ОДЕЖДУ...

Одежду чинит женщина прохожим,
Дорога пролегла у самых ног,
Платок покрыт песком, одежда тоже,
И над дорогой ветер да песок.

Ребенок плачет. Детских слез потоки
Так быстро высыхают жарким днем.
А женщина все думает о доме,
Дотла сожженном пушечным огнем.

Прохожим, молча, штопает одежду.
И больно ей и нечего сказать:
Уставились в корзинку безнадежно
Измученные детские глаза.

Впивается песок горячий в кожу,
Дорога задыхается в песке.
Носки заштопаны. Их вновь надел прохожий,
И зашагал, и скрылся вдалеке.

Февраль 1938 г.,
где-то у дороги Бэйпин — Ханькоу

НИЩИЕ

На Севере
Нищие бродят по берегам Хуанхэ,
Нищие бродят вдоль железной дороги.

На Севере
Нищие громко кричат,—
Невыносим их крик,—
О муках кричат.
Они бежали от пуль и от голода так худы,
Едва дотащились сюда из края беды,
Такого голодного:
Даже старик
Убивает в себе доброту и любовь,
Даже юный годами
Ненавидеть уже привык.

На Севере
Отовсюду глядят, неотрывно глядят на тебя
Просительно-требовательные глаза,
Глядят, как ты ешь
Или, сытый, в зубах ковыряешь.

На Севере
Нищий с протянутою рукой,
Замирает он в позе такой,
Черная эта рука
Протянута за медяком
К любому прохожему, даже к солдату,
У которого нет медяка.

Весна 1939 г., на Лунхайской дороге

УЛИЦА

...И я на этой улице бывал:
Здесь беженцев спасительный привал.
Беременная женщина, старик...
Смешение наречий, детский крик...

Здесь каждый день проходит в суете,
Грузовики везут сюда людей,
Бездомный люд, без школ ученики,
Солдаты без ноги или руки.

Всю улицу война перетрясла:
Лоткам, харчевням, лавкам нет числа,
Дом, что напротив,— госпиталь теперь,
Дверь в магазин — гостиничная дверь.

Однажды в нас вонзились сотни жал,
И городок от боли задрожал,
Его терзали черные крыла...
Всю улицу враги сожгли дотла...

Смотри! У дома крыша снесена,
И со стеной не связана стена,
Колодец, точно рот, обломками забит,
Черны стропила — этот дом убит.

Ослепли люди от беды такой.
Куда идти им, где найти покой?
Но вот соседку бывшую свою
В прохожей я случайно узнаю.

Она, рукой махнув издалека,
Пошла вперед, уверенно-легка.
Мою соседку долг и честь позвали —
В военной форме шла среди развалин.

Весна 1939 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПОХОД

До рассвета поднялись —
Высоко плыла луна,
Оставляла на стене
Тени длинные она.

До рассвета поднялись —
И сверкали, далеки,
Звезды в темных небесах,
Золотые огоньки.

О китайский городок
Под сияющей луной,
Как прекрасен ты и мил,
Убаюкан тишиной.

Ни повозок, ни телег,
Ни ослов и ни людей...
Только мы в пути поем
Марш о родине своей.

Речку с ходу перешли,
Ношу чувствует спина,
Птицы тоже стали петь,
Пробудившись ото сна.

МОСТЫ

У человека на пути вода была, как рок,
Она вонзалась, точно нож, в тела земных дорог.
Но человек ее взнуздал смекалкой и трудом —
И в первый раз вода прошла под вздыбленным мостом.

Мосты — любовь дорог и рек, любовь земли к земле;
Здесь пароход трубит привет телеге с ездоком;
Здесь место, где кричат «прощай» в рассветной полумгле
Те, кто на лодке поплывет и кто пойдет пешком.

Осень 1939 г.

ДЕРЕВЬЯ

Стоят два дерева года,
Но друг от друга в отдаленье,
Соединяет на мгновенье
Их только ветер иногда.

Деревья будто незнакомы,
Но под землей, в кромешной мгле,
В тугой клубок сплелись их корни,
Невидимые на земле.

Весна 1940 г.

НОША

Посторонитесь пожалуйста
Взойдите на тротуар
Позвольте нам их поднять
Не толпитесь пожалуйста

Не стойте на мостовой
Позвольте нам их поднять
Не шумите пожалуйста
Молчаньем выразим боль
Позвольте нам их поднять

Это женщина
Ее грудь разорвал осколок
Позвольте закрыть ей глаза
Позвольте внести ее в отчий дом
Где поселятся слезы и гнев

Это солдат
Он службу исправно нес
На форме его сохранились знаки
Вы его знали?
Серым стало его лицо плечу горячо
Осколок горячий впился в плечо
Посторонитесь пожалуйста
Прошу вас скорбите о нем
Он искалечен навечно
Чтоб среди вас
Меньше было бы искалеченных
   Посторонитесь пожалуйста
   Их еще много
   Раненых из военного госпиталя
   Они сражались каждый из них герой
   Их сюда привезли на излечение
   Они хотели вернуться в строй
   К месту своего назначения
   Дело свое летчик бесстыжий знает
   К ранам госпиталя
         свежая рана сквозная

Посторонитесь пожалуйста
Позвольте нам их поднять
Не стойте на мостовой
Носилки носилки сюда
Осколки в каждой палате...

Не забывай никогда
О расплате...

11 июня 1940 г., Чунцин

СНЕГ ПАДАЕТ НА ЗЕМЛЮ КИТАЯ

Снег падает на землю Китая,
Холод сковывает Китай...

Ветер,
Словно измученная старуха,
Вытягивает ледяные пальцы,
Дергает за полу халата
И бормочет без устали
Старые как мир слова.

Китайский крестьянин
В кожаной шапке
Лесной дорогой
Тащится в старой телеге,
Снег не пугает его.
— Кто ты?
Послушай:
Я тоже крестьянский потомок —
В глубоких морщинах лица твоего
Я горькую повесть читаю
О жизни на этой равнине.

Но я не счастливее вас.
Я тоже свалился
В реку по имени «Время»,
Волны перекатываются через голову,
Желая меня поглотить.

В скитаньях, в тюрьме
Юности драгоценные годы
Ушли,
И судьба моя, как и ваша,
Печальна.

Снег падает на землю Китая,
Холод сковывает Китай...

Вдоль реки, снежною ночью
Движется свет фонаря —
Черный изодранный парус,
Человек с опущенным вниз лицом.
Кто это?

— А, это ты!
Молодая женщина с распущенными волосами

И грязным лицом,
Твой дом —
Счастливый и теплый очаг —
Сжег враг?
И ты потеряла
Опору мужской руки
И в муках уже испытала,
Что такое вражеские штыки?

В эти морозные дни и ночи
Старые матери наши,
Скорчившись, стонут
Где-то в чужих углах,
Далеко их судьба занесла!
Будто они иноземцы
На каких-то маршрутах страны...
А дороги Китая,
Вы же знаете,
Так ухабисты и грязны.

Снег падает на землю Китая,
Холод сковывает Китай...

Сигнальным огнем
Сжевапы снежные ночи равнин,

Пахари лишились скота,
И земля у них отнята,—
Сгрудились
В грязном тупике
Безнадежности;
Большая земля неурожайного года
К темному небу
В мольбе
Протягивает дрожащие руки.

Муки и беды Китая
Огромны и бесконечны, как снежная ночь!
Снег падает на землю Китая,
Холод сковывает Китай...

Китай,
Написанные в ночи,
Без единого огонька,
Смогут ли слабые строки мои
Хоть немного тебя согреть?

Ночью 28 декабря 1937 г.

УЛЫБКА

Я археологу не верю,
Предположим,
Среди руин, где некогда торжествовала жизнь,
Спустя столетья и тысячелетья
Он раскопает жалкие останки,
Мои останки,
Неужели он
Определит, что в этом древнем хламе
В двадцатом веке бушевало пламя?

А разве сможет он
Найти в земных глубинах
Вобравшие в себя страдание людское
Слезинки тех, кто жертвовал собою?
К слезинкам тем заказаны пути;

Они укрыты за стеной железной,
Но ключ к железной двери не потерян,
Герои жаждали дойти до этой двери
И падали — их было много, павших,—
И умирали на штыках
У входа к той заветной цели.

О, если бы, пытливый археолог,
Ты мог бы эти слезы обнаружить
И рядом с ними бросить горсть жемчужин,
Извлеченных из глубины морей,—
Жемчужину затмили б слезы эти,
Сверкающие сквозь тысячелетья.
И мы распяты на кресте
Двадцатого столетья,
И наши муки
Не менее мучительны, чем муки
Распятого из Назарета.

Рука врага на нас надела
Венец терновый,
С проколотого бледного чела
Стекали капли алой крови,
Но мы еще ни разу не сказали
О ярости, бушующей в груди,—
Последнее мы не сказали слово!

Конечно, мы не станем обольщаться.
Сбываются надежды, только редко.
Но мы себя грядущему вверяем —
Потомки вспомнят нас,
Как ныне
Мы вспоминаем наших предков,
Вступивших в схватку с дикими зверями.
И по лицу далекого потомка
Спокойная улыбка пробежит,
Спокойная и долгая улыбка —
Я готов
Идти на смерть:
Провижу ту улыбку.

8 мая 1937 г.

Я ЛЮБЛЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ

Будь я птицей —
Я пел бы надрывно
О земле, иссеченной дождями,
О рокочущем гневно потоке,
О без устали дующем ветре,
О лесных несравненных рассветах,
А потом бы я умер от песни,
И истлели бы перья в земле.

Почему на глазах моих слезы?
Эту землю люблю я безмерно...

17 ноября 1938 г.

Тянь Цзянь

(род. в 1916 г.)

Имя Тянь Цзяня стало известно в литературе с выходом его сборника «Еще нет рассвета» (1935), в котором он описал «родину без улыбок». Вопреки «нахмуренным бровям кровавой весны», «улицам без солнца», по которым бегают бродячие собаки, «раскрывая голодную пасть: тысячи лет в ней не было пищи»,— вопреки всему этому от книги «Еще нет рассвета» веяло оптимизмом, здоровьем, ожиданием перемен:

Юности пламя
Сердце сжигает —
Молоды вечно.
В гимне поэта
Льется, бушует
Радость свободы.

В 1936 г. Тянь Цзянь пишет поэму «Китай. Деревенская история». В ней нет повествования о конкретном событии; то, о чем говорится, скорее, не событие, а состояние — «голод крестьянских дворов». В поэме рассказывается о том, как крестьяне восстают против тех, кто пытается увековечить нищенскую жизнь деревни:

Крестьяне
Китая
Сегодня
Сдвинулись с места,
Как лес.

Напряженность некоторых строк поэмы была столь высока, что они походили на крик, отмечал один из критиков.

Тянь Цзянь готов «подарить жизнь» «бунтующему миру»,

готов к испытаниям, выпавшим на долю его народа. С первых дней войны Сопротивления он — активный солдат. Выходят в свет его патриотические, широко известные в Китае поэмы «Тем, кто сражается» (1933), «Ее песня» (1938), короткие боевые «стихи для улицы» (цзетоуши), отличающиеся политической целеустремленностью и большой мобилизующей силой.

Китайские критики не однажды писали о влиянии на творчество Тянь Цзяня в целом и на «стихи для улицы» поэзии В. Маяковского, и прежде всего «Окон РОСТА». Влияние это проявилось главным образом в нравственной позиции китайского поэта. В «Записной книжке» Тянь Цзяня сказано: «Будь смелее смелого солдата. Стань образцом коллективизма. Стань образцом самокритики. До самого смертного часа, всего себя до последней улыбки отдай народу. И если живые захотят воздвигнуть мне памятник, пусть им станет эта моя улыбка». И еще: «Я сын народа. Я лучше пожертвую собой, но не пожертвую народом и поэзией».

В 40-е годы Тянь Цзянь отправляется в деревню на партийную и просветительскую работу. В течение семи лет он участвует в преобразовании деревни, в кампании за снижение арендной платы и в проведении завершающего этапа аграрной реформы. Личные впечатления, наблюдения и встречи помогли Тянь Цзяню создать выдающуюся поэму «Возница» (1946), широко известную в Китае и за его пределами.

В 50-е и в начале 60-х годов Тянь Цзянь опубликовал еще несколько книг, в том числе новые главы «Возницы» (1961), но время было иное и песни иные; новые главы в художественном отношении сильно проигрывают по сравнению со старой поэмой и кажутся написанными другой рукой.

В 30—40-е годы, которым посвящен сборник, Тянь Цзянь заявил о себе как поэт оригинальный и самобытный, быть может, самый оригинальный поэт Китая новейшего времени. Его страстная, темпераментная поэзия покоряла воображение и сердца читателей. Стих Тянь Цзяня, лаконичный, экспрессивный, отрывочный, микрострока, состоящая из одного или двух слогов-иероглифов, не свойственная китайской поэзии, тревожный барабанный ритм — смелый отход от традиционных принципов и форм — зачастую ставили в тупик критиков, ошеломляли их своей новизной.

Но эксперименты Тянь Цзяня не были для него самоцелью, тем более что поэт умело использовал и традиционные формы, и формы и мелодии народных песен. Новации Тянь Цзяня всег-

да были подчинены единственной цели: «Я хочу, чтобы мои стихи стали оружием, оружием революции».

Поэт Вэнь И-до с полным основанием назвал Тянь Цзяня «барабанщиком эпохи». «Его стихи,— писал Вэнь И-до,— не похожи на чарующую музыку, которая уносит в мир иллюзий. Эти глухие удары барабана вдохновляют на любовь, заставляют ненавидеть, зовут жить со всем пылом и страстью на этой большой земле».

НОЧЬ НА РАВНИНЕ

Ночь,
Она пропитана ледяным холодом, запахом крови и нашей ненавистью. О ночь, жестокая декабрьская ночь!
Мы пробудились.
Наши руки, похожие на копья, рушат стену древности и ложе предков.
Мы поднялись, ночь!
Наш домашний очаг? Ночь! Наши матери и дети? Ночь!
Ночь торжественно опустила черный саван, за железными стенами тюрьмы она замуровала дыхание человека.
Наши лица... Они сделаны из воска.
Но у нас вновь рождаются красные мускулы, они напрягаются бешено, и слезы перестают течь из глаз.
Ночь:
тихо дрожат лучи фонаря, фонаря позора!

1934 г.

МЫ ЖИВЕМ В НОЧИ

Мы живем в ночи. Воспаленные глаза, лес рук, хриплое, тяжелое дыхание, волосы грязноватого цвета, и мы лежим, лежим...
Или тащимся по равнине, огромной, как скорбь, по равнине нашей Родины...

Сердца братьев подобны поездам. Если эти сердца
пустить по рельсам, то они, сердца, помчатся,
и двигателем их будет кровь, горячая, как огонь,
испепеляющая кровь.
Мы кричим в ночи:

Время! Руки братьев!
Братья, дышите теплом нашей борьбы.
Идите,
Впереди — спасение и жизнь!
И стреляйте —
В железный мрак!
В бурю!
В ночь!

1934 г.

ТРАУРНАЯ ПЕСНЯ НОЧИ

Долгая, долгая ночь!
Нам тяжело в черной ночи цвета тюремной камеры.
Разорвите мрак
и ладонями
Расшевелите гнев в сердцах крестьян.
Ночь:
тихо дрожат лучи фонаря, фонаря позора.

1934 г.

МЫ ВЕЧНО МОЛОДЫ

Юности пламя
Сердце сжигает —
Молоды вечно.

В гимне поэта
Льется, бушует
Радость свободы.

В хохоте грозном
Бодрость и сила,
А на ладонях
Из плоти и крови
Держим отвагу
Юной эпохи.

Мы существуем
В золоте света,
В зове народа —
Песня поэта!

ЭТОТ ДЕНЬ

Да будет днем рожденья этот день!
Воспаленные ноздри еще чуют запах убитой лошади,
Беззубые рты
Раскрываются в радостном смехе.

Солнце идет к закату, румяня лица,
Дышит прохладой тихий вечерний ветер,
Осенние листья,
Осенние облака
За рвом городским проплывают безмолвно.
На рукавах за долгие годы
Высохли кровь и пот.
Израненные руки висят как плети.

Верим, на линии фронта
Никто не спокоен,—
Да встрепенется долгая сонная жизнь!

ПЕСЕННЫЙ ГОД

Это песенный год.
Мой народ,
Изучай этот ритм,
О свободе строка говорит.

Я врываюсь в строку,
К свету, к солнцу зову,
И зубами я рву
Жалость в битве.

1936 г., Шанхай

* * *

Если мы не пойдем воевать,
Нам свободными не бывать!
Штыками проткнут нас незваные гости,
Еще и укажут на наши кости:
Смотрите,
            это рабы!

1938 г.

* * *

Вижу, тебе, господин, неприятен
Радостный смех его.
Пусть он смеется.
                        Ведь лучше смеха
На свете нет ничего.

* * *

Кто меня в беде предает,
Тот непременно умрет.
И на могиле его
Не вырастет ничего.
Цветы на могиле не будут цвести,
Трава на могиле не будет расти.

* * *

Свою любовь отдаю тому,
Кого храбрейшим зовет народ.
Выберу и поднесу ему
Самый чудесный плод!

* * *

Скоро наступит желанный рассвет.
Бойца, храбрее которого нет,
Самого первого
                    в утреннем дыме
Солнце обнимет
                        лучами своими.

1942 г.

НЕПРЕКЛОННЫЕ

Вражеский голос:
— В какой из ниш
Порох и ружья хранишь,
Где они, порох и ружья?

— Ищите, собаки, ночью и днем!
Вам не найти их!
В сердце моем
Спрятаны порох и ружья!

1943 г.

КОНОВОДУ

Для этих коней
Зерна не жалей,
Отборное им подай.
Ты должен понять:
Хозяин коня
Не ты и не я —
Китай!

* * *

Вставай на защиту! В бой иди!
Подлых карателей не щади!
Вырви сердце свое из груди.
Вырву и я,
вырвет и он,
Нас легион.
Сердце к сердцу — встанем стеной,
Несокрушимой, стальной.

1944 г.

СТАРИК ВОИН

Старик с седой бородой,
Борода у него длинна,
Носит ружье за спиной
С рассвета и дотемна.

Солнце взойдет,
Солнце зайдет —
Он караул несет
У ворот.

Тень от тощей фигуры
Кажется мне
Высеченной на стене.

Этот бедняк думает так:
«Меня обманывал всяк.
Больше я не хочу
Кланяться богачу».

1945 г.

НАД ТАЙЮАНЕМ...

Гость ночной постучался в мой дом,
Он говорил с трудом:
«Ай-яй! Тайюань в крови потонул!»
...Над Тайюанем, все небо закрыв,
Кружит воронье, гонимое ветром.
Но черных не видно крыл,
Они красного цвета.
Они красны, как огонь,
Как пламя пожара жаркое.
Спускается ночь,
И в ночи воронье
Пронзительно каркает...
«Это сон?»
Я не верил своим ушам.
«Я видел сам...
Сколько убитых в этом краю
И пролитой крови в городе этом!
Как же не быть воронью
Красного цвета?»

1945 г.,
окрестности Тайюаня

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРЕМЕНЫ»

Не бери никогда у врага табака,
Не проси никогда у врага медяка
И воды у него не бери ни глотка.

1946 г.

Есть книга книг, огромна и горька,
О горе и страданьях земляка.
Ее читает сын, читает сына сын
И не прочтет до старческих седин.

1946 г.

ИВА

Повешен на иве храбрый боец,
Другого под ивой скосил свинец.
Они, как братья, два бойца,
Кровью спаяны их сердца.
Ночь обнимает иву,
а в предрассветный час
Жители всей деревни
с ивы не сводят глаз.
На иве белый снежный покров,
Под ивой остывшая кровь.
Люди своими сердцами сильны.
Ивы корнями защищены.
Можно бойца убить,
Можно иву срубить.
Но вечно живы смелых сердца.
Но ивы цветенью нет конца.

1945 г.

Го Мо-жо
(род. в 1892 г.)

Творчество Го Мо-жо, поэта, прозаика, драматурга, хорошо известно советскому читателю. Переводы его стихотворений, пьес, критических и научных работ неоднократно издавались в периодической печати, в коллективных сборниках, выходили отдельными изданиями. В конце 50-х годов вышли в свет его «Сочинения в трех томах». Литературно-художественному творчеству Го Мо-жо посвящены соответствующие разделы работ о китайской литературе новейшего времени, а также специальные статьи и монографии.

Го Мо-жо — автор знаменитых «Богинь» (1921), наиболее значительной поэтической книги периода «4 мая». В ней ярко проявились общие для китайской романтической поэзии тенденции синтеза традиционного и новаторского, классического и современного, китайского и западноевропейского. Го Мо-жо соединил воедино эпос и лирику, поэзию и прозу. Центральными произведениями сборника были пьесы в стихах «Второе рождение богинь» и «Нирвана фениксов», где автор выражает убежденность в победе сил разума и света.

Поэзия Го Мо-жо дохнула свежим ветром, вызывая восторг молодежи необычностью, страстностью, буйством красок. Она звала к иным берегам, страшная отдаленность которых вскоре станет ощутимой и для поэта, и для его читателей. Не случайно в последующем сборнике «Звездное пространство» (1923) мотивы разочарования зазвучали вдруг в стихах поэта с необычайной силой.

После «Звездного пространства» Го Мо-жо издает «Вазу» (1927), «Знак авангарда» (1928), «Возвращение к жизни» (1928) и другие произведения.

В нашей книге представлены переводы стихотворений Го Мо-жо 30—40-х годов (сборники «Голос войны», «Цикады»

и др.) — трудных лет борьбы китайского народа против японского империализма и величайшей битвы прогрессивных сил мира во главе с Советским Союзом против германского фашизма.

Свидетельства Го Мо-жо, известного литератора Китая, относящиеся к тому периоду, весьма красноречиво опровергают самого Го Мо-жо: поэт, внесший славный вклад в китайскую поэзию 20—40-х годов, в 1966 г. публично отрекся от всего сделанного им ранее в литературе и науке.

«МЭНЬ»

О «мэнь!» *
Я рад, что в языке живешь ты с нами рядом,—
Как будто с правдой я встречаюсь взглядом.
Тебя писали знаком «мэй» ** в юаньской драме.
Пожалуй, с той поры ты и сдружилось с нами.
Но в языке литературном
С тобою поступали дурно
И гнали прочь.
А вместо
Под кистью образованных мужей
Слова иные возникали:
«Бэй» или «чжилэй» ***.
С тобой давно знакомы массы, но вначале
В тебе влекущей новизны они не замечали.
И сам я потрясен, стоит у горла ком:
Я сорок лет с тобою был знаком,
Но лишь в сентябрьский день тридцать шестого года
По-настоящему узнал твою природу!
О «мэнь», родное «мэнь»!
Ты — коллективной мощи символ.
Тебя произнося, сжимаю губы сильно.
Ты пробуждаешь скрытых сил заряд.
И точно магма рвется в мир сквозь ребра.

---

* «Мэнь» — суффикс множественного числа в китайском разговорном языке. Ниже дана транскрипция этого суффикса латинскими буквами.

** «Мэй» — суффикс множественного числа, употреблявшийся в прошлом вместо «мэнь».

*** «Бэй», «чжилэй» — грамматические слова в литературном языке вэньянь, непонятном на слух.

Одежда новая на европейский лад,
Что на плечах твоих,—
Она тебе удобна.
«Мэ»!
«Мэ»!
«Мэ»!
«Мэ»!
Не в дружбе разве ты с великими словами «Маркс» и «Ленин»?
С тобой ли не в родстве Микеланджело и Бетховен?
Ты — альфа и омега поколений,
Вступление и резюме,
Простое наше слово —
Ума и мудрости живое торжество,
Столь сильное зарядом чувства.
И простота и ультраколдовство,
Чудесной магии искусство.
Когда бываю одинок, с друзьями расставаясь,
Мне стоит заключить тебя в свои объятья,—
И в голове рождаются слова,—
Не я, не брат, не друг и не товарищ,
А мы, товарищи, друзья и братья...
И мужество растет, и, грозный силой слов,
Готов разить я тысячу врагов.
Когда меня сжигает гнева пламя,
Враг пред моими мечется глазами,
Всяк, кто на светлый посягает мир,—
Шпион, лакей, изменник и вампир,
Культуры человеческой громила —
Их всех в единый стан объединило.
Я возмущен, что и тебе, родное слово,
Насильники на горло встать готовы!
А силу возмущенья ты дало,
И я к тебе приник,
Растущих сил неисчерпаемый родник!
О «мэнь»! Родное «мэнь»!
Я рад, что в языке живешь ты с нами рядом,
Как будто —
Это так! —
Встречаюсь с правдой взглядом.
Хочу с тобою стать единым сплавом
На длительные сроки.
Не допущу, чтоб «я» мое

Хотя бы день осталось одиноким.
И верю —
Вскоре этот час придет,
Сметем насилие, что так тебя гнетет.

18 сентября 1936 г.

ПАМЯТИ ГОРЬКОГО

1.

Нынче солнце черным занавесило,
Кажется светило неживым.
О кончине Горького известие
К нам пришло по нитям дождевым.

Июнь. Москва. Вчера скончался Горький.
Этот день запомнили сердца.
Революционная литература
Потеряла своего отца.

Улыбаться солнце нынче вправе ли?
Нет, оно скрывается вдали
И скорбит в своем всесветном трауре

2.
По титану, гордости земли.
Но вскоре пала темная завеса,
И солнце снова улыбнулось нам.
И я в его прекрасном, добром блеске
Нетленный образ Горького узнал.

Слова должны, как молот, быть весомы,
Острей серпа должна быть наша речь.
И кровь и жизнь — отдать готовы всё мы,
Чтоб Горького наследие сберечь!

1936 г.

ПРЕЛЮДИЯ

Грохочут раскаты народной войны,
Песня, звучи как предвестник!
Вражьи орудия заглушены
Звонкою силой песни.

Победа за нами. Мы к ней идем.
Решимость скрепила роты.
Мы под ударами авиабомб
Вырвем лучи свободы.

Грохочут раскаты народной войны,
Песня, звучи как предвестник!
Вражьи орудия заглушены
Звонкою силой песни.

Август 1937 г., Шанхай

ГОЛОС ВОЙНЫ

Когда тот голос напряжен,
Ты полон силы, друг;
Когда ослабевает он —
Ослабевает дух.
То напряженней, то слабей
Тот голос — знак судьбы.
Хозяевами станем мы,
Вчерашние рабы.

Вставай и знай: ничтожна жизнь,
Когда, чтоб быть живым,
Теряешь принципы и честь.
Идя путем кривым.

Стремленье к миру — вот черта
Людей моей страны.
Но матерь мира — помни, друг,—
Огонь и дым войны.

20 августа 1937 г.

СЛАВА СОВЕТСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Книга новой истории, новой судьбы
   четверть века назад счет годам повела.
Ты сжигаешь себя в самом пекле борьбы,
   но, как феникс, ты вечно жива и светла.

И души твоей пламенной жертвенный дух
   изумлял человечество тысячи раз!
Героизм не удел одного или двух —
   это общая воля трудящихся масс.

Ленинград, Сталинград... Ты хранила страну,
   как титан, ты сражалась в боях под Москвой.
Сотни тысяч нацистов на Тихом Дону
   путь бесславный и черный окончили свой.

Самолеты и танки — трофеи побед,
   точно горка картофеля — пленных толпа:
Рядовые, фельдмаршал, генералитет,
   но теперь эта сила нема и слепа.

Превращений таких мир еще не видал:
   не унять ему, пленному, жалкую дрожь,—
Бывший бравый эсэсовец, зверь-генерал,
   не на воина, нет, на лягушку похож!

Сколько в этом иронии! Это сильней,
   чем «диктатор», что Чаплином создан в кино.
Так вот «высшая раса» в огне батарей
   о своем «превосходстве» забыла давно.

И по небу Германии траурный след,
   похоронная музыка горькой вдовой,
И впервые за десять диктаторских лет
   сумасшедший ефрейтор поник головой.

Это ваша победа, советский народ,
   это наша победа, народы земли.
Красной Армии воин шагает вперед,
   чтобы люди свободу и мир обрели.

Но бандиты-нацисты, как загнанный зверь,
  отбиваются, смерть отдаляя свою.
Лишь ценою усилий и новых потерь,
  беспощадным огнем их сломаем в бою!

Касабланка, единого фронта поток,—
  гитлеризм разгромить, повернуть на Восток.
Уже ближе сиянье грядущих побед:
  только фронта второго пока еще нет!

Вся планета — гигантский театр войны:
  жизнь воюет со смертью, и бой их жесток.
И давно уже людям в дыму не видны,
  где он — Азии Запад, Европы Восток.

Если хочешь, чтоб не было плачущих вдов,
  чтобы сын не рыдал над убитым отцом,
Красной Армии дух, что на жертвы готов,
  пусть послужит для наших сердец образцом.

Поздравления наши звучат, как призыв:
  гордый жертвенный дух в нашем сердце взрастим!
В сорок третьем году Хуанхэ и Янцзы —
  поклянемся — мы тоже их освободим!

И в Пекине мы песню победы споем,
  ей Шанхай и Нанкин будут вторить вдвоем,
Через Желтое море помчится она,
  и покой обретет океана волна.

Четверть века назад книга новой судьбы
  счет годам повела — нет прекраснее дат!
В эту книгу страницы великой борьбы
  жаркой кровью вписал легендарный солдат.

Слава Армии Красной не знает границ;
  ты пример на века для народов и стран.
Перед духом твоим мы склоняемся ниц,
  справедливости воин, свободы титан!

1942 г., в День Красной Армии

МАТЬ КИТАЙЦА

Я лишилась сердца навсегда,
Солнце мне не шлет лучей с зенита;
Сын мой ранен, ранен, господа,
И любимый муж лежит убитый.

Но куда ведет преступный след,
Кто убийца, злобный и жестокий?
С Запада — бесшумный пистолет
И палач, рожденный на Востоке.

Запад — демократии простор?
Вздор!
А Восток на мирный дом похож?
Ложь!

Сколько юных пало в эти дни,
Не в бою от огненного шквала —
Умирали в кандалах они,
В темноте холодного подвала.

Мне слеза не застилает взор.
Мать китайца, женщина простая,
Я хочу убийцам дать отпор,
Я иду сражаться с волчьей стаей!

Июль 1946 г., Шанхай

ВНОВЬ НА РИФМЫ ЛУ СИНЯ ПИШУ СТИХИ, В КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮ СВОИ ДУМЫ

Пасть за идею пробил час —
Готов на смертный бой,

Хотя еще ведь не совсем
Белы мои виски.

Я тверд под знаменем борьбы.
Мне пятьдесят шестой.

Прошел я восемь тысяч *ли*,
Врага беря в тиски.

Я славлю время и народ,
Творца судьбы иной,

Для вас — рабочих и крестьян —
Весь жар моей строки.

Страна у северных границ
Ведет нас за собой,

И ветер куртку рвет с плеча,
И марши далеки.

18 ноября 1947 г.

Цзан Кэ-цзя
(род. в 1905 г.)

Цзан Кэ-цзя родился в деревне и до восемнадцати лет не покидал ее пределов. Он прекрасно знал деревенскую жизнь и долгие годы рассказывал о ней в стихах и поэмах. Недаром его называли крестьянским поэтом.

«Я все там знаю по-настоящему, как ребенок знает свою мать». В «Моей поэтической жизни» читаем: «Я видел, как крестьяне вырастают на земле, трудятся на земле, ложатся в землю. Я люблю их, плачу о них, меня охватывает беспокойство за их судьбу». О том же в стихах:

Вздыхаю о судьбе крестьянских сыновей,
Не знать мне радости,
Пока они в беде.

В 1934 г. вышел в свет первый сборник Цзан Кэ-цзя — «Клеймо», встретивший одобрение известных литераторов Мао Дуня, Вэнь И-до, Лао Шэ. «Среди нынешних молодых поэтов автор „Клейма", вероятно, один из самых талантливых» (Мао Дунь). Цитируя строки из стихотворения «Жизнь» («Стихи — не пустая забава, стихи — это жизнь»), Вэнь И-до в предисловии к сборнику замечает: «Да ведь это комментарий автора ко всей книге, ибо стихи Кэ-цзя действительно „жизнь", а не „пустая забава"». Как верно заметил китайский исследователь, Цзан Кэ-цзя никогда не занимался пустыми абстракциями; жизнь и поэзия были для него столь вещественны и осязаемы, что порой причиняли ему мучительную боль: «Боль мне выжгла на сердце клеймо!»; «песни, в которых смешаны слезы и кровь»,— писал литературовед Лю Шоу-сун.

Первые произведения поэта связаны с юношеской разочарованностью и смятением. Пройдет немного времени, и события общекитайского масштаба внесут в его поэзию мотивы сопротивления и борьбы.

Успех «Клейма» окрылил поэта. Один за другим выходят в свет сборники — «Преступные черные руки» (1934), «Канал» (1936), поэма «Автопортрет» (1936). В первом из них автор с сочувствием рисует образы людей из «темных закоулков старого общества». О поэме «Автопортрет» Цзан Кэ-цзя писал: «В заглавии написано „Автопортрет", но это не про меня, ибо жизнь каждого из нас связана с веком». Поэма охватывает годы революции — 1925—1927 — и последующие события. В сугубо реалистической манере, в форме лирического монолога автор ведет свой рассказ о милитаристских войнах, о многострадальной крестьянской судьбе.

Тематика предвоенных лет не ограничивалась, однако, «потерявшей надежду» деревней. В стихах Цзан Кэ-цзя — протест, гнев, горечь, которые обострились и усилились в годы войны против японских захватчиков. «Я славил солдат,— писал Цзан Кэ-цзя впоследствии, критикуя свои стихи первых военных лет,— но по-настоящему их не знал. Они лежали в окопах, а я стоял рядом с окопами». Пять лет провел Цзан Кэ-цзя в районе боевых действий, писал стихи, вел культурно-просветительскую работу (сборники «Походные песни», 1939; «Болото», 1939; поэма «Бутоны старого дерева», 1941). В 1942 г. он писал: «Я славил свет, оружием сатиры атаковал тьму; мне ясно была видна демаркационная линия правды и лжи, любви и ненависти».

Конец бурного пятилетия застал Цзан Кэ-цзя в Чунцине. Человек с войны, он обратился к темам жизни народа в условиях многолетних, непрекращающихся бедствий, вызванных войной. Он видел, в какую бездну завели страну гоминьдановские заправилы, и разоблачал их деяния в сатирических произведениях, вошедших в сборник «Нулевой градус жизни» (1947).

Однако же больше всего Цзан Кэ-цзя писал о жизни крестьян, о тихой, старой деревне и меньше — о деревне пробудившейся, идущей по зову коммунистов на борьбу. Он сам видел и отмечал эту односторонность в некоторых своих произведениях.

Поэт широко использовал в своих стихах ритмы, мелодии и образы народных песен. Его стихи просты, но эта простота — результат напряженного поэтического труда: «Я ставлю слово, как шахматную фигуру, каждый иероглиф отвечает своему назначению; небрежность, произвольность, бездумность недопустимы. Прослушай звучание слова, взгляни на его цвет, проникнись сокровенной его сутью, найди для него лишь ему принадлежащее место».

КЛЕЙМО

Я боюсь оглянуться назад,
«Жизнь — обман»,— говорю невпопад,
Боль мне выжгла на сердце клеймо,—
Что есть жизнь, сердце скажет само.

Я клеймо ощущаю нутром,
Жжет клеймо ядовитым огнем,
Вырывается песнь из огня,
Песнь о горе, согнувшем меня.

Эту боль я обязан терпеть,
Эту боль — преступление петь!
Ты живи, тугоух, толстокож,
Принимающий правду за ложь!

Пить всю горечь и видеть все зло —
Вот отныне мое ремесло.
Задыхаясь, я сердце возьму
И его над землей подниму.

1932 г.

ЗАРНИЦЫ

Ты называешь жизнь цветком в прекрасном летнем облаченье,
Однако жизнь назвать цветком — большое преувеличенье,
Цветком, что сорван миг назад во всем своем благоуханье,
Воображение одно — твои слова, твои мечтанья.

Возможно, скажет кто-нибудь, мол, это от непониманья,
Ведь даже тучи в небесах ты оставляешь без вниманья,
И, видя в воздухе стрекоз, застывших вдруг в оцепененье,
Не помышляя о беде, пройдешь без страха и сомненья.

Увы, никак не прокормить себя профессией старинной,
Торгует весело базар и женским телом и свининой;
От этих фактов не уйти, мир ими просто атакован,
А ты на все закрыл глаза: не вижу ничего такого!

Тебя никак я не могу причислить к юношам зеленым,
Но почему стремишься ты казаться неосведомленным,
Пытаясь истину сокрыть с какой-то целью неизвестной
И повторять на все лады, что все спокойно в Поднебесной?

Когда печется человек о благоденствии Китая,
Ты рубишь голову ему, его преступником считая;
Деяний смысл поймет любой, ты сам срываешь покрывало.
Огня в золе твоей души не будет, нет и не бывало.

Когда-нибудь наступит день, и ты, как все, уснешь навеки,
И тут вселенная твоя из-под твоей уйдет опеки.
И пламя вспыхнет на полях, и все вокруг воспламенится,
А ты воскликнешь: «Боже мой! Какие страшные зарницы!»

1932 г.

БЕССОННИЦА

Безмолвен грешный шум ночей,
Дни без сияния лучей,
А сердце, истекающее кровью,
Пылает ярко в глубине теней.

Произошла какая-то беда:
Беззвучно с неба падает вода,
И, за венком венок,
Бесцветные цветы
Куда-то устремились.
Но куда?

Июнь 1932 г.

ПЕСЧИНКА

Тебя уносит ветер вдаль, как прежде уносил,
И не тебе решать дано, как быть с твоей судьбой,
И о ненужности всего, бесплодной трате сил
Скорей забудь, как о пути, что избран был тобой.

С восхода солнца долгий день ты с ветром заодно,
Когда же станет над землей беззвездно и темно,
К травинке ты прильнешь щекой с надеждой и тоской,
Движенью тоже иногда необходим покой.

Март 1932 г.

КЛАДБИЩЕ

Неважно, были ли они
   знакомы или незнакомы,
Но жизнь ушла, и здесь они
   единой силою влекомы.
Не посторонние теперь,
   и нет в них чувства неприязни,
И лепестки с одних могил
   летят к соседним без боязни.

О славных подвигах былых
   вещает каменная стела,
Дабы прохожий прочитал
   все то, что высекли умело.

С годами мхом зарос весь текст
   и недоступен стал для чтенья,
Но тот, кому он посвящен,
   не выражает возмущенья.

А у иных ни слов, ни стел,
   лишь скромный холмик желтой глины,
Но в душах их печали нет
   от этой горестной картины.
Уж не нарочно ли они
   себя так просто схоронили?
Неужто, освобождены,
   они над миром воспарили?

Кричит веселый птичий хор
   в весенний день у изголовья,
Но неизменны навсегда
   недвижность лиц и губ безмолвье.
Сверчок стрекочет при луне,
   печали полно стрекотанье,
И все напрасно — ни слезы,
   ни звуков тихого рыданья.

Когда-то все, кто здесь лежит,
   на белом свете разно жили:
Те враждовали меж собой,
   а эти искренне дружили.
Теперь на их устах печать,
   печать земли на их могилах,
И даже будь у них слова —
   разжать уста они не в силах.

Май 1932 г.

БОГИНЯ УЛИЦЫ

Эти ножки так умелы и легки,
Будто ветра непрерывное кружение,
Запахи одежд ее тонки —
Одухотворенность и томление
(И ни слова никогда об утомлении).

У нее всегда в запасе словеса,
Вызывающие радость и волнение,
Взгляд ее, творящий чудеса,—
Жаждущим сердцам одушевление
(Но душа богини не для обозрения).

Горло девичье для песен рождено,
Ее песня бескорыстно людям отдана,
Ей великое умение дано,
Песни радости и горечи поет она
(Только собственные песни не поет она).

Одиночество ночное тяготит,
Лампа тускло освещает эти стены,
Память сердца все прошедшее хранит,—
И вздохнет богиня с горечью смиренной
(В этот миг она одна во всей вселенной).

В день Нового, 1933 года

СЕРДЦЕ ВОИНА

Бледнеет ночь во храме над рекой,
Мечтает воин, словно видит сны;
Подушка, меч и книга о войне,
При свете лампы нити седины.
Вдруг барабанный бой его увлек
(Звук деревянной рыбы все слышней) *,
В сиянье звезд перешагнул порог,
И ветер по кольчуге заструил.
Он ясно видел скачущих коней,
Он поднял меч и с криком принял бой...
Никто о нем не слышал с той поры,
И лишь река шумела по ночам.

11 января 1934 г., Циндао

---

* Деревянная рыба (му юй) — колотушка, имеющая форму рыбы, в которую ударяли во время совершения молитвы буддийские монахи.

ПЛЕТЬ

Башмак железный у осла
Отполирован добела,
Мешок холщовый на спине
Все тяжелей и тяжелей,
На сердце маета.

Хозяин плетью больно бьет,
Остановиться не дает,
Как будто за его спиной
Его хозяин держит плеть,
Такую же, как та.

1942 г.

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

Сын
Копошится в земле,
Отец
На земле проливает пот,
Дед
в земле уж который год.

НЕВЕДОМАЯ ЗВЕЗДА

Нет, не о лавровом венке
Мечтаю, не смыкая глаз;
Пусть всколыхнет моя строка,
Как вольный ветер, сердце масс.

Ты знаешь, друг,
Я дикий сын деревни,
Весенние поля,
Поля осенних дней —
Вот колыбель души моей.

Вздыхаю о судьбе крестьянских сыновей,
Не знать мне радости,
Пока они в беде.
О, как ловка мотыга в их руках,
За взмахом взмах,
И сорной нет травы,

А добрый злак не клонит головы.
Люблю крестьянский труд.
Люблю смотреть,
Как действует рабочий топором:
Вверх-вниз,
Как сердца четкий ритм.

Нависло время, как гора,
Из рук не выпущу пера:
Меня призванье не страшит —
«Инженер
человеческих душ».

Будь я неведомой звездой,
Светил бы тихо по ночам
И вел бы мир сквозь мрак ночной
Навстречу утренним лучам.

1942 г.

«НУЛЕВОЙ ГРАДУС ЖИЗНИ»

Прошлой ночью во время сильного снегопада погибло восемьсот детей.
Из газет

Восемьсот человеческих жизней
Заняли крошечный уголок
Колонки «Местные новости».
Ни имен, ни лет, ни места рожденья,
Ни слова о том, как погибли дети,—
Ни слова в газете.

Общественные новости подобного толка
Мелькнут пред глазами людей,
И только,
И быстро исчезнут,
Исторгнув два-три запоздалых вздоха.
Другое чтение уважает эпоха.
Идут описания красочными словами:
Изнасилована девушка,
Родился младенец с двумя головами,
Бандит изувечил жертву,
Паук с головой человека —
Драгоценные сенсации века...

Ваша смерть забыта,
Ваши жизни
Как бы вовсе не существовали,
«Человека» нежные побеги
Не смогли, не перезимовали,
Ваши жизни обществом забыты,
Голодом и холодом убиты.
Вы откуда?
Может быть, бежали
Вы с полей, где грохотали пушки?
Или вы покинули деревни,
Где земля давно уже бесплодна?
Может быть, с родителями вместе
Вы таили жалкую надежду
Вырвать жизнь у смерти здесь, в Шанхае,
В самом крупном городе Востока?

Вы затерялись в лабиринте улиц и зданий,
Ароматы чужих пиров проплывали у ваших лиц,
В рокоте города не слышно ваших стенаний,
Заржавела совесть в столице восточных столиц.
Ваших испачканных щек сторонились нарядные дамы,
Вид ваш шокировал господ благородного круга,
Ваши дрожащие голоса и тела
Редко вызывали состраданье,
Чаще — злобу и ругань.
Огромный Шанхай утеплен, светел,
Шанхай расставляет пиршественные столы.
Голодом и холодом настигнутые дети
Отступили, сдаваясь, в чернеющие углы.

Северо-западный ветер
Всю ночь завывал бессменно,
Снегом покрылась земля;
Ваши тела —
Восемьсот термометров —
Падали, падали постепенно,
Пока не дошли до нуля!
Умерли все, все восемьсот,
Будто такой был заранее уговор;
Не в силах отчаянье превозмочь,
Умерли в одну и ту же ночь!
Вы не сразу признали свое поражение,
Пытались бороться с голодом, стужею,
Но бедное ваше воображение
Не стало вашим оружием;
Нагие тела и души нагие
Сшибли с ног,
И они погибли.
В социальной среде,
Где люди едят людей,
Вы надеждами жили одними,
И стоило только упасть — никто уже вас не поднимет.

Ненавижу филантропическое «ах»!
Филантропы копаются в ваших телах.
Пусть каждому три чи * его земли,
Лежите там, где выжить не смогли!
Изобретатели парового отопления,
Взгляните на место преступления,
Владельцы рикш, вылезайте из коляски,
И здесь зубами от страха лязгайте,
Модные дамы, ступив сюда,
Вопите от горечи и стыда!
Пусть запах крови и тлена,
Пусть имена
Тех, кого бессмысленно утешать,
Мешают
          Шанхаю
                    дышать!

6 февраля 1947 г., Шанхай

---

* Чи — китайская мера длины, равная 0,32 м.

Бянь Чжи-линь
(род. в 1910 г.)

Каждой эпохе присущи свои ритмы; каждая эпоха рождает поэтов, способных передать словом и образом эти неповторимые ритмы. По мнению одних критиков, Бянь Чжи-линю удалось проникнуть мысленным взором в безмолвный мир духовной культуры и передать в стихотворной строке облик и голос времени. Другие критики видели в Бянь Чжи-лине певца Пекина, «монумента китайской культуры», но не бездушного монумента — одухотворенного, звучащего, во всем великолепии красок и форм. «Он любит древний город,— пишет Сюй Кай-юй, составитель и переводчик антологии китайской поэзии на английский язык,— он размышляет о тенях, которые откидывает дерево на пустынные улицы, о старике, бредущем в тени деревьев, о голосах уличных торговцев и о голубях, которые вечно кружатся над городской стеной. Его сердце бьется в унисон „с сердцем этого древнего города", и мечты его рядом „с мечтами древнего города"». Тот же автор замечает, что стихи Бянь Чжи-линя отнюдь «не задыхаются в пыли», «они дышат ясным и чистым воздухом».

Бянь Чжи-линь избегает масштабных тем и коллизий, значительное находит в малом. Поэт рассудочный, он смотрит на мир глазами исследователя; эмоции в его произведениях не слишком частые гости, но, когда они все же приходят, строки о море, реках и горах оживают и становятся похожими на живописные свитки танского времени.

Невысокого роста, с худыми, иногда небритыми щеками, в толстых очках, сдержанно-молчаливый, он работал в почти пустой комнате, единственным украшением которой, по рассказу очевидцев, были книги и карта на стене,— Бянь Чжи-линь являл собой классический тип старого китайского ученого. И тем не менее это был ученый нового времени. Он знал французских символистов, английских поэтов, упивался романами и рассказами Генри Джеймса и стихами Стивена Спендера, но всегда

писал своим, оригинальным языком, близким китайской литературной традиции, хотя в области формы был выдающимся новатором. Он один из создателей китайского сонета; именно он ввел в поэтический текст прием переноса и вслед за Сюй Чжи-мо утвердил парно-перекрестную систему рифмовки, чуждую китайской классической поэзии.

В 1929 г. Бянь Чжи-линь поступает в Пекинский университет, а в 1933 г., за несколько дней до выхода в свет первой книги стихов, завершив учебу, покидает его стены. В годы учебы Бянь Чжи-линя его произведения печатались в ежемесячнике общества «Новолуние», к которому он примыкал; почти все они потом вошли в «Избранные стихотворения „Новолуния"» (1931). До появления первого оригинального сборника Бянь Чжи-линь уже был известен как талантливый и тонкий переводчик. Его перу принадлежат переводы из Бодлера, Верлена, Малларме, Франсиса Жамма, Поля Валери, Элюара. Позднее он увлекался английской литературой, творчеством У. Б. Йитса, Т. С. Элиота, У. Одена.

По словам критика, «переводы Бянь Чжи-линя были знáком словесной его одаренности, они могли подвергнуть риску всю его жизнь как поэта». Но этого не произошло. Он стал поэтом, оставаясь теоретиком и практиком художественного перевода. Он сделал много для обогащения отечественной литературы и для расширения ее творческих взаимосвязей с литературами Запада.

Современники Бянь Чжи-линя называют его «настоящим мастером слова». В 30-е годы он издает сборники «Три осени» (1933), «Рыбий глаз» (1935), выдержавший четыре издания, стихи в коллективных «Садах Китая» (1936). В 1942 г. выходит в свет итоговая книга поэта — «Стихи за десять лет», где с особой четкостью стали видны художественная манера письма Бянь Чжи-линя и значительные его достижения как мастера стиха.

Историки китайской литературы 50-х годов без достаточных на то оснований писали о дурном влиянии Бянь Чжи-линя на читателей, считая «блистательную форму его стихов лишь красивым камуфляжем, прикрывающим ущербность содержания» (Ван Яо, Лю Шоу-сун). Действительно, поэзия Бянь Чжи-линя не находилась на магистральном направлении китайского революционного искусства, но гуманистическая устремленность поэта слишком очевидна, чтобы ее не замечать или пренебрегать ею.

ДЛИННОЕ — ЭТО...

Длинное — это косые бледные тени:
Сухого дерева тень одна,
Старика, опирающегося на палку,
Тень которой тоже длинна;
Тени на красной стене на закате,
Длинной стене, а над ней —
Голубое длинное небо,
Которого нет длинней.
Верю, старик, зимний день и дорогу
Ты ощущаешь как длинную нить.
Видишь, я подошел поближе,
Нам бы стоило поговорить.

Мы оба молчим, и бредут по дороге
Молчаливые люди и безмолвные тени.

ЗВУЧАЩАЯ ПЫЛЬ

Гость в зеленой одежде привычно нажал на звонок,
Он на сердце того, кто живет в этом доме, нажал.
Дикий гусь из Сибири сюда прилетел?
Или рыба из Желтого моря сюда приплыла?
«Ты на карту взгляни»,— мне мой друг на бумаге сказал,
И узнал я, куда его злая судьба занесла:
Просто черная точка примыкает к пунктирным штрихам.

А не будь так черна, будь она у него золотой,
И сиди я не здесь, на вершине Тайшаньской горы,

Я бы в лунную ночь одинокий приют разглядел,
Полустанок в степи, где так редко гудят поезда.
Я задумался вдруг над историей прежних веков,
На дорогу гляжу, древний путь на Сяньян * предо мной,
И как будто в тиши слышу цоканье быстрых копыт.

26 октября

ДИАЛОГ С МРАКОМ

— Вращаешь ты пустые жернова,
Твоя постель — увядшая трава
Иль Бодисатвы пыльный пьедестал.
А дальше что? Неужто не устал?
　— Действительно, ты прав. А дальше что?

— Был у дороги первый мой привал,
В заброшенном дворе я побывал,
Забрался в комнату, приблизился к стене,—
Куда теперь? Ты не подскажешь мне?
　— Действительно, вопрос: куда теперь?

СЕРДЦЕ ДРЕВНЕГО ГОРОДА

Ты слышишь звуки собственных шагов,
В восьмом часу безмолвствует базар
(Он считается сердцем этого древнего города).

Ничего удивительного, что лавочник дремлет,
Даже электрические лампочки потускнели.

Уже не привлекающий франтих
Токийских фирм, шанхайских мастерских
Скорбит на полках выцветший товар.

---

* Сяньян — столица Китая в период правления династии Цинь (221—207 гг. до н. э.), находится на территории нынешней провинции Шаньси.

Так может подумать забредший сюда чужеземец...

Вдруг раздались удары барабана,
Словно биение сердца этого древнего города.

27 октября, Баодин

ФРАГМЕНТ

На рощу с моста долго смотришь ты,
А с башни смотрят на тебя давно.

Украсила луна твое окно,
А ты украсил путника мечты.

Октябрь

ТРАВА НА СТЕНЕ

Пятно заката в пять часов,
Сиянье лампы в шесть часов,
День у иных людей таков:
То дремлют, то глядят на стену,
Трава растет и вянет постепенно...

19 октября

ТИШИНА

Деревенский мальчик тишины боится,
Он принес домой сверчка, с ним спокойно спится.
А когда у мальчика выросли усы,
В городе светящиеся он купил часы.

В детстве он завидовал травам на могиле:
Там веселые сверчки беззаботно жили.
Он внезапно умер три часа назад,
А часы все светятся, стрелки все скользят.

МАЛЬЧИК

Бродит мальчик, сейчас ему не до игры,
Он бормочет, что все надоело,
Подбирает он камни на склоне горы,
Нагибается то и дело
И швыряет находку бесцельно
В темнеющее ущелье.

И конечно, найдется такой чудак,
Милый мальчик, ни добрый, ни строгий,
Не любя и не гневаясь, просто так
Он тебя подберет на дороге
И швырнет, не терзаясь потерей,
В суету этой жизни серой.

БЕЗДЕЛЬНИК

Шел бездельник по улице предзакатной порой,
Поудобнее пальцы сцепив за спиной,
Молчаливо вышагивал, пальцы сцепив,
Приминая старательно мягкую пыль.

А в пыли было множество отпечатков шагов —
И носков удлиненных, и квадратных носков,
Чужд и скучен бездельнику люд деловой,
Он шагает с опущенной вниз головой.

Ха! Смотрите! Смотрите! Он идет налегке
И два грецких ореха трет, зажав в кулаке.
Трет и трет, полируя, обо всем позабыл...
Небо! Сколько же времени он напрасно сгубил!

КРЕДИТОРЫ

Я порядочно должен моим кредиторам.
Стук в ворота, пришел кредитор.
И второй постучался во двор.
Рассчитаться я должен с которым?
Вексель нагло смеется и смотрит с укором.
Ну и пусть!
Полюбуюсь луной, а ворота велю — на запор.

ХВАЛЮ ТОВАР

У ворот мальчишка слезы льот:
Мать не выпускает из ворот.
Я товар на улицу принес:
 — Хороша забава,
 Забава на славу...
Эх, опять я довел человека до слез.

Хэ Ци-фан
(1911 — 1977г.)

Поэтический путь Хэ Ци-фана начинается в 1931 г., когда из родной провинции Чжэцзян он отправляется в Пекинский университет изучать философию. Это было время серьезных волнений среди студенчества, вызванных вторжением японских милитаристов в Маньчжурию. Хэ Ци-фан присоединяется к товарищам, участвует в их собраниях, пишет стихи и литературные эссе. Творческая дружба Хэ Ци-фана, Бянь Чжи-линя и Ли Гуан-тяня помогает всем троим, и в 1936 г. они издают сборник «Сады Китая» («Хань юань»), названный так в честь примыкавшей к университету улицы.

Война разбросала друзей в разные стороны. Хэ Ци-фан переезжает в Яньань, центр Освобожденных районов Китая, и включается в активную поэтическую и литературно-организаторскую работу. Он преподает в Академии имени Лу Синя, изучает марксистско-ленинскую эстетику, пишет литературоведческие и критические статьи.

Первую свою книгу, «Пророчество», Хэ Ци-фан публикует в 1945 г., включив в нее стихи, написанные в 1931—1937 гг. Первоначально сборник назывался «Облака», во-первых, свидетельствует автор, потому, что так называлось последнее стихотворение сборника, а во-вторых, стихи действительно как бы парили в пустоте. «Я, как Бодлер, устами путника твердил: „Я люблю облака, люблю легкие облака", но я увидел крестьян без земли, города и деревни, и решенье пришло само: „Всем сердцем тянусь к простой крыше из тростника и не люблю облака и луну, и звезды я не люблю"».

И далее: «До войны Сопротивления, когда я писал „Облака", я жаждал самовыражения, жаждал высказать чувства свои, ощущения, иллюзии. Реальная жизнь помогла мне понять, что человек не имеет права на слепоту, он не может и не должен думать только о себе, и я стал отрицать так назы-

ваемое „искусство для искусства"». Эстетика поэта в «Пророчестве» действительно находилась под воздействием китайских декадентов, однако же и в те годы в его произведениях мы ощущаем тревогу за судьбу своего поколения и веру в грядущее обновление.

Стихи, написанные в годы войны, собраны в сборнике «Песни ночи» (1945), который в 1950 г. был переиздан, а в 1952 и 1953 гг. в несколько переработанном и дополненном виде дважды издавался под новым названием — «Песни ночи и песни дня». После выхода книги критика, как, впрочем, и сам автор, констатировала отход Хэ Ци-фана от концепции «чистого искусства» и выявила в книге следы борьбы «старого с новым в мировоззрении поэта», «чувства интеллигента,— как формулировал литературовед Лю Шоу-сун,— который, встав в революционные ряды, еще не нашел настоящего контакта с массами рабочих, крестьян и солдат».

Переводы стихотворений Хэ Ци-фана в настоящем сборнике позволят читателям в какой-то степени составить собственное мнение на этот счет и убедиться в относительности такой оценки.

РАДОСТЬ

Какого цвета радость — белого, как голубь,
Или, как клюв попугая, красного иногда?
Звучит ли она, как флейта, или как просо в поле,
Или слышится радость, как льющаяся вода?

Схвачу ли ее рукою, как теплую руку друга,
Или поймаю нежданно, как любящий нежный взгляд?
Можно ли рядом с нею вдруг задрожать от испуга
Или, как в миг печали, плакать с душою в лад?

Откуда она, эта радость? Как появляется в мире?
Она светлячком летает в сумраке тусклом лесов?
Приходит ли радость запахом алой розы?
Звучит колокольчик в ритме ее шагов?

Сердце, как глаз слепого, не ведает радости.
Жаль.
Не похожа ли радость
На горечь мою и печаль?

Между 1931—1933 гг., Бэйпин

ПОД ЛУНОЙ

В эту ночь мечты серебрятся,
Как крылья белого голубя,
Как лотос, блеснувший на темной воде,
Как осени звук —

Он в стеклянных рождается листьях утуна
И плывет к черепице, от инея белой.
Но, Мэй-мэй, там, где ты, вдалеке,
Тоже лунная зыбь серебрится?
Не замерала ль она
И не стала ли холодом звонким?
Ведь тогда мой кораблик-мечта
Не вплывет даже с ветром попутным
В ледяную застывшую ночь.

Между 1931—1933 гг.

ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

Наверно, в эти мгновенья
В озере пенятся черные волны,
Проносится ветер над крышами
С черепицей серой и желтой,
На улицах пыль кружится,
Как колесо. За городом
Телега с мулом
Остановилась на полдороге,
Кругом — ни души.
Четыре стены делают меня одиноким —
Сегодня в волнах песка и ветра
Они мне кажутся толще.

Ночью северный ветер шумел, как прибой,
Раскачивая мой домишко,
Как лодку. Спутник моего одиночества,
Ты не устал от долгого странствия?
Мы отправимся в тропики
И обратимся в растения:
Ты станешь вечнозеленой лианой,
Я — липой огромной.

Сумерки. Зажигаю лампу.
И открываю книгу,
И открываю память, словно шкатулку.

Между 1933—1935 гг.

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

Гомон уличный отхлынул,
Словно море в час отлива,
И под каждой серой крышей
Мирно люди почивают.

Вот последнюю телегу
Поглотила тьма ночная.

У резных ворот дворцовых
Спят рабочие на плитах,
На холодных твердых плитах.

Ночью кто-то встрепенулся
И ногой толкнул соседа:
Мол, почудился спросонок
Чей-то плач, как будто рядом,
За дворцовыми стенами,
В опустевшем темном зале,
Или в башне, где ночуют
Часто шумные вороны.
А сосед, услышав новость,
Вспоминает про другое:
Говорят, однажды ночью
На глазах сверкнули слезы
Вдруг у каменного льва...
Ветер вдаль уносит вздохи,
И на городской стене
Треплет он траву сухую.

Между 1933—1935 гг., Бэйпин

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Зажженная в безмолвии свеча,
Из сердца вырывающийся стон —
Эпоха похорон.

Лорд Байрон бросил дерзкие слова:
«Их бог, их цель, их радость в дни невзгод,
Их жизнь и смерть — доход, доход, доход!» *

* Из поэмы «Бронзовый век», пер. В. Луговского.

Задумал де Нерваль* для эпатажа
Водить на ленте краба даже!
Душе смятенной ничего не жаль,
Повесился в отеле де Нерваль.
И вену ножом перерезал
Последний поэт деревни.

Я больше петь не стану о любви,
Как в летний день поет цикада.

Метафоры, бумажные цветы,
Эпитетов пяток для красоты,—
Что им дано?
Быть может, только раз
Сухой тот хворост вспыхнул и погас!
Беззвучно шелковичный червь грызет листы
И в кокон превращается.
Зима.

Печальная процессия длинна:
Я на своих похоронах,
Я хороню себя (по мифу нам знакомо),
Как зубы хоронили у дракона:
От тех зубов другие поколенья
Рождались для взаимоистребленья,
Бросались в битву, погибали в ней же,
А побеждал в бою сильнейший.

8 ноября 1936 г.

ПЕЙ!

Тем, кто нежно поет...

Пей! Пей!
Счастливее хмельных на свете нет:
Они владыки неба и планет.

---

* Жерар де Нерваль (1808—1855) — французский поэт.

Но если алкоголь, и книги,
И губы, на которых мед,
Не спрячут горести людские,
И если пьяным сам поймет,
Что он не пьян, навеселе немного,
Что скоро будет трезв, как день —
Неужто он пойдет по жизни,
Счастливый, в шляпе набекрень?

Холодный ветер.
Мухи тщетно бьются
О бумагу равнодушного окна,
Мечтая об арбузных сладких корках,
О неподвижном мертвом теле,
О пустоте, где пустота одна.
. . . .
В конце моей сатиры-осмеянья
Я был наказан собственным стыдом:
«Позволь, позволь, бесславное жужжанье,
Ты сам похож на муху под окном!»
Неужто по-мушиному пою?
Пусть мухобойка
На голову обрушится мою!

Между 1936—1937 гг.

ПЕСНЯ НОЧИ

Мой мозг — как бы раскрытое окно,
Идеи — облака,
Плывущие ко мне издалека...

Сияет в мае солнце с вышины,
А ночью нас пленяет свет луны.
Я не могу, как тот аббат
В рассказе Мопассана,
В часы, когда все люди спят,
Бродить и думать неустанно:
«Ведь если богом ночь дана для сна,
Кому сияют звезды и луна?

Коль люди спят, скажите, для кого
Пленительное это волшебство?»

Я не могу тебе подобно, Шелли,
Принять чудесный облик Ариеля
И полететь, как дух бесплотный.
Я не могу, как ты, сидеть у моря,
Вздыхая, говорить ему о горе:
«Тяжела голова у меня,
и все тело устало,
И не жизнь меня движет,
хоть движется тело мое» *.

Я не могу так просто о любви:
«Пробудился от грез по тебе».
Я не могу, с постели встав едва,
Бежать в леса, где плачут дерева,
И плакать с ними, будто в них жива
Прекрасная и нежная душа.
В безделье будто целый день,
А ночью засыпаешь на лугу,—
И так я не могу...

«Однако же, товарищ Хэ Ци-фан,
Природу ты отнес на задний план,
Тогда ответь, кому в угоду
Ты так прекрасно описал природу?»
Да, эту тему я слегка затрону:
Природа есть, но только ради фона.
Бывает, Шелли, от тебя не скрою,
Гуляя в поле или под горою,
Сорву цветок и где-нибудь пристрою
На куртке,—
Так ведь повелось от века,
Но более всего люблю я человека.

Теперь хочу на тему о войне.
Она идет, и мир горит в огне.
Граница Франции,
На ней сошлись войска,

* Стихотворение «Усталость», пер. Бальмонта.

Скрежещут танки прямо у виска.
Прочь руки, палачи людей!
И ты, Италия, прочь руки!
Нависает тень —
Ваш поезд мчится прямо в Судный день!
О, сколько юношей живых,
Умов глубоких, огневых,
О, сколько славных и простых людей
Могли бы жить, трудиться на земле
Для наших дней и для грядущих дней!
Они забиты и угнетены
Железной поступью войны.
Я так хочу людей обнять.
Не плачу я, я жизнь хочу понять.
Я знаю, пробуждается народ,
И превращенье вдруг произойдет
С империалистической войной,
И стихнет бой,
И, смерть поправ, поднимутся над злобой
И новый мир, и новая Европа.

О Ленине хочу поговорить.
Я видел Ленина.
Он был в кругу детей,
По голове он гладил малыша:
«Их жизнь,— сказал он,— будет хороша!»
Я видел Ленина. Сидел он у окна
И озабоченно писал письмо
Товарищу, которому весьма
Была нужна энергия письма.
Мне кажется, ко мне пришло домой
Написанное Лениным письмо.
Я будто слышу ленинскую речь:
«Надо мечтать!»
Вот почему я радостно мечтаю
И самого себя безмерно уважаю,
Но, уважая и любя,
Мучительно хочу преодолеть
В себе себя!

20 мая 1940 г.

* * *

Кто говорит: мы небо не открыли?
У нас растут воображенья крылья.

Известно, человек построил корабли,
В кабине оторвался от земли,—
Машины нам сейчас нужны в бою!..

Я вижу жизнь грядущую мою,
И мне легко шагается в строю.

Воображенье близких мне вернет
(В разлуке мы уже который год),

Преподнесет мотыгу поутру,
И барабан, и книгу, и пилу.

1942 г.

ОСЛИК

Я увидел ослика-малютку,
Он скакал от самого порога.
Под его копытцами лужайкой
Показалась пыльная дорога.
Не был он поклажею придавлен,
И спина покамест не болела;
Он увидел мир совсем недавно,
И скакал, и несся ошалело,
Шевеля предлинными ушами,
Радуя меня и потешая.

1942 г.

Ли Гуан-тянь
(род. в 1907 г.)

Ли Гуан-тянь писал простые, искренние стихи, в которых неизменно ощущается глубокая привязанность поэта к земле, к деревне, к крестьянскому быту и труду. Детство его прошло в деревне провинции Шаньдун в постоянном общении с дядей, человеком неразговорчивым и мудрым, не понаслышке знающим весомость зерна неурожайного года. Отец Ли Гуан-тяня, большой любитель абстрактных философских рассуждений, поэзии Тао Юань-мина и доброго вина, восхищал своего сына, но воспитал поэта дядя; он-то и привил своему племяннику любовь и уважение к родной земле. В стихотворении «Сын земли» Ли Гуан-тянь писал:

Я родился на этой земле,
Я вышел из этих полей,
Любимая мать-Земля,
Я один из твоих сыновей.

Поэт говорит о своих земляках, так несправедливо неустроенных в жизни, с грустью или с внезапно вспыхнувшей радостью, если узнает, что кому-то из них повезло. Ли Гуан-тянь любит поле, птиц, насекомых, запахи озерной воды — все то, к чему привык и что полюбил с детства.

В 1936 г. совместно с Хэ Ци-фаном и Бянь Чжи-линем он издает сборник «Сады Китая». В том же году публикует два сборника эссе, утвердивших за ним репутацию незаурядного стилиста.

В 1937 г. Ли Гуан-тянь, как и его друзья-поэты, вынужден оставить занятия в университете и покинуть столицу. В годы скитаний он многое увидел и понял. Жестокую боль причинили ему, писал он в 1941 г., картины крайней бедности и невежества крестьян, многие из которых даже не знали, что Шань-

дун находится в Китае и что он, Ли Гуан-тянь, и его товарищи тоже китайцы, хотя все они говорили на одном языке.

Столь мучительны были для Ли Гуан-тяня эти открытия, что он решил не заниматься более поэзией, описанием луны или вечнозеленых сосен. Ли Гуан-тянь был легко раним, чужую боль воспринимал как собственную. Он писал о незначительном и заурядном, но самое заурядное согревалось теплом его лиризма и становилось значительным. Стоило ему, например, в незнакомом городке услышать звуки флейты, чем-то напоминающие ему далекую родину, как тотчас душа его откликалась на зов:

Пела грустная флейта в ночном городке,
Мой внезапно покой возмутив:
Далеко-далеко от родной стороны
Я услышал знакомый мотив.

И душа встрепенулась. Я вспомнил в тоске
Не отца и не мать в этот миг —
Вспомнил крошечный пруд в неприметном саду
И колеблемый ветром тростник.

Это было поэтично и традиционно.

ПЕРВЫЙ ПЕРЕГОН

Вдаль и вдаль шагать по рельсам,
До конца шагать по рельсам,—
Есть ли в том резон?

Я ведь тоже, как вагон,
Мчусь, мечтами нагружен.

Но хорош ли мой товар, не известно никому,
Только тихому пруду, только небу одному.

Всем известно, я не спорю,
Рельсы кончатся у моря,
Но, по правде говоря,
Где кончаются моря?

Твердо знает человек:
Море — дом бегущих рек,
Всех бегущих рек.

К морю прибыл мой вагон.
Пройден первый перегон!

Между 1931—1933 гг.

СЫН ЗЕМЛИ

Я родился на этой земле,
Я вышел из этих полей,
Любимая мать-Земля,
Я один из твоих сыновей.
Я люблю твою влажность и твою теплоту,
Ты меня пеленала, земля, как судьба,
Я люблю бархат трав
И тяжелые в поле хлеба.
О кормилицы-руки,
Обнимите покрепче меня,
Я хочу отдохнуть там, где радуют зеленя.
Человечества поле,
Я хотел бы расти и стареть
На просторах твоих
И на лоне земном умереть.

Я лежу на земле
И гляжу, как бегут облака,
К пестрой радуге тянется жадно рука,
И прозрачная манит лазурь,
Но хожу по земле, лишь по ней я хожу,
Чую запах земли, что навеки во мне.

В государстве небесном я б жить не хотел,
В государстве небесном жить — не лучший удел,
Мать-Земля, я доволен судьбой,
Мать-Земля, нам нельзя расставаться с тобой.

Весна 1933 г.

ВОРОНЫ НОЧЬЮ

Светит лампа в далеком окне,
Стрекочет сверчок в копне,
В небе ворона видна,
Одна и еще одна,
Несколько в небе ворон
Кричат с четырех сторон:

«Карр! Карр!»
Черные тучи висят,
Деревья сухою листвой шелестят,
За шагом шаг
Я ухожу, погружаясь во мрак.
И все-таки слышу —
Увы, не спасен —
Пронзительный крик ворон:
«Карр! Карр!»

Между 1933—1934 гг.

ОКНО

Не тень ли твоего лица
Мелькнула пред моим окном случайно?
Поблекла занавеска на окне —
Прошли все девять лет, все девять лет печальных.

Быть может, вновь тоска ушедших лет
С осенним ветром, с шелестом листвы пришла из далей,
А старая печаль, зарытая в земле,
Взошла сегодняшней травой моей печали.

Ты птица, ты случайно по пути
В мой сад осенний залетела
И вдруг исчезла, ибо так хотела
(Я сам сегодня как осенний сад).

Ты полетела вдаль, на край земли,
Искать весенний сад, но сад весенний — небыль.
Пред блеклой занавескою один
Гляжу на облака и небо.

Между 1933—1934 гг.

SYMPHONY

Воркует голубь где-то вдалеке
И вместе с ветром исчезает вмиг;
На печке, в котелке,
Кипящая вода бормочет, как старик.

А сам старик восьмидесяти лет
Похрапывает в пьяном полусне.

Веселая симфония пиров,
Симфония поминок и молитвы
Звучит —
И слышится в ней поступь бытия,
Его изменчивые ритмы.

Храпел старик...
Тяжелый плод упал
В ту тишину,
Которая навеки замолчала...

А время, как симфония морей,
Не знает ни конца и ни начала...

Между 1933—1934 гг.

ПОЕЗДКА НА ТЯНЬЦЯО *

«На Тяньцяо!» — сын мечтал.
«Да!» — отец ему сказал.
На Тяньцяо! На Тяньцяо!
День такой пройдет на славу.
Был трамвай, теперь дракон,
Водоплавающий он;
В человечьем бурном море,
Сером море, шумном море

---

* Тяньцяо — Небесный мост — историческое место в Пекине. Храмы, базары, лавки, магазины, театры были сосредоточены в одном квартале города.

Вдаль плывет трамвай-дракон,
Дин-дон, дин-дон...
Муравейник в том трамвае,
Но никто не унывает,
Копошатся в тесноте
До Тяньцяо те и те.

Март! Лети, бумажный змей!
Запустить его сумей.
С юга ласточка летела,
Перед нею в небе — тело,
Ей подобное явленье
Не внушило опасенья?
Небо той голубизны,
Что внушает людям сны.
Кто о чем мечтает —
Кто о том узнает?
Голубое небо
Манит душу, манит тело
За небесные пределы.

Мальчик знает, что такое
Небо голубое,
Для него предельно прост
Мост,
Но ребенку неизвестно
Сочетанье «мост небесный».
В небе радуга цветная,
Он о ней от взрослых знает:
Дождь и... радуга-краса —
Путь-дорога в небеса.
Ну а в солнечные дни
Как без радуги они?
На Тяньцяо! На Тяньцяо!
Яркий купол голубой,
Ты над ним не смейся, право,
Пусть смеется над тобой!

В небе стаи голубей,
Небо стало голубей.
Что за бабочка в окне!
Точно желтый лепесток.

И дракону по пути
Улыбается цветок.
«В небо бабочка летит»,
Но предание твердит:
Как-то бабочка одна
Полетела в небеса,
Чтобы радугу спросить,
Что ей, бабочке, носить,
Потеряла, мол, покой:
Самый лучший цвет какой?
Дождь прошел, и на луга
Вышла радуга-дуга,
Долететь бы только к ней,

Но лететь ей все трудней.
Вся промокла! Дальше — хуже,
И упала, плача, в лужу.

На Тяньцяо! На Тяньцяо!
Слева жмут и давят справа.
Папа знай себе курил,
Ничего не говорил.
Почему он стал курить?
Лучше б нам поговорить.
«День хорош и даже очень,
Удивительно красив.
А нельзя ли напророчить,
Чтобы дождь заморосил?»
«Да недурно! Шел бы косо,
И глядел бы стар и мал,
Как по веткам абрикоса
Он упруго застучал».
(Ливень — было бы получше!
Голубое скрыли б тучи,
Да и видимость не та
Из-под плотного зонта.
С крыш жемчужин шумный рой
Вниз бы капал, как заслон:
И, наполненный весной,
Двор от взоров заслонен!
И никто уже не скажет,
Беззаботен и спесив:

День хорош, прекрасен даже,
Удивительно красив!)
Дин-дон, дин-дон,
Вдаль плывет вагон-дракон.

Мальчик видит из окна:
То стена, а то аллея,
То аллея, то стена
Зеленеет и алеет.
Сердце бьется у ребенка:
На исходе путь старинный.
До свиданья, лавчонки,
До свиданья, магазины!
Но о чем мечтать он мог?
Папин голос: «Все, сынок,
Посмотри скорей направо,
Мы приехали — Тяньцзо».
Да, Тяньцзо перед ними,
Все спешат сюда, гонимы
Кто весельем, кто тоской,
Кто жестокостью людской.
Здесь смеются, тайно плача,
Плачут, празднуя удачу.
И везде, везде, везде
Крики нищих о еде.
Голос хриплый над толпой,
Тело согнуто дугой.
На земле лежит комок,
И другие — у обочин.
Кто-нибудь им тут помог?
Был ли им озабочен?
Сколько шаркающих ног!
Потерял башмак сынок.
Лица, желтые от горя,
Тонут-стонут в мертвом море,
Вся толпа пришла на пост,
Ураган ее не сдвинет,
Добровольно не покинет
Ни один Небесный мост.

Где же он, Небесный мост?
Для отца ответ непрост.

Он на небо смотрит снова,
Будто ждет ответ готовый.
«Ну, пойдем же, ну, пойдем,
Мы Небесный мост найдем!»
Где он? Где он?
Нет его!
Ничего нет! Ничего!
Все, сынок, печально-просто:
В мире нет такого моста,
Не летает в небе змей,
Нет беспечных голубей,
Лишь орел, могуч, остер,
Свои крылья распростер,
Улететь готов он смело
За небесные пределы.

«Значит, мост небесный в небе
Так и не был?
Значит, этот мост небесный
Не на небе — в клетке тесной?..»

Что ж ты, Небо, натворило
В добром синем далеке?
Вот дождинка покатилась
По мальчишечьей щеке.

1934 г.

Юань Шуй-по
(род. в 1916 г.)

Поэзия Юань Шуй-по — поэзия антитезы, поэзия полярных чувств — любви и ненависти. В его книгах («Народ», «Подсолнечник», «Зима, зима», «Бурное время», «Горные песни Ма Фань-то»), написанных в 30—40-е годы, уживаются лирический поэт и сатирик; иногда верх берет первый, часто, особенно во второй половине 40-х годов, громко и гневно звучит голос Юань Шуй-по — сатирика.

В 40-е годы большой популярностью пользовалась книга «Горные песни Ма Фань-то». Поэт Фэн Най-чао назвал Ма Фань-то (псевдоним Юань Шуй-по) за его глубокое постижение духа времени «революционным интеллигентом».

В стихах, написанных в памятное десятилетие, Юань Шуй-по создал правдивый, подчас трагический образ современника, китайского труженика и, решительно раздвинув географические рамки своей поэзии, показал события общемирового значения. Он заклеймил позором империализм, развязавший вторую мировую войну; в 1941 г. он создал известное стихотворение «Подсолнечнику на Дону», проникнутое духом интернациональной солидарности с советским народом. Юань Шуй-по писал о жизненной необходимости защищать завоевания Октября от фашизма, связав воедино свободу советского народа с судьбой народа Китая.

В 40-е, военные годы Юань Шуй-по создал немало ярких, запоминающихся стихов о победе Красной Армии под Сталинградом, о штурме и взятии Берлина, о победе советского народа в Великой Отечественной войне. Строки эти диктовала ему любовь.

В те же годы было написано много острых, звенящих ненавистью строк, направленных против внутренней контрреволюции, чанкайшистских реакционеров, обагривших руки свои

кровью тысяч и тысяч китайских патриотов («Монолог некоего человека», «Гвозди», «Это — ложь» и др.). Эти произведения звучат в полную силу и ныне, потому что поэзия Юань Шуй-по, народная по духу своему, ясная по форме и языку, была в 30—40-е и первую половину 50-х годов остросоциальна, и, самое важное, выбирая четкие ориентиры, она доподлинно знала, что́ достойно любви и что́ — ненависти.

Я НАДЕЛ ЧИСТУЮ, ВЫСТИРАННУЮ РУБАХУ

Надел я рубаху, и стал я хмельной,
От чистой рубахи шел запах речной,
Вдыхаю я запах весенней воды,
Пропахла рубаха рекой и весной.

Ликующий запах, волнующий грудь,
Мне хочется снова и снова вдохнуть,
Как строки Уитмена в легких одеждах —
Им было легко на дорогу шагнуть *!

Рассвет мое тело бросает к волне,
Приветствует солнце меня в вышине,
Щедры и обильны, остры и чисты
Все запахи солнца и моря во мне!

Вмешаться сумеют ли карандаши
И вычеркнуть строки из глуби души **?
Похоже, в старинной усадьбе Толстой
Писал об истории этой простой.

1940 г.

---

* Намек на «Песню большой дороги» У. Уитмена.

** Речь идет о реакционной цензуре тех лет. *(Прим. ред. китайского сборника.)*

ТРИ ПЕСНИ О СТАЛИНГРАДЕ

1

Я в душе ликующей таю,
Как мечту заветную свою,
Весть о том, что гордый Сталинград
Полчища врагов сломил в бою.

Будто думал: нет ли в этом лжи?
Будто весть уйдет, о ней скажи,—
В первый миг о вести я молчал,
Радовался: взяты рубежи!

2

Фронт — мужчинам, женщинам — завод,
Вместо сына мать в забой идет,
По две смены, пусть болит спина.
Вот какая, друг, была война!

Кулаки вздымал простой народ —
Белый флаг, и пал фашистский дот,
И была свобода спасена.
Вот какая, друг, была война!

3

Снежный Север, серебро лучей,
Снежный Север, белизна ночей,
Малахит, как в мирные года,
В небе светит красная звезда.

Старый мир, твой бьет последний час,
Шар земной стряхнул, ожесточась,
Грязь и, слыша голос запевал,
По дороге новой зашагал.

1943 г.

НОЧЬ

Бессильно голову склонив, идет походкой странной,
Как будто зверь с кровоточащей раной,
 бессильно голову склонив,
 бессильно голову склонив,
 бессильно голову склонив, идет походкой странной.
Глотая горечь слез, уходит в сновиденья,
Но сон разбит и смят без сожаленья,
 глотая горечь слез,
 глотая горечь слез,
 глотая горечь слез, уходит в сновиденья.

Июнь 1945 г.

ГВОЗДИ

О глаза, вездесущие глаза,
И в подвале,
И на крыше,
И во мне,
За стеною, под стеною и в стене!
Выдвижные ящики стола,
Всю бумагу до последнего клочка
Контролируют два дула — два зрачка.

Никогда ты в мою дверь не стучал,
Никогда я на твой стук не отвечал.
Только скрыться от тебя не могу,
И от взглядов мне твоих не спастись,—
Наблюдаешь, как я ногти стригу,
И заглядываешь в рот, как дантист.

Я беседую с приятелем вдвоем,
Но... в невидимом присутствии твоем.
Я губами шевелю, я творю,—
Злит тебя, что про себя говорю.
Я письмо моей любимой писал,
На листок ты алчно взгляды бросал,
Ибо так соблазн был велик:
Столько обличающих улик!

Я устал,
Я от тебя так устал,
От стыда и от усталости устал,
И на стол в изнеможении упал,—
И два глаза, плотоядно блестя,
В плоть вонзились, как два черных гвоздя.

Июль 1945 г.

ЭТО — ЛОЖЬ

Это — ложь,
Приклеится — не оторвешь;
Это — ложь,
Как гора, высока, и как море, у которого дна не найдешь.
Это — ложь,
Три руки и четыре ноги — далеко забредешь!
Это — ложь,
Девяносто кровавых лоханей, изрыгавших хулу ни за грош;
Это — ложь,
Щеки в пудре, но хвост не укроешь в лохмотьях одеж.
Это — ложь,
Твое длинное тело, как нож;
Это — ложь,
Твое брюхо раздуто от крови — сосешь и сосешь!
Это — ложь,
Демон зла на тебя так похож!
Это — ложь,
Шар в огне,
Ненавистен он мне,
Вот он катится,
Катится
По кричащей от боли земле!

14 августа 1945 г.

БЕЗМОЛВИЕ

...Вдруг человек явился предо мной,
Он был в крови, был рот раскрыт для крика,
Крик не рождался в горле безъязыком,
Но крик кричал кровавой тишиной.

...Вдруг на земле увидел я скелет,
Живого в нем — увы! — давно уж нет,
Нет ничего, чем жил он и дышал,
Нет черт того, кому принадлежал.

Август 1945 г.

РЫБЫ В ГОРОДЕ

Ты читал у Горького
   в повести «Сорок лет»
Описание Петербурга
   в густом тумане?
Под радужными пузырями
   фонарей
Горький увидел в людях
   что-то рыбье, ныряющее *.

А здесь разве не так?
   В этом городе
Мы похожи на бесчисленные стайки рыб
   в вертикальном положении,
Туда-сюда снующие в канаве,
   откуда вдруг стали выкачивать воду —
Вот только в причинах боли
   петербуржцы разбирались лучше!

1945 г., в годовщину Октябрьской революции

---

* «Невский проспект пытались осветить радужные пузыри фонарей... Среди этих домов люди, лошади, полицейские были мельче и незначительнее, чем в провинции, были тише и покорнее. Что-то рыбье, ныряющее заметил в них Клим...» (М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 19, М., 1952, стр. 190).

Жэнь Цзюнь
(род. в 1909 г.)

Начало поэтической и общественной деятельности Жэнь Цзюня связано с революционным Китайским поэтическим обществом, созданным под руководством Лиги левых писателей Китая в 1932 г. Вместе со своими единомышленниками Жэнь Цзюнь считал объективной потребностью времени консолидацию сил революционных поэтов, которые противопоставили свое творчество служителям «чистого искусства», символистам, декадентам, и боролись за боевое, наступательное искусство. В дискуссиях Общества («Поэзия и действительность», «О массовом характере поэзии», «Задачи поэта в современном обществе») Жэнь Цзюнь не только принимал активное участие, но и был одним из их инициаторов и теоретиков.

Жэнь Цзюнь называл революционных поэтов «набатом национально-освободительной войны», считал «дальнозоркими» тех из них, кто понимал требования времени. Он утверждал, что поэзия должна идти в массы, стать «искусством для слуха», и был активным пропагандистом «движения за декламацию». Собственные произведения Жэнь Цзюня декламировались на вечерах, а в 1949 г., в первые после освобождения дни, пятьдесят студентов Государственного театрального института Шанхая создали по его поэме «Прорыв блокады» музыкальное театрализованное представление.

Жэнь Цзюнь никогда не боялся обвинений в «лозунговости» своей поэзии; оппонентам он напоминал «Мой стих» Демьяна Бедного:

> Родной народ, страдалец трудовой,
> Мне важен суд лишь твой.

Он восторгался свободными ритмами У. Уитмена, ценил «оптимизм» поэзии А. Безыменского, называл В. Маяковского «самым неистовым певцом революции» и заявлял: «Произве-

дения Маяковского поистине не для комнатного чтеньица, их нужно декламировать перед массами, и не шепотком, а голосом взволнованным и сильным».

О своей поэзии он писал:

Пусть стихи «изящные и милые»
мумии декламируют!
Классики вычурность и манерность
пусть смакует окаменелость!
Мы хотим на боевого коня,
мы с винтовкою хотим наперевес,
с новой песнею, летящей до небес!

До начала и во время войны Сопротивления Жэнь Цзюнь опубликовал сборник «Боевые песни», «Песенки из тыла», «Пою во имя победы» и две книги сатирических стихотворений — «То в жар, то в холод» и «Полевые цветы».

Жэнь Цзюнь писал литературно-критические статьи, позднее собранные в сборнике «Критические заметки о новых стихах», переводил на китайский язык русских и японских прозаиков, а также зарубежные работы по эстетике.

КТО ПОВЕРИТ?

Кто поверит?
В те же самые мгновенья
В том же самом государстве
На фронтах воюют люди,
И кровавые бутоны
Распускаются и никнут, опаленные войной;
А другие, тоже люди, в том же самом государстве
Сладострастно в спальнях стонут,
Дико воют и танцуют, пьют зеленое вино.

Кто поверит?
В те же самые мгновенья
В том же самом государстве
Бродят толпы жалких нищих
И голодной страшной смертью умирают земляки;
А другие, тоже люди, в том же самом государстве
Опасаются смертельно
Задохнуться в толщах жира, разорвать себе кишки!

Впрочем, лучше
Меньше
Зрячих,
Ведь иначе
Истерзают ядовитые сомненья:
Неужели наши люди лишены сердец горячих?
Неужели нам томиться вечно в мрачном заточенье?

Сентябрь 1938 г., Чэнду

ГОРЕЧЬ НЕКОЕГО ЧЕЛОВЕКА

В дар уважаемому профессору

Любимой я хотел бы написать
Прекрасную, возвышенную оду;
Но вот беда, там, где она живет,
Лютуют оккупанты больше года.

Хочу создать величественный труд,
Хранить его в горах, пока бушуют грозы;
Но вот беда, исчезли две горы
И остальные под угрозой.

Хочу создать величественный труд,
Забыв на время муки и страданья;
Но вот беда, мне не дают уснуть
Почти прямые попаданья!

Мне был бы сан отшельника к лицу,
Исчезнуть бы в горах Наньяна;
Но вот беда, врывается война
В отшельничество Чжугэ Ляна *!

Профессор, с просьбой к вам явился я,
Не откажите в мудром наставленье,—
Какие грани бытия
Не связаны с войной Сопротивленья?

Я верю вам, не голосу молвы,
А за настойчивость мою не обессудьте;
Я убежден, профессор, только вы
Сегодня добрались до сути!

Весна 1939 г., Чэнду

---

* Жэнь Цзюнь вспоминает знаменитого полководца эпохи Троецарствия (220—280) Чжугэ Ляна, который долгое время жил отшельником в горах Наньяна.

ТУМАН

Туман —
белый бескрайний туман.
Туман
укутал деревья, дома,
гребень холма...
Туман
солнечный луч сломал,
мечутся зря глаза;
дорогу найти нельзя.
Туман —
бледная дьявольская рука,
дурман...
В эти часы
многие потеряли покой
и были по горло сыты
невыразимой тоской...
Словно рыбам, ушедшим на дно,
им не видно, что впереди
и что сзади;
Ожидает их хищник в засаде,
но об этом им знать не дано,
Но
Я,
оптимист и певец бытия,
Даже в этом тумане, где нечем дышать,
песнь надежды пою,
мне не сможет ничто помешать!
Так ветра леденят,
но деревья хранят
вечный свой изумрудный наряд!
Потому что пронзил
покрывало тумана мой взгляд,
мир иной
торжествует на землях страны.
Знаю я —
за тоскливой густой пеленой
лучезарная прелесть весны!

23 января 1941 г., туманный горный городок

НОВЫЕ ПЕСНИ МЫ ПЕТЬ ХОТИМ!

(первое «Вступление» к сборнику «Поем во имя победы»)

Навсегда забудьте, бросьте
   башню из слоновой кости!
Запах пороха —
   Не аромат услад,
   романтический и тонкий аромат.
Пусть пока
   цветы и травы
      в битвах наших дней
   засыхают под копытами коней!
Новые песни мы петь хотим,
   написанные слезами и кровью утраты,
      потому что мы новой эпохи солдаты.

Пусть стихи «изящные и милые»
   мумии декламируют!
Классики вычурность и манерность
   пусть смакует окаменелость!

Мы хотим на боевого коня,
   мы с винтовкою хотим наперевес,
   с новой песнею, летящей до небес!

Новые песни мы петь хотим —
   пусть орут десятки тысяч глоток,
   пусть орут, пока не победим!
Горы и реки от скверны очистим,
   и азиатская ночь обернется рассветом лучистым!

ПЕВЦАМ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

(второе «Вступление» к сборнику «Поем во имя победы»)

О певцы великой эпохи,
   во весь голос сегодня пойте!
      Как весенние громы, пойте!
      Как великий океан, пойте!

Может быть, кое-кто скривит губы:
неотесанны, мол, песни и грубы;
даже уши затыкают, гурманы,
Но, друзья, не обращайте вниманья!

В их попробуйте войдите положенье:
Эти слабые тепличные растенья,
эти хрупкие и бледные нервы,
словно тонкий фитилек лампы,
разве совладают с громами?!
Вероятно, кое-кто в сильном раже
как весомый аргумент нам покажет
пылью времени покрытые густо
«драгоценные творенья искусства»
И, как песни твои, Уолт Уитмен *,
к смерти он приговорит наши ритмы!
Но, друзья, тревоги ваши мне странны:
вспомним строки из Бедного Демьяна **.
Наших судей болтовня-враки,
завывания бешеной собаки!

О певцы великой эпохи,
громче свои песни пойте!
Ведь само великое время —
это величавая поэма!
Мужество, отвага и слава
в этой величавой эпопее,
Самые волнующие ритмы,
Самые могучие напевы...

---

* Американский поэт У. Уитмен подвергался нападкам со стороны поборников «чистого искусства», которые заявляли: «Если Уитмен понимает искусство, то и парнокопытные могут быть сведущи в математике». *(Прим. автора.)*

** У советского поэта Д. Бедного есть строки:

Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих — мой подвиг
ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой...

(Прим. автора.)

(Отрывок из стихотворения «Мой стих» цит. по: Демьян Бедный, Стихотворения, Л., 1949, стр. 67).

Цзоу Ди-фань

род. в 1918 г.)

Детство Цзоу прошло в провинции Хубэй в бедной, трудовой семье. Физический труд рано вошел в жизнь будущего поэта и впоследствии был изображен им в стихах. Серьезно поэзией Цзоу Ди-фань стал заниматься еще в стенах Фуданьского университета. Его первым большим произведением была поэма «Бескрылые люди», написанная им в возрасте восемнадцати лет, вторым — поэма «Плотничья мастерская» (1940, 1948).

Историки китайской литературы справедливо отмечали сюжетность, повествовательность стихов Цзоу Ди-фаня, что в первую очередь относится к поэме с нарочито прозаическим заглавием «Плотничья мастерская». Искалеченные человеческие судьбы, воссозданные в главах этой повести в стихах,— «Человек, который повесился», «Человек, который сколачивал гробы», «Утопленники» — сродни судьбам героев сборника Пу Фэна «Жизнь» (1936), опустошенных, скорбных, измученных жертв существующего правопорядка. И так же как у Пу Фэна, в поэме Цзоу Ди-фаня есть место надежде. Поэт описал мастерскую с ее запахом стружек, симфонией пил, молотков и рубанков по воспоминаниям прошлого, от которого не будет писателю покоя до тех пор, пока жизнь на земле не станет лучше. «С болью в сердце я видел вашу смерть и вашу жизнь»,— обращается он к своим героям в заключительных строках поэмы. Он благодарит их за то, что они помогли ему «увидеть свет за темным кругом».

Цзоу Ди-фань шел от больших эпических полотен к коротким экспрессивным стихотворениям, пронизанным мечтой о «вершине времени», куда мчится «скакун-идеал», о будущей весне и о колокольчике, который, подобно горнисту, возвещает рассвет.

На собственном опыте познал Цзоу Ди-фань жестокость и

зло реальной жизни, и поэтому, как писал составитель «Антологии китайской поэзии XX века» Сюй Кай-юй, «при первой возможности Цзоу, не оборачиваясь, устремился на Север», т. е. в районы, где шла особенно ожесточенная борьба революционных сил китайского народа с деспотией и реакцией.

Устремленность вперед, свойственная поэтическим строкам Цзоу Ди-фаня 40-х годов, означала также призыв к соотечественникам отрешиться от груза старого, рабской психологии, жестокости, от философии «моральных побед», когда любое оскорбление твоего достоинства, любое унижение, которому ты подвергаешься, силой твоего же воображения трансформируется в твою же «победу»! Призывом «победить в себе А-кью» Цзоу Ди-фань следовал за Лу Синем, за всей революционной литературой Китая новейшего времени.

До победы революции Цзоу Ди-фань выпустил в свет сборники «Пыль» (1939), «Небо и леса» (1942), «Снег и деревья» (1943), «Перешагнем...» (1949) и др.

В последующие годы поэт опубликовал сборники «Идем на Север» (1954), «Лирические стихи о Родине» (1958) и др.

ИДЕМ НА СЕВЕР...

Через леса наш путь пролег
И через горы цвета туши
Без дорог,
И по дорогам,—
Мягкий краснозем,—
Идем на Север, каждый шаг весом.

Огромен Север, нет ему конца,
Но цель близка, она уже видна;
Приблизились, и все-таки она
По-прежнему от нас удалена.
Старинный город.
Каждый дом
Зарос темно-зеленым мхом,
На черных крышах мох растет,
Идем — и дням теряем счет...

Мы тащимся, терзает пыль и зной,
Горячий пот мы чувствуем спиной,
Наш путь жестокий им насквозь пропах.
Песок, песок в ушах и на зубах.
И там, где предков древние следы,
Пройдем мы в час отчаянной страды.
Привал и отдых в сумрачной ночи,
Сырые стены, если повезет,
В неверном свете тоненькой свечи
Садимся в круг, и каждый не спеша
С водой холодной свой сухарь грызет.

Мы на циновках спим,
Но вместо снов
Идет томительный подсчет
Количеству истраченных шагов.

Огонь свечи пустился яро в пляс,
И пляшет сердце в унисон с огнем;
О родина, до цели мы дойдем,
Свободы свет мы в битвах обретем,
Огонь сердец не погасить ветрам,
Нас не страшит, что десять тысяч ли
Меж нами и победой пролегли.

Огнем свечи распорот мрак ночной,
Мы взяли в руки красный карандаш
И прочертили путь дальнейший наш,
Подсказанный отвагой и войной.
Наутро в путь!
Решимостью полны,
Спешим на Север с южной стороны.

Июль 1938 г.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Колесница

День наступит — сгинет тьма ночная,
Тентом станет голубое небо,
Солнце — быстрозвонким колесом,
Идеал высокий —
Скакуном;
И помчимся в нашей колеснице
К крайней точке неба,
На вершину
Времени.

Колокольчик

Колокольчик, синий, красный,
Ты карабкаешься властно
По стволу с надеждой страстной,
И тебе преграды нет;
Как горнист с вершины горной,
И бестрепетно, и гордо
Возвещаешь ты рассвет.

Весна

Пусть хлопают деревья зелеными ладонями,
Пусть кроваво-красные цветы поднимут факелы,
Пусть плещется пустыня, как море бирюзовое,
Пусть импровизируют кукушки предвесеннее,
Пусть по небу несется
Наш гордый гимн сражения.

Бутон

Смех юности, которой все дано,
Любовь, в груди созревшая давно,
В бутылке запечатанной вино,
Большая цель — достигнуть мудрено! —
И сердце, что еще не зажжено.

Темная ночь

Разве это преступленье —
Ночью лампу зажигать?
Голубого неба марта
Нет у ласточек давно.
А у пчел медоносящих
Все отобраны сады.

Весна 1942 г.

ПОБЕДИМ А-КЬЮ* В СЕБЕ

Памяти Лу Синя

Взгляните на А-кью,
В повозке арестантской
По городу
Его везут на казнь.

Что он за человек?
Нет, не землевладелец.
Батрачил день и ночь
Он за любую плату
И не считал часов.
Когда был нужен людям,
Терзали плоть А-кью;
А после в нем нужда,
Как в скорлупе яичной,
В которой нет желтка,
И вытек весь белок.

Храм Земледелия — пристанище твое,
Лил дождь, выл ветер, как шальной,
Людей влекло к домашнему теплу,
И только ты, голодный и больной,
Всю ночь лежал в сыром углу
И корчился, и вскакивал со стоном,
Как от укуса скорпиона.

Не избежать тебе голодных мук,
Коль во владенье только пара рук.
Упорен и упрям, ты можешь взять веревку
И ночью удавиться ловко,
А можешь «сдаться»
Или вдруг
Вообразить себе такое:
Кровь
Всех сосущих кровь
С твоей смешалась кровью!

---

* А-кью — герой выдающейся повести Лу Синя «Подлинная история А-кью».

Столетия прошли,
Идеи рабства,
Как тяжкое ярмо на шее у быка,
   Живьем людей закапывали в землю,
   Пытали, вешали, секли,—
   Идеи рабства,—
   Клеймили кожу,
   О добродетелях не забывали тоже,
   О вежливости, о стыде, о чувстве долга,
   Впиваясь в жертву взглядом волка,
Веля А-кью идти без понуканий
Дорогой «истинных деяний».

О, ржавый меч,
Для горла сбереженный!
Упал А-кью,
Тем лезвием сраженный.
Как рыба на песке горячем,
Он трепыхнется раз и два,
И с выпученными глазами
Его застынет голова.

Неужто ясным днем
         и в час полночный
Течет не кровь
         под кожей худосочной?
Вставай, А-кью,
Еду,
Любовь,
Работу
Ты вправе требовать,
А-кью!

Проснись и выходи из храма,
Освободись от всяческого хлама
Иллюзий,
Ведь они самообман,
Самовнушенье,
Самовозвышенье
И умиротворяющий туман...

В конце концов
Трусливое решенье
Вселило в душу торжество:

Ты по-крысиному
Пошел на воровство,
И ради жалкой горсти риса
Сквозь щели лез,
В чужих амбарах рылся.

О, жалкий, одинокий человек,
К безумию идущий человек!
Покинь свой храм без промедленья,
Отбрось и ужас, и оцепененье,
Встань, как гора и как сосна,
Великолепный человек!
Ты обретешь когда-нибудь
Свой светлый путь,
Единой воли грозный вал
Тебя позвал!

Те, кто «не разрешают революцию»,
«Осуществляют контрреволюцию».

Чудак и фантазер
В неравной пал борьбе.
. . . .
Мы победим
А-кью
В себе.

Октябрь 1948 г.

Ша Оу

Поэт Ван Я-пин, представляя читателям новый сборник Ша Оу «Первый удар грома» (1950), писал: «Автор — народный поэт, вышедший из помещичьей семьи и порвавший со своим классом».

До освобождения Ша Оу долго жил в деревне, которую любил и никогда не забывал. Естественна поэтому была его неодолимая тяга в 40-е годы к деревенской тематике, ко всему укладу крестьянской жизни.

Ша Оу показал китайскую деревню без идиллических прикрас, сурово и реалистично. Пожалуй, немногие из китайских поэтов 40-х годов сумели с таким мужеством передать трагизм деревенской жизни, неизбывное горе людей, истерзанных многолетней войной с японскими захватчиками и невероятным произволом агонизирующего класса помещиков. Самоубийства доведенных до отчаяния нищих крестьян, даже убийства собственных детей по прихоти помещиков, по свидетельству Ша Оу, были в гоминьдановской деревне не единичными фактами. Как и сборники других поэтов, книги Ша Оу становились обвинительными документами против старой, феодальной китайской деревни.

Но стихи Ша Оу тех лет — «Деревенские песни» (1946), «Ночь таянья снегов» (1947), «Линь Гуй-цин» (1947) — не просто свидетельства очевидца, это талантливая поэтическая летопись эпохи.

В послесловии к сборнику «Ночь таянья снегов» Ша Оу рассказал читателям о том, как зародилась в нем мысль описать в стихах жизнь современной деревни с ее «жестоким выжиманием соков из крестьян-арендаторов помещиками, беззаконием начальников „баоцзя" *, трагизмом, остротой борьбы,

* Группировка дворов деревни на единицы бао и цзя при гоминьдановском режиме с введением круговой поруки.

гибелью». Поэт мечтал написать такие стихи и песни, чтобы они как бы исходили от самих крестьян, а для этого он должен был писать просто, понятно на слух, на языке, близком его героям. Ша Оу начал записывать народные песни провинции Сычуань, прислушиваться к крестьянской речи, читать написанное односельчанам и переделывать строки, если что-либо в них казалось сложным или непонятным. Во многих случаях, об этом тоже Ша Оу упоминает в послесловии, он использовал в стихотворных строках диалектные слова и выражения, что в целом вряд ли можно одобрить, так как эти его эксперименты в конечном счете сужали аудиторию поэта: понятное в пределах распространения сычуаньского диалекта становилось затруднительным для других.

После 1949 г. Ша Оу издал много поэтических сборников («Алые цветы», 1955; «Красная роза» 1957; «Деревня» 1958, и др.), публиковал критические статьи о поэзии, собранные в трех выпусках «Бесед о поэзии» (1956—1958).

НОЧЬ

Злая, смертная ночь...
Мне вспомнить о ней невмочь...
Ворвалась солдатня,
Сына связали, он один у меня.
Выпал, мол, жребий.
Владыка на Небе!
У тебя есть глаза!
Научи старую больную вдову,
Как мне жить, пока я еще живу.

Июль 1944 г.

ТРИ ГОДА

Я похож на старого больного вола,
Вот какие дела.

В позапрошлом году господин был строг,
Увеличил крестьянам налог,

И арендную плату на беду
Увеличил он в минувшем году,

Да и нынешний — опять нам не впрок:
Стал задаток через меру высок!

Как набить, не приложу я ума,
Бездонные господские закрома?

Не могу я полю дать наказ:
Принеси, мол, урожай второй раз.

Грудь сдавило, я бреду и молчу
И три года за собой волочу.

Август 1944 г.

СТАРУХА

Старухе восемьдесят лет,
Усталости ее и меры нет!

Морщины — нет им счета и числа —
Дороги жизни, по которым шла.

Глаза слабеют, старости итог:
«В деревню бы сюда электроток!»

Бьет гонг на площади, его тревожен бой,
Старуха в такт качает головой:

«Побьем японцев,— говорит она,—
И воцарятся мир и тишина».

Август 1944 г.

ГАДАЛЬЩИК

В руках хуцинь *, сам слеп и строг,
Несчастен, как несчастный рок!

Гадание — его товар,
Вокруг него и млад, и стар,
И каждый откровенья ждет.

---

* Китайская скрипка.

 Закла 1817

Сбежался, скучился народ,
Как мухи, что летят на мед.
Быть урожаю или нет?
Помрем от голода и бед?
А как с арендою земли?
Гадать мы только и могли.

Февраль 1945 г.

КУРИЛЬНЯ ОПИУМА

Чужой курильню не найдет,
мы это знаем сами,
Но завсегдатай в дверь войдет
с закрытыми глазами.

Сверкает лампа, дым идет,—
сперва одну затяжку,
Потом еще, чайку хлебнет
и отодвинет чашку.

А после, скрючившись, лежит,
недвижим, на циновке.
Речами волость ублажит
всегда хозяин ловкий.

Пришлет чиновника уезд —
не обойтись без взятки;
Уедет он из наших мест,
и снова все в порядке.

Февраль 1945 г.

ЗЕМЛЯ

Как хворь не расстается с нами,—
Не расстаемся мы с землей...

Дед помер от нужды и бед,
С почтеньем обращаемся к тебе.

В голодный год, покорные судьбе,
Мы, плача, обращаемся к тебе.

Кидаясь в воду, духом ослабев,
Мы тоже обращаемся к тебе...

Июль 1944 г.

ХРАМ ЗЕМЛИ

У извилистой горной дороги
Храм стоит, обветшалый и строгий.

Беспрестанно печальные люди,
Хмуря брови, плетутся, как тени,
И несут ритуальные деньги,

И несут ароматные свечи,
И с мольбой бьют земные поклоны.

О болезни! О горькие стоны!
Не надейтесь, о люди, не надо:
Храм бессилен спасти нас от гнета
Восемнадцати ярусов ада!

Июль 1944 г.

СЛЕПАЯ

Не говорите ей про лепестки,
Про высоту деревьев, про кусты:
Слова такие для нее пусты.

Надежды жизни — в нищенской суме.
Пятнадцать лет она бредет во мгле,
Постукивая палкой по земле.

Однажды мальчик встретился в пути,
Она сказала людям: это сын,—
Семь лет они вдвоем среди равнин.

В пути мальчишка отгонял собак,
Делили рис и голодом терзались,
Они казались близкими людьми
И незнакомыми казались.

1947 г.

НОЧЬ

Прикладом в ворота, сподручней оно и верней;
Веревками вяжут, выводят злодеи парней.

Иной коромыслом бьет насмерть начальника цзя,
Иные с ножами: иначе отбиться нельзя!

Такое бывало, и снова в деревне темно.
У нас и собаки покой потеряли давно.

Январь 1947 г.

ИЗВЕСТИЕ

Огонь войны прожорлив и жесток,
Берут людей, другим выходит срок.

Один десятерым передает,
И знает деревенский наш народ

Что ждет его, и новых тьма морщин
На скорбных лицах женщин и мужчин.

Мужья настороже, не спят ночей,
Припрятали ножи для овощей:

«Живыми не дадимся в страшный час,
Не мы хотели, чтобы кровь лилась!»

Нахмурил лоб начальник баоцзя:
«Не устрашив, их брать уже нельзя!»

Январь 1947 г.

Ли Цзи
(род. в 1921 г.)

Родился Ли Цзи в семье бедняка крестьянина в горной деревушке уезда Танхэ провинции Хэнань. Когда началась антияпонская война, Ли Цзи было 16 лет. Окончив в 1938 г. школу, он поступает в Военно-политический институт, организованный компартией Китая. После института Ли Цзи направляется в Восьмую народную армию в качестве политического инструктора. С 1943 г. в Пограничном районе Шэньси — Нинся — Ганьсу он работает в местных органах народной власти и активно занимается литературной деятельностью — пишет небольшие рассказы, очерки, стихи, которые публикует большей частью в газете «Цзефан жибао».

В 1944 г. Ли Цзи создает поэму «Ван Гуй и Ли Сян-сян», одно из лучших произведений китайской поэзии новейшего времени. Пронизанная духом народных песен, их образами, мелодией и ритмом, поэма сразу же завоевала необыкновенную популярность. Она неоднократно переиздавалась после освобождения, на ее основе была создана опера.

«Ван Гуй и Ли Сян-сян» — повесть о героической революционной борьбе крестьян Пограничного района, о становлении нового человека, борца и строителя. В этой поэме, как и в последующих произведениях, Ли Цзи следует лучшим традициям реалистической литературы.

После 1949 г. Ли Цзи целиком отдается литературной работе. Он создает поэмы «Славная девушка», «Песнь жизни», «Жизнь Ян Гао», поэму для детей «Ключи от счастья», выпускает в свет сборники «Песни дружбы, борьбы и труда» (1952), «В дар нефтяникам» (1956), «Стихи о Юймыне» (1957), «Клятва моря» (1961) и др.

В 50—60-е годы, вплоть до «культурной революции», Ли

Цзи работал весьма активно и был одним из наиболее известных поэтов нового Китая.

Особое место в его творчестве занимали стихи о Советском Союзе. Поэт дважды — в 1951 и 1959 гг.— посетил нашу страну и создал большие циклы стихов о Ленине, о дружбе, о советских людях.

ВАН ГУЙ И ЛИ СЯН-СЯН

(из поэмы)

Цуй Эр-е собирает налоги

В тридцатом году на Саньбянь
 тяжкое горе легло...
Но, говорят, в Саньбяне
 не только печаль и зло.
Слышал, в Саньбяне не счесть
 золота и серебра.
Да только не к беднякам
 бывает земля добра.
Необозримый край —
 лёссовые поля.
Но что они им, беднякам!
 Это не их земля.
Прошлым летом сюда
 злая пришла судьба.
Были подобны углю
 высохшие хлеба.
Тяжко слепцу в темноте,
 дорога его нелегка —
Неурожайный год
 страшен для бедняка.
Начало года — терпи,
 а как дожить до конца?
Весной тридцатого года
 печаль сковала сердца.
Люди варили травы,
 ели все, что могли.

Не видно зеленых всходов
    на многие сотни *ли*...
В марте в гробах хоронили
    детей, матерей, отцов,
А в июне некому было
    оплакивать мертвецов.
В амбарах зерно сгнивало
    (у Цуя зерна не счесть),
А беднякам бездомным
    нечего было есть.
Голодными псами бродили,
    от голода еле дыша...
Но Цуй не поможет.
    Волчья
    У Цуя была душа.
Ветер деревья ломит.
    Тоскливо скрипят они.
Деньги сделали Цуя
    старостой в эти дни.
На счетах до сотни костяшек.
    До сотни! Но вот беда:
Как сосчитать у Цуя
    бесчисленные стада?
Пастбищ — на тридцать *ли*,
Пахотной — двадцать *ли*
Плодородной земли!
Все Цуй Эр-е дано:
И земли, и скот, и зерно.
В небе дым очагов,
    весь небосклон закрыт,
А половина неба
    Цую принадлежит.
Чем холодней погода,
    тем ветер крепче и злей,—
Чем больше в кармане денег,
    тем человек лютей!
Двадцать девятый год —
    неурожайный год.
Скорбно насупил брови
    весь деревенский народ.
Погибнут твои хлеба,
Голод — твоя судьба.

Не соберешь зерна —
Налог не отдашь сполна.
Голод еще не беда,
Налог не отдашь — беда!
Три дня у Рябого Вана
нечего есть и пить.
А тут холуи явились
с налогом поторопить.
И холуям без страха
так отвечает Ван
(Этот старик-крестьянин
за словом не лез в карман):
«Если налог не внесу я,
значит, на свете том
Буду помещику быдлом,
буду ему быком».
Как тигры, как злые волки,
набросились холуи...
Разве вынесут это
старые кости твои?
Исполосовано тело,
льется кровь, как река,
И только слышатся стоны
несчастного старика.
Как гусь, потерявший стаю,
бессильно метался он,
В сердцах деревенского люда
его отозвался стон.
«Я должен только зерно.
За что ж умереть суждено?
Скарб мой унес из дому,
все отобрал злодей.
Налог заплатить не в силах,
хоть до смерти Вана бей».
Осел понимает мало,
нет ума у осла,—
У холуя душонка
злобою заросла!
Палку одну сломал,
Палку другую взял.
Страшно было смотреть,
Как в Вана вселялась смерть.

Солнце на запад шло —
Не покидало тепло.
Когда же взошла луна —
Мертвая тишина.
Зимою деревья и травы
ростков не дают никогда,—
Крестьяне в старом Китае
жили хуже скота.

Ван Гуй трудится

Хитрый у Цуя план:
Сына оставил Ван,
Ван у Цуя в долгу —
Выплатит сын Ван Гуй.
Ягненок блеет, когда
Настигает его беда.
Ван Гую тринадцать лет,
Но он не ягненок, нет.
Хоть был он летами мал —
В работе толк понимал.
Корм скоту задавал,
А сам всегда голодал.
И даже под Новый год
Пуст у него живот.
В котлах варилась еда.
Ему — объедки всегда.
Бараньей шкурой одной
Закутан в холод и зной.
Осень. Спешит народ.
Серп и Ван Гуй берет.
Зимой овец сторожил.
Вечно в холоде жил.
Руки и ноги жгло.
Где же возьмешь тепло?
В морозы его еда,
Как камень, была тверда.
Сам промерзал до костей.
Огонь развести б скорей.
«Но как же я разожгу
Сырые дрова в снегу?»

Ириса пять лепестков
 раскрылись, жизнью полны.
В труде прошли у Ван Гуя
 полных четыре весны.
Много зимою снега —
 осенью урожай.
Как побеги пшеницы,
 рос Ван Гуй и мужал.
Метут в декабре метели,
 деревня в снежном кольце.
Думает думу сын
 о дорогом отце.
Вол заменит вола,
 старого — молодой.
Сын отомстит за отца,
 гнев не зальешь водой!

Кэ Чжун-пин
(1902 — 1964)

Кэ Чжун-пин — признанный мастер эпических жанров. В истории китайской поэзии новейшего времени он известен прежде всего как автор двух крупных поэм — «Партизанский отряд рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги» и «Отряд самообороны Пограничного района», созданных в годы войны Сопротивления японским захватчикам. А еще раньше, в 1927 г., Кэ Чжун-пин издал поэму «Ночная песнь моря». Однако широкую популярность ему принесли поэмы военных лет. В «Партизанском отряде рабочих...» Кэ Чжун-пин впервые масштабно изобразил борьбу китайского рабочего класса против агрессоров, и это было для тех лет чрезвычайно важно, так как китайские поэты 30—40-х годов тяготели главным образом к деревенской тематике. В доработанном виде поэмы были переизданы в 1954 г.

Кэ Чжун-пин был пламенным энтузиастом движения за придание поэзии массового характера, за то, чтобы стихотворная строка была понятна на слух каждому. Он призывал собратьев по перу учиться на образцах фольклора, писать на простом, разговорном языке. Вместе с Тянь Цзянем и другими поэтами Кэ Чжун-пин писал злободневные «стихи для улицы» (цзетоуши) и «настенные стихи» (яньбиши).

В 1949 г. Кэ Чжун-пин выпускает книгу «Непобедимый боец».

Лирические стихотворения, посвященные событиям и героям войны, в конце 40-х годов поэт опубликовал в сборнике «От Яньани до Пекина», впервые вышедшем в свет в 1950 г., а затем дважды переиздававшемся. В предисловии к сборнику, откуда взяты для перевода стихи, Кэ Чжун-пин скромно отмечал, что именно в книге «От Яньани до Пекина» нашли практическую реализацию его «незрелые взгляды» на поэзию, ее сущность и предназначение.

СКОРБЛЮ О ПОЭТЕ ВЭНЬ И-ДО

Не видно ни тропинок, ни дорог,—
Ты «Красную свечу» * во тьме зажег,
И скорбно пел о страшной силе зла,
И все искал сияние луча.
С тобою вместе красная свеча
Потоки слез кровавых пролила.
И только позже ты нашел пути,
Которыми идти за тем лучом,—
Не со зверьем помещичьим идти
И не с американским богачом,
А с авангардом родины своей,
С рабочими, с крестьянами страны,
Во имя
Будущей весны,
Демократических идей!

Перо поэта стало с давних пор
Как острый меч,
Как боевой топор.
Бандит народу путь не преградит,
И зря тиран задумал хитрый план:
Сверкнет топор —
И падает бандит,
Взлетает меч —
И падает тиран!
Тебя позвал бушующий Ухань,
Ты шел пешком в провинцию Юньнань,
В мой край родной.

---

* «Красная свеча» — первый сборник Вэнь И-до. *(Прим. автора.)*

Тебя благодарю,
Ты нам принес прекрасную зарю!

Наш город славен «золотым конем»,
Гарцуй на нем,
Вперед скачи на нем.

«Лазоревый петух» * крылом взмахнет,—
Он за лучом
С тобой готов в полет.

Отважные в Юньнани сыновья.
Веди их
Против черного зверья.

Ты только книгу, книжник,
В руки брал.
Сегодня ты народный генерал.

Отважный, славный генерал-поэт,
Врагам достойный ты давал ответ,
Вступить в открытый рукопашный бой
Охранка не осмелилась с тобой,
Но тайно, скрытно, заметая след,
Шел за тобой бесшумный пистолет.

На родине моей ты был убит!
Но почему решился вдруг бандит
Злодейское убийство совершить?
В Куньмине стало много чанкайши!

(Хочу излить всю боль мою и гнев:
Чего-то ждал юньнанец, присмирев,
Но, к ужасу «доверчивой» души,
Всех обманул предатель Чан Кай-ши!)

Нам всем пойдет наука эта впрок,
Прости недальновидных земляков!

---

* Название мест в Куньмине. Легенда рассказывает, что «золотой конь» и «лазоревый петух» (так обычно называют фениксов) вечно парят над озером Дяньчи и горами Сишань. *(Прим. автора.)*

Кровавый, поучительный урок
Для всех глупцов на тысячи веков.
Ведь некогда поднялся отчий край,
И свергнут был тиран Юань Ши-кай *.

Наш генерал, поэт и демократ,
В Юньнани света больше во сто крат!
Отцы и братья, слово к вам,
Непокоренным землякам:
Поэт убит. Достоин он
Величественных похорон.
Похороните Вэнь И-до
С Не Эром ** рядом,
Не Эр поэмы Вэнь И-до
Хотел, наверно,
На музыку переложить,
Но нет Не Эра.
Согласен был бы наш Не Эр
С таким решеньем:
Отлейте статую, друзья,
Поэта Вэня!

Она мне видится такой:
Поэт летит на «золотом коне»,
Сжимая свиток левою рукой,
Сжимая пику правою рукой,
А сзади феникс, гордый и живой,
И задними копытами коня
Ты топчешь зло, бесстрашие храня.
И, фениксу покорен,
Брызжет свет!
И сбросила Юньнань всю тяжесть прошлых лет,
И тысячи людей вокруг тебя, поэт.
И на высоком берегу Дяньчи
Поэта статуя
И яркие лучи.

---

* Кэ Чжун-пин имеет в виду антимонархическое движение в южных и юго-западных провинциях Китая в 1915—1916 гг., начатое в провинции Юньнань.

** Не Эр (1911—1935) — композитор, один из основоположников новой китайской музыки. Родился в провинции Юньнань.

Часы победы радостно звучат,
Победы стяг на каждом рубеже,
Шагает демократии солдат,—
И будет мир!
Он к нам пришел уже!

И силою повергнув силу зла,
Народ Китая свой опустит меч,
Прикосновеньем света и тепла
Зажжет мильоны красных свеч,
И жертвоприношения обряд
Здесь совершит отечества солдат,
Поэт убитый,
В память о тебе,
И обо всех,
Кто в грозной пал борьбе.

1946 г., Яньань

ПОЮ ГЕНИЯ НАРОДА ПУШКИНА

Прочитано на юбилейном заседании в Пекине в честь 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина

Цветок России, русский гений,
Он гибель предпочел придворному служенью,
Он драгоценный меч, хвала его деяньям,
Тускнеют звезды пред его сияньем,
Стремительнее молний небосвода,—
В нем образ русского народа!

О Пушкин, гордый, русский гений,
Народа глас — его творенья,
И льется стих, как между гор родник,
Что вдруг возник
И стал рекою вмиг,
А после в море обратится...
О Пушкина нетленные страницы!
Вершинам горным равные величьем
И родникам российским чистотой,
Российским рекам голубым обличьем,
Морям российским силой налитой.

Он песни пел от имени народа,
Он был как ветер раннею весной,
Он славил в песне небо, горы, воды,
Поля и целый шар земной.
И люди, люди всей земли
На встречу с Пушкиным пришли.
Как пушкинский отметят юбилей
Народы нового Китая?
Сто солнц любви над миром поднимая
Руками миллионов сыновей!

6 июня 1949 г.

 Заказ 1817

ИСТОЧНИКИ СБОРНИКА «СОРОК ПОЭТОВ»

Лю Бань-нун

«Взмах плети» («Ян бянь цзи»), Шанхай, 1926.

Лю Да-бай

«Воссоздай» («Цзайцзао»), Шанхай, 1930.
«Дин-дон!» («Динпин»), Шанхай, 1930.
«Песнь о продаже холста» («Майбу яо»), Шанхай, 1930.
«Поцелуй по почте» («Ю вэнь»), Шанхай, 1930.
«Слезы осени» («Цю чжи лэй»), Шанхай, 1931.

Чжу Цзы-цин

«Следы» («Цзунцзи»), Шанхай, 1924.

Сюй Юй-но

«Сад будущего» («Цзянлай ди хуаюань»), Шанхай, 1931.

Ван Цзин-чжи

«Ветер в орхидеях» («Хуйчжи фэн»), Шанхай, 1922.
«Одинокая страна» («Цзимо ди го»), Шанхай, 1931.

Се Бин-синь

«Звезды» («Фаньсин»), Шанхай, 1923.
«Вешние воды» («Чунь шуй»), Шанхай, 1923.

Лян Цзун-дай

«Вечерняя молитва» («Вань дао»), Шанхай, 1933.

Цзун Бай-хуа

«Бегущие облака» («Лю юнь»), Шанхай, 1928.

Кан Бай-цин

«Трава» («Цао-эр»), Шанхай, 1922.
«Трава впереди» («Цао-эр цзайцянь цзи»), Шанхай, 1924.

Ван Тун-чжао

«Детское сердце» («Тун синь»), Шанхай, 1925.
«Избранные стихотворения» («Ши сюань»), Пекин, 1958.

Чжэн Чжэнь-до

«Собрание сочинений» («Вэнь цзи»), т. 2, Пекин, 1963.

Сюй Чжи-мо

«Скитания в облаках» («Юнь ю»), Шанхай, 1932.
«Стихи Чжи-мо» («Чжи-мо ди ши»), Шанхай, 1931.
«Тигр» («Мэн ху цзи»), Шанхай, 1931.
«Флорентийская ночь» («Фэйлэнцуй ди и е»), Шанхай, 1927.

Чжу Сян

«Вечные слова» («Юн янь цзи»), Шанхай, 1936.
«Каменные ворота» («Ши мэнь цзи»), Шанхай, 1935.

Ин Сю-жэнь

«Избранное Ин Сю-жэня и Пань Мо-хуа» («Ин Сю-жэнь Пань Мо-хуа сюань цзи»), Пекин, 1957.

Пань Мо-хуа

«Избранное Ин Сю-жэня и Пань Мо-хуа» («Ин Сю-жэнь Пань Мо-хуа сюань цзи»), Пекин, 1957.

Цюй Цю-бо

«Собрание сочинений» («Цюй Цю-бо вэнь цзи»), т. 1. Пекин, 1957.

Цзян Гуан-цы

«Новые мечты» («Синь мэн»), Шанхай, 1925.
«Избранные стихи и проза» («Ши вэнь сюань»), Пекин, 1956.

Инь Фу

«Избранные стихи и проза» («Ши вэнь сюань цзи»), Пекин, 1954.

Шао Сюнь-мэй

«25 стихотворений» («Ши эршиу шоу»), Шанхай, 1936.

Чэнь Мэн-цзя

«Стихи Мэн-цзя» («Мэн-цзя ши»), Шанхай, 1931.

Фэн Чжи

«Избранные стихи и проза» («Ши вэнь сюань цзи»), Пекин, 1955.
«Песни вчерашнего дня» («Цзожи чжи гэ»), Шанхай, 1927.
«Путешествие на Север и другое» («Бэй ю цзи цита»), Бэйпин, 1929.
«Сонеты» («Шисы хан ши»), Шанхай, 1949.

Дай Ван-шу

«Мои воспоминания» («Води цзии»), Шанхай, 1931.
«Наброски Ван-шу» («Ван-шу цао»), Шанхай, 1934.

Пу Фэн

«Жизнь» («Шэнхо»), Шанхай, 1936.
«Колыбельная» («Яолань гэ»), Шанхай, 1937.
«Смутная ночь» («Ман-ман е»), Шанхай, 1934.
«Стальные песни» («Ганте ди гэчан»), Шанхай, 1936.

Ван Я-пин

«Город зимой» («Дун ди шиду»), Шанхай, 1935.
«Декабрьский ветер» («Шиэръюэ ди фэн»), Шанхай, 1936.
«Избранные стихотворения» («Ши сюань»), Пекин, 1954.

Вэнь Лю

«Наш городок» («Вомэнь ди бао»), Циндао, 1936.

Цзян Юэ-лан

«Песни строителей дороги» («Лугун чжи гэ»), Циндао, 1935.

Сяо Сань

«Дорога мира» («Хэпин чжи лу»), Пекин, 1953.
«Избранные стихотворения» («Ши сюань»), Пекин, 1960.

Ай Цин

«Даяньхэ», [б. м.], 1936.
«Избранные стихотворения» («Ши сюань»), Пекин, 1955.
«Север» («Бэйфан»), [б. м.], 1946.

Тянь Цзянь

«Еще нет рассвета» («Вэй мин цзи»), Шанхай, 1935.
«Китай. Деревенская история» («Чжунго. Нунцуньды гуши»), [б. м.], 1936.
«Клятва» («Ши цы»), Шанхай, 1954.
«Том, кто сражается» («Гэй чжаньдоучжэ»), Шанхай, 1947.

Го Мо-жо

«Голос войны», «Цикады»,— в кн. Го Мо-жо, Сочинения («Мо-жо вэнь цзи»), т. 2, Пекин, 1957.

Цзан Кэ-цзя

«Канал» («Юньхэ»), Шанхай, 1936.
«Клеймо» («Лаоинь»), [б. м.], 1947.
«Нулевой градус жизни» («Шэнминды лин ду»), Шанхай, 1947.
«Преступные черные руки» («Цзуйэды хэй шоу»), Шанхай, 1934.

Бянь Чжи-линь

«Рыбий глаз» («Юй му цзи»), Шанхай, 1940.
«Стихи за десять лет» («Ши нянь ши цао»), [б. м.], 1942.

Хэ Ци-фан

«Пророчество» («Юйянь»), Шанхай, 1949.
«Сады Китая» («Хань юань цзи»), Шанхай, 1936 (Коллективный сборник Бянь Чжи-линя, Хэ Ци-фана, Ли Гуан-тяня).

Ли Гуан-тянь

«Сады Китая» («Хань юань цзи»), Шанхай, 1936 (Коллективный сборник Бянь Чжи-линя, Хэ Ци-фана, Ли Гуан-тяня).

Юань Шуй-по

«Бурное время» («Фэйтэнды суйюэ»), Шанхай, 1947.
«Сорок стихотворений» («Ши сыши шоу»), Шанхай, 1954.

Жэнь Цзюнь

«Избранные стихотворения» («Ши сюань»), Шанхай, 1947.
«Пою во имя победы» («Вэй шэнли эр гэ»), [б. м.], 1943.

Цзоу Ди-фань

«Идем на Север» («Цзоу сян бэйфан»), Пекин, 1954.
«Лирические стихи о Родине» («Цзуго шициши»), Пекин, 1958.
«Пыль» («Чэньту цзи»), [б. м.], 1939.

Ша Оу

«Деревенские песни» («Нунцунь ди гэ»), Шанхай, 1947.
«Линь Гуй-цин», Шанхай, 1947.
«Ночь таянья снегов» («Хуа сюэ е»), Шанхай, 1947.

Ли Цзи

«Ван Гуй и Ли Сян-сян» (фрагменты из лиро-эпической поэмы), Пекин, 1961.

Кэ Чжун-пин

«От Яньаня до Пекина» («Цун Яньань дао Бэйцзин»), Пекин, 1952.

СОДЕРЖАНИЕ

Сорок поэтов

Китайская лирика 20—40-х годов

Редактор Р. Ф. Мажокина
Младший редактор Г. С. Горюнова
Художник В. И. Левинсон
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор Л. Ш. Береславская
Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 13049

Сдано в набор 18/V 1977 г.
Подписано к печати 19/I 1978 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1.
Печ. л. 10.75. Усл. п. л. 18.06. Уч.-изд. л. 13,88.
Тираж 10 000 экз. Изд. № 3924.
Заказ № 1817. Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

С65 **Сорок поэтов.** Китайская лирика 20—40-х годов. Пер. с кит., статьи об авторах и предисл. Л. Черкасского. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», М., 1978.

342 с.

В сборник входят произведения поэтов разных творческих направлений — реалистов, романтиков, символистов, произведения, окрашенные мотивами печали и скорби, гнева и протеста, стихи, героями которых стали люди новой формации, одухотворенные высокими идеалами социального, политического и нравственного раскрепощения личности.

Эта книга является четвертой после «Красного прибоя» (1964), «Дождливой аллеи» (1969) и «Пятой стражи» (1975) в серии, посвященной китайской поэзии новейшего времени во всем многообразии ее форм и жанров.

С $\frac{70404\text{-}068}{013(02)\text{-}78}$ 195-77 И(Кит)

Цена 1 р. 60 к.

